



УДК 94(470)"18/...»

DOI: 10.15393/j14.art.2025.217

EDN: XNWUSW

Статья

## Николай Петрович Кутьков

Независимый исследователь, краевед  
Петрозаводск, Республика Карелия

### ТАЙНОПИСЬ «БИОГРАФИИ» КОЗЬМЫ ПРУТКОВА (К истории двух литераторов из Петрозаводска)

**Аннотация.** Из множества поэтов и прозаиков в основном 19 века только некоторые удостоены внимания литераторов-пересмешников под вымышленным именем Козьма Прутков. Несложно привести список поэтов, ставших мишенями пародий братьев Жемчужниковых и Алексея Толстого. Гораздо труднее перечислить хотя бы несколько прозаиков, давших материал для творчества К. Пруткова. Однако существует «автобиография» Пруткова, на основе которой можно сделать аргументированное предположение об одном из них. Это отставной столичный графоман, который интересен для нас тем, что первые свои 15 лет чиновничьей службы провел в г. Петрозаводске. Кроме того, одним из главных объектов поэтических пародий Козьмы Петровича был Владимир Бенедиктов, проведший в нашем городе детство и юность.

**Ключевые слова:** Козьма Прутков; биография; адресаты пародий; Владимир Григорьевич Бенедиктов; Александр Маркович Полторацкий..

**Для цитирования:** Кутьков Н. П. Тайнопись «Биографии» Козьмы Пруткова (К истории двух литераторов из Петрозаводска)// CARELiCA. Научный электронный журнал. 2025. № 1-2 (33/34). С. 53—130. DOI: 110.15393/j14.art.2025.217. EDN: elibrary.ru/XNWUSW.

Λ

итературная мистификация — явление, в сущности, безобидное, хотя и высмеивающее «купившихся» издателей и читателей. Однако есть случаи, когда она обличалась чуть ли не фальсификацией истории.

#### Козьма Прутков

Сейчас бы мы назвали Козьму Петровича *виртуальной личностью* — этот псевдоним использовался коллективом авторов во второй половине XIX в. для публикации философических сентенций и пародийных стихов. Образ писателя-чиновника придумали Алексей Толстой, братья Жемчужниковы и Александр Аммосов, чтобы высмеять тщеславие, недалекость и самоуверенность *благонамеренных* авторов того времени. Эти *литературные тролли* заставили полный зал театра, включая царское семейство, просмотреть скандальную пьесу Пруткова и сочинили ему целую биографию, портрет и официальный некролог. Прутков попал в хрестоматии того времени и удостоился критических статей Чернышевского и Добролюбова. Он настолько убедителен, что и сегодня в пабликах с цитатками на полном серьезе

появляются глубокомысленные изречения Пруткова типа «Если хочешь быть счастливым — будь им!», красиво оформленные на закатных пейзажах.

Произведения Козьмы Пруткова уже давно превратились в настольные для любого читающего россиянина. Тиражи и частота переизданий сделают честь любому отечественному и зарубежному классику. Более 150 лет сочинения Пруткова не только веселят и развлекают читателей, обладающих одним из драгоценных чувств, присущих человечеству, — чувством юмора. Написанные преимущественно ради щутки, легко и непринужденно, они будят очень важные эмоции, порождаемые ассоциативными связями. Иначе трудно объяснить живучесть и актуальность прутковских творений — от высмеивания эпигонов модного направления в литературе до ядовитых насмешек над любыми признаками, присущими полицейским государствам.

Пруткова любили цитировать современники: Чернышевский, Добролюбов, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Герцен, Тургенев, Гончаров... Не так давно в этом ряду обязательно упоминались любимые прутковские изречения В. И. Ленина и Г. В. Плеханова.

Век XX и начало нынешнего — лишь продолжение триумфа Пруткова. Его используют в своих высказываниях гораздо чаще, чем наиболее сильных литературных конкурентов прошлого столетия. Например, героев нового *плутовского романа* 1920-х: Невзорова («Похождения Невзорова, или Ибикус» А. Толстого), Хулио Хуренито («Необычайные похождения Хулио Ху-ренито и его учеников» И. Эренбурга), Йозефа Швейка («Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека), героев И. Бабеля, наконец Остапа Бендера. Некоторые афоризмы Пруткова употребляют, даже не подозревая об авторстве.

Многие знают наизусть не только афоризмы, четверостишия, короткие басни. Особенно памятливые могут даже припомнить пару тезисов из прутковского неувядаемого проекта «О введении единомыслия в России». Но мало кто может вспомнить главные факты жизнеописания самого Пруткова, его служебную, чиновничью и переплетающуюся с ней творческую биографию. Разве что само собой всплывает в памяти должность и основное место работы героя — директор Пробирной палатки.

Подробности биографии, изложенные братьями Жемчужниковыми, запомнить трудно. И разобраться в этой довольно сложной связи разноречивых и разнокалиберных фактов, имен и псевдонимов непросто даже профессиональному историку и литератору-веду.

Для оценки всего диапазона творческого наследия Пруткова «Биографические сведения о Козьме Пруткове» [1: IX—XXII] (в дальнейшем условимся именовать их просто «Биография») все-таки крайне важны. Иначе трудно объяснить подчеркнуто внимательное отношение самого Козьмы Петровича к собственному жизнеописанию. «Биография» и «Некоторые материалы для биографии К. П. Пруткова» (в дальнейшем — «Материалы») и пояснения к ним, между прочим, занимают довольно внушительный объем в полном собрании сочинений мэтра.

Мне самому приходилось десятки раз перечитывать эту, по выражению В. Ходасевича, *автобиографию вымышенного лица*, сочиненную братьями Александром и Владимиром Жемчужниковыми. Это ровно половина из об-





щего числа создателей литературной маски по имени Козьма Прутков. Знакомство с первым сборником «Досуги и Пух и перья» состоялось довольно давно — еще в школьные годы. И с каждым разом всё настойчивее обращали на себя внимание некоторые труднообъяснимые факты из этого литературного *метрического свидетельства*. Чувствовалось, что авторам зачем-то нужна такая лукавая и не очень понятная игра с именами и датами, географическими названиями и чинами. Безусловно, текст рождал ассоциации с какими-то историческими событиями. Правда, они лишь угадывались за цветистым повествованием о жизни *директора Пробирной палатки*. Ведь даже прутковский год рождения авторы-клевреты, как именовал сам Козьма Петрович своих создателей, братьев Жемчужниковых и А. К. Толстого, дают разный — то ли 1801-й, то ли 1803 г.

В другом месте биографических сведений, опубликованных, кстати, в 1854 г. (!), проговариваются, что *мальчишка Кузька Прутков* жил и здравствовал как минимум за 20 лет до своего *дня рождения*, то есть еще до 1780 г. А то, что он родился буквально в одно время с неким очень известным историческим лицом, давало, как предполагалось, вполне надежный ключ к разгадке.

С помощью этой существенной подсказки можно было браться за анализ «Биографии» и по возможности, если уж не полностью, то максимально приблизиться к её расшифровке. Обращение к трудам комментаторов-пруткововедов обнаружило полное отсутствие сколько-либо внятных и удовлетворительных ответов на основные интересующие вопросы. Нет, «Биографии», конечно, комментировались, но уровень этих комментариев не только не прояснял загадочные места текста, но иногда еще больше запутывал читателя. Несогласием с трактовкой многих фактов *автобиографических трудов* Козьмы Петровича и можно объяснить собственную попытку интерпретации.

Еще одна причина обращения к теме — долголетнее изучение биографии одного исторического лица, постоянного объекта моих краеведческих интересов. За двадцать лет работы в архивах и библиотеках Петрозаводска и Петербурга приходилось изучать не только основные вехи жизни этого человека, но и многочисленные подробности, которые оказались столь же важны для заявленной темы. В результате нельзя было не признать, что судьба этого человека хоть и не совсем напрямую, но все-таки достаточно прочно связана с судьбой литературного персонажа.

Во вступлении нет необходимости раскрывать имя этого человека. Исчерпывающие данные о нём будут приведены по ходу работы. Сформулирую пока что отправные соображения, касающиеся разработки темы.

По моему убеждению, «Биография» есть своеобразная тайнопись, достаточно прозрачно зашифрованное послание читателям — современникам и потомкам, помогающее глубже понять особенности создания и временного поля литературной маски. Конечно, тайнопись «Биографии» возникла не на пустом месте, не из простого озорства. В немалой степени она есть результат цензурных ограничений, по которым, например, один из главных создателей проекта «Козьма Прутков» граф Алексей Толстой не мог в то время опубликовать свою замечательную поэму «Сон Попова» и поэтому распространял её только в списках.

Эти же соображения заставили поэта ограничить, оборвать своё повествование в неподцензурной «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» [2]. «Наши дни», как

он сам сетовал, ограничились временем Александра Первого, хотя произведение создано в 1868 г., в царствование уже второго по счёту монарха после упомянутого.

Вынужденные предосторожности братьев Жемчужниковых и А. К. Толстого нетрудно понять. Высшая власть с большим подозрением и весьма неодобрительно относились к тем, кто без официального дозволения касался российской истории. Вернее, опасны были не сами исторические факты, а концептуальные выводы, которые можно сделать на их основе. Даже когда не предполагалось издание результатов исследования.

Если же дело касалось печати, государственные цензоры тщательно следили, чтобы читателю под видом объективных исторических фактов не *подсовывались* намеки на сегодняшний день. Если невозможно уберечь обывателя от ассоциаций, полагали власти, лучше вообще свести к минимуму любые упоминания лиц, ответственных за благополучие государства. Особенно во времена, когда была «земля у нас богата, порядка в ней лишь нет...»[2]. Однако запреты приводили к противоположным результатам: острый интерес к истории только усиливался. Особенно к отечественной: к новгородской аристократической республике, к тирании Ивана Грозного, а как следствие — вообще к древнерусской словесности.

Времена цензурных ограничений позапрошлого века давно миновали, а дешифровка «Биографии», к сожалению, своевременно не состоялась, но, к счастью, и не оказалась безнадежно запоздавшей. Данная работа, по существу, и есть попытка дешифровки. Она представляет собой комментирование, иногда достаточно пространное, многих фактов, уже не вполне понятных нашему современному.

Надеюсь, исследование поможет несколько подправить устоявшееся представление о диапазоне действия персонажа по имени Козьма Прутков во временном поле и конкретизировать некоторые адресаты его пародий. Только решив основные загадки текстов, относящихся к жизнеописанию персонажа, можно распутать и не столь значительные нестыковки в «Биографии». В частности, установить правильную хронологическую последовательность всех поколений рода Козьмы Петровича Пруткова, всех его *предков и потомков*.

### Неполадки в пробирной палатке

Одним из главных признаков, маркёром образа Козьмы Пруткова является его директорство, заведование Пробирной палаткой. Современному читателю вряд ли придет в голову связать это название с серьезным учреждением, подобным государственной Счетной или Общественной палате, Грановитой или Оружейной. Этимологически слово палата восходит к латинскому *Palatium* — чертог, дворец. Однако с присоединением уменьшительного суффикса ассоциации возникнут вовсе не масштабные — торговая, туристская, армейская палатка... Ясно лишь, что некогда это слово обозначало вполне конкретное и не столь солидное учреждение, как одна из упомянутых палат.

Сам термин «пробирная палатка» появился в империи только после учреждения Министерства финансов, после 1802 г. До этого в составе обоих столичных монетных департаментов (само по себе это было очень небольшое подразделение при камер-коллежском департаменте) подобной работой занимались пробирные палаты. Они возглавлялись главным специалистом, вардейном, а под началом последнего практической работой занимались минцмейстеры. То есть учреждение министерств с суперсложной организационной структурой существенно понизило статус пробирерской службы: палата превратилась в более мелкое подразделение — палатку.

Что это за учреждение и какие функции оно выполняло? Вкратце можно сказать так: организация госконтроля за сплавами драгоценных металлов. Пробирный надзор существовал еще

до Петра Первого. Государственное клеймение драгметаллов было защитой от постоянно возраставшего числа подделок золотой и серебряной монеты, ювелирных украшений.

Сплавы, имитирующие золотые, с каждым годом изобретались все новые: томпак, симилор (*принцметалл*), в наши дни — нитрид титана, бериллиевая бронза (*рандоль*, или как еще его называют неофициально — *цыганское золото*). Пробирные методы тоже совершенствовались. И все равно справиться с продажей фальшивок чрезвычайно трудно: например, до половины ювелирных изделий на нынешних российских прилавках — подделки.

Для установления проб тогда использовались химико- и пирометаллургические процессы. Самый простой способ — с помощью пробирного камня и пробирной иглы из благородного металла. Например, сейчас для определения золотых сплавов применяются иглы 333, 375, 500, 583, 750, 900, 916 и 958-й проб. На полированном кремнистом сланце (*лидите*) каждая разновидность золотого или иного сплава оставляет след определенного цвета. Его сравнивают с эталонным, и опытный пробирер по совпадению оттенков может определить состав сплава, то есть его пробу.

Окончательный ответ даёт химическая обработка следов на камне. Кстати, в качестве пробирного камня чаще всего использовали так называемый черношиферный сланец — горную породу, встречающуюся в Олонецкой губернии. Сейчас она известна под именем шунгита, от названия заонежского села Шуньга. В настоящее время существуют также электронные приборы, которые прекрасно определяют пробу поверхностного слоя изделия. Однако и этот способ не есть гарантия от фальсификации. Если внутри золотого слитка заключен вольфрам, близкий по удельному весу, прибор не отличит подделку.

## Все-таки директор или нет?

Само имя Козьмы Пруткова, автора басен и стихотворных пародий, было известно читателю с 1854 г. Однако вот что интересно. Первое упоминание *директора пробирной палатки* в сочетании с чином штатского генерала (действительного статского советника) и с именем Козьмы Пруткова появилось в печати лишь в 1876 г. Согласно этому *документу* Прутков поступил на службу в палатку в 1823 г. и пребывал на посту до 1863 г. Вроде бы именно этот 40-летний период и надо рассматривать.

Но мы можем даже расширить временные рамки — авось не будет лишним, если добавим дюжину лет в ту и другую стороны. Например, с 1811-го или даже с 1803 г. и вплоть до того самого 1876 г. Почему за точку отсчета можно принять 1803 г.? Как сказано выше, это год появления на свет первой пробирной палатки при Санкт-Петербургском Монетном департаменте Министерства финансов.

Что происходило с палаткой после пограничной даты 1876 г., для нашей темы уже не так важно. Статус пробирной палатки более поздних времен был совсем иной и уже не отражал особенности *прутковского периода*. Из авторитетных источников известно: только после 1894 г. управляющим (опять же не директором!) пробирной палаткой в Санкт-Петербурге мог быть действительный статский советник (чин IV класса, в военной службе соответствовавший званию генерал-майора). То есть чиновный статус начальника палатки на рубеже веков был существенно повышен, действительно вплоть до генеральского.

Но еще раз повторяю, всё это произошло только в то время, когда самого героя повествования и основных создателей образа Козьмы Пруткова уже не было в живых. В конце XIX в. и пробирных палаток-то уже не существовало, они стали именоваться Окружными пробирными управлениями, каковыми продолжали оставаться и в первые годы советской власти...



Однако одному из наиболее авторитетных *пруткововедов* суждено было начать свой литературоведческий анализ именно с указанного анахронизма.

Первым исследователям, заинтересовавшимся феноменом Пруткова, сразу же пришло на ум выяснить, когда существовала пресловутая палатка и кто ею управлял. П. Н. Берков еще в 1933 г. написал письмо бывшему экономисту и финансисту Российской империи Александру Николаевичу Гурьеву (родился в 1864 г., умер после 1933 г.). Специалист вполне компетентный и авторитетный: в течение 10 лет был одним из ближайших сотрудников министра С. Ю. Витте, занимая должность сначала ученого секретаря, а затем и члена ученого комитета.

Гурьев, возможно, потомок известного министра финансов Д. А. Гурьева, занимавшего пост в 1810—1823 гг. Эх, вот кто мог бы дать ценнейшую консультацию относительно пробирных палаток и их руководителей во времена Пруткова...

Что ж, А. Н. Гурьев письменно подтвердил, что в его время (т. е. на конец XIX в.) начальник пробирной палатки директором не назывался, хотя и мог иметь генеральский чин. Но эти сведения, как предупреждает сам консультант, могут пролить свет лишь на последние годы российского Министерства.

### У палатки не было директора

Итак, Гурьев не может служить экспертом *директорско-палаточных* дел относительно интересующего нас периода: с 1803-го по 1876 г. Поэтому пришлось обратиться к сохранившимся архивным документам, конкретно — к «Общей росписи начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи» [3].

Это серьезное государственное издание расставило все по своим местам. С первых лет учреждения столичной пробирной палатки при Санкт-Петербургском Монетном департаменте должности директора палатки не было и быть не могло. Прошу обратить внимание также на то, что величалась это подразделение в структуре Минфина тогда не с заглавной буквы, поскольку было самой низовой единицей департамента.

Отмечу, что и тщеславие главного лица, занимающегося пробирным анализом, тоже не было удовлетворено ни в малейшей степени. Его даже званием начальника не побаловали. Писали только: *при пробирной палатке* ... чиновник такой-то. Возглавлял петербургскую палатку в течение нескольких лет с начала XIX в. всего лишь титуллярный советник (чин, соответствующий капитану в армии) пробирный мастер Александр Ильич Яшинков. И штат палатки был ничтожный: мастер и два или три сотрудника без чина. Правда, позже, в 1824 г. в палатке знались уже два классных чиновника: один пробирный мастер обслуживал *вольно-просителей*, то есть обывателей, желавших за плату определить пробу своих украшений или монет. Второй, тот же Яшинков, контролировал плавку и клеймение металлов на Монетном дворе.

В 1845 г. петербургской главной пробирной палаткой (было еще несколько окружных), находившейся с начала 1820-х в составе Санкт-Петербургского Монетного двора, заведовал майор Леонтий Петрович Каминский. Тоже не директор и не генерал. Всю первую половину и начало второй половины XIX в. должность начальника пробирной палатки была столь же скромной. Только в 1857 г. управлял главной палаткой отнюдь не директор, а обер-контролер проб Павел Петрович Дмитриев, имеющий чин обер-берггауптмана VI класса. Заметим, что упомянутому Павлу Петровичу до первого генеральского (т. е. чина, соответствующего армейскому генерал-майору) звания обер-берггауптмана IV класса было еще очень и очень далеко.

Как видим, даже тогда, в пору появления под пером Жемчужниковых первых биографических сведений о незабвенном К. Пруткове (в 1876 г.) невозможно было представить гене-



рал-майора в роли «директора пробирной палатки». И директором его не могли величать. Должность директора в структуре Министерства финансов вообще-то была, но так мог называться начальник на уровне департамента или (да и то с натяжкой) крупной структуры банка. До этой очень высокой иерархической планки начальнику пробирной палатки не хватало целых двух весьма крутых ступенек.

В должности директора Департамента горных и соляных дел, куда в 1812 г. входили Монетный двор и пробирерская служба, на самом деле состоял обер-берггауптман IV класса, то есть генерал-майор, в штатском варианте — действительный статский советник. И в 1840-е гг. пробирной палаткой, структурно входившей в состав Санкт-Петербургского Монетного двора, командовал всего лишь майор. Однако Козьма Петрович в составленной им автобиографии (понятно, что с помощью братьев Жемчужниковых) описывал именно годы «директорства» в упомянутой палатке. Братья-литераторы упорно сажали Пруткова в совершенно недоступное берг-пробиреру директорское кресло.

### Финансисты не могли ошибаться

А может быть, создатели Пруткова не разбирались в чиновничьей структуре Минфина или же у них имелись какие-то основательные, объективные причины изобразить именно такие порядки в прутковском хозяйстве? Послужной список братьев — вот доказательство их осведомленности в существующем положении дел, в тонкостях субординации и чиновной иерархии в Министерстве финансов. Разумеется, все они прекрасно знали. Создатели жизнеописания Пруткова, братья Жемчужники Владимира и Александра, в 1850-х — 60-х гг. служили в финансовом и других российских министерствах, в том числе и директорами департаментов. Основной биограф Пруткова Александр Жемчужников целых пять лет, с 1862-го по 1867 г. служил губернским ревизором Министерства финансов. Хорошо они представляли и прошлое Минфина. В Медальерной палате Департамента горных и соляных дел с 1810 г. в течение почти 20 лет служил их двоюродный дядя, он же родной дядя Алексея Константиновича Толстого — граф Фёдор Петрович Толстой, знаменитый скульптор, живописец, график, медальер. Причем человек передовых взглядов, не побоявшийся вместе с племянником освободить из ссылки поэта Тараса Шевченко. Буквально бок о бок с мастерами пробирной палатки каждый будний день трудился прекрасный художник и великолепный человек, оставивший самые теплые воспоминания у создателей Козьмы Пруткова.

В том же Министерстве финансов служили и родной отец Алексея Толстого, граф Константин Петрович и его второй дядя Александр Петрович. Оба Толстых числились сначала коллежскими советниками Экспедиции для подписывания государственных ассигнаций в Ассигнационном банке. В начале 1830-х граф Константин Петрович (с женой он развелся сразу после рождения сына Алеша, но известно, что в конце жизни сын помогал отцу материально) продолжал службу чиновником особых поручений при знаменитом министре финансов Е. Ф. Канкрине.

Практически в одном здании с пробирной палаткой в 1840-х размещался и Заёмный банк, в котором служил еще один персонаж из прутковской обоймы — поэт Владимир Григорьевич Бенедиктов, дослужившийся также до генеральского чина. В этой связи литературовед Б. Бухштаб даже предположил, что биография Козьмы Пруткова *как бы записана с бенедиктовской*. То есть такая же недолгая военная служба, сменившаяся длительной чиновничьей... Правда, Прутков недвусмысленно дистанцировался от поэта, предпослав эпиграф к одной из пародий на Бенедиктова: *сослуживцу по министерству финансов*. То есть все-таки коллеге, чиновнику одного ведомства. Кроме того, биографии К. Пруткова и В. Бенедиктова существенно разнятся в деталях, что и будет продемонстрировано далее.



Итак, завершаем главу выводом: возможную ссылку на неосведомленность авторов об истинном статусе подразделений Минфина заранее можно назвать несостоительной. Всё они прекрасно знали. Но братья Жемчужниковых совершенно сознательно наделили своего героя высоким чином применительно к несуществующей высокой должности директора. При этом и упомянутое карликовое учреждение они писали с заглавных букв — Пробирная Палатка. Зачем?

### Биография, сочиненная шутниками

Чтобы ответить на этот вопрос, надо оставить попытку рассматривать биографию Пруткова как некий документ из личного дела. Целиком присоединяюсь к мнению одного из исследователей творчества Пруткова Д. Жукова: «...Всякий, кто возьмется раскапывать историю возникновения псевдонима, опираясь на воспоминания, статьи, разъяснения, опровержения его создателей, вскоре поймет, что ему морочат голову» [4].

Да, морочат, что и было основной задачей братьев Жемчужниковых. Далее мы подробно расскажем о них, но сейчас заметим, что ко всем датам и ко всем упоминаемым лицам в жизнеописании Козьмы Петровича Пруткова следует относиться сверхосторожно. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что там если не всё, то очень многое насквозь литературно, соткано из аллюзий, намеков на историческую канву событий, наполнено отсылками к мемуарам XVIII и начала XIX в., щедринским картинам российской жизни. Это скорее прихотливая игра с читателем, которого создатели биографии Пруткова постоянно мистифицируют, подкидывая факты и цифры, логическая связь которых весьма сомнительна, а то и просто невозможна. При этом они явно держат в уме определенную и, кстати говоря, логически связную картину жизни и творчества своих героев: Пруткова-деда, отца, самого Козьмы Петровича, его детей и внуков. Поэтому как минимум непродуктивно принимать на веру опубликованные в «Материалах» и «Биографии» все факты из жизни Пруткова и на их основе выстраивать объективную хронику его жизни и рисовать родословное древо. При попытках соорудить что-либо подобное исследователь сразу обнаруживает, что концы с концами в некоторых случаях никак не сойдутся.

К примеру, исследователей постоянно озадачивал факт рождения Фаддея Козьмича Пруткова: *Поручик и кавалер, сын Козьмы Петровича, родился, как это ни странно, еще до рождения отца и задолго до бракосочетания отца с матерью*. Этот сюрприз биографы Пруткова чаще всего никак не комментируют или ограничиваются удивленно-невразумительной скотроворкой.

Чтобы правильно анализировать автобиографию Пруткова, необходимо хотя бы попытаться настроиться на ту же волну, что управляла авторами в процессе жизнеописания Козьмы Петровича. Зная озорной характер братьев Жемчужниковых (особенно среднего, Александра), их склонность к розыгрышам и шуткам *на грани фола*, можно предположить, что не только в жанре пародийной литературы, но и в *строго документальном* они верны себе, своим установкам на бесшабашные розыгрыши и мистификации.

Это и понятно: смех в Николаевскую эпоху был естественным защитным средством от всеобъемлющего и мелочного регламентирования всех сфер жизни. Напыщенность орденоносных сановников в тесных николаевских мундирах, унылость полосатых будок на каждом углу... бороться с этим можно было лишь одним эффективным оружием — насмешливым словом. «Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым», — сказал Карл Маркс как раз в те годы (1848). Смех — защитная реакция интеллекта и таланта на реальность, особенно — на российскую реальность. Нашим современникам хорошо известно, что отжившие формы правления, а также авторитеты самых свирепых и могущественных тиранов не вечны. При кажущейся незыблемости они сначала осмеиваются, обрастают анекдотами и сатирическими сочинениями и только потом с треском рушатся вроде как *сами собой*.



## Министерство финансов кувырком

Так, братья Жемчужниково позволяли себе высмеивать не каких-нибудь мелких начальников пробирной палатки, а безбоязненно поднимали на смех высших сановников империи — от министра финансов (отметим этот факт!) вплоть до ...самого. Причем осмеивать иногда в самом прямом смысле.

Князь В. П. Мещерский в «Моих воспоминаниях» пишет:

Каждый божий день по Невскому проспекту, в пятом часу дня, можно было встретить высокого старика, прямого как шест, в пальто, в цилиндре на большой дынеобразной голове, с очками на носу и с палкою всегда под мышкою. Прогулка эта была тем интереснее, что все видели графа Панина, но он никого никогда не видел, глядя прямо перед собой в пространство: весь мир для него не существовал во время этой прогулки, и когда кто ему кланялся, граф машинально приподнимал шляпу, но не поворачивая и не двигая головою, продолжал смотреть в даль перед собою. Отсюда стал ходить в те времена анекдот про знаменитого комика Жемчужникова, который однажды осмелился нарушить однообразие прогулки графа Панина: видя его приближение и зная, что граф Панин смотрит прямо перед собою, он нагнулся и притворился, будто что-то ищет на тротуаре, до того момента, пока граф Панин не дошел до него и, не ожидая препятствия, вдруг был остановлен в своем ходе, и, конечно, согнувшись, перекинулся через Жемчужникова, который затем как ни в чем не бывало снял шляпу и, почтительно извиняясь, сказал, что искал на панели уроненную булавку... [5].

Не менее комичен анекдот про Жемчужникова, касающийся ежедневных прогулок министра финансов Вронченко. Он гулял ежедневно по Дворцовой набережной в 9 часов утра. Жемчужникову пришла фантазия тоже прогуливаться в это время, и, проходя мимо Вронченко, которого он лично не знал, он останавливался, снимал шляпу и говорил: «Министр финансов, пружина деятельности» — и затем проходил далее... Стал он проделывать это каждое утро до тех пор, пока Вронченко не пожаловался обер-полицмейстеру Галахову, и Жемчужникову под страхом высылки вменено было его высокопревосходительство министра финансов не беспокоить.

Историк литературы Н. Котляревский также пересказывает известную из мемуарной литературы проделку братьев: «Один из членов кружка ночью в мундире флигель-адъютанта объездил всех главных архитекторов Санкт-Петербурга с приказанием явиться утром во дворец ввиду того, что Исаакиевский собор провалился, и как был рассержен император Николай Павлович, когда услыхал столь дерзкое предположение» [6]. И в своём литературном творчестве братья столь же охотно, не щадя ограниченности воображения многих своих читателей, шутят с ними. Причем с особенным вкусом травмируют устоявшиеся представления своих одномерных, плоских высокочиновых современников, обладающих истинно прутковским, прямолинейным складом ума.

## Мишень — литератор-прозаик

Ничуть не отказываясь от постулата, что образ Козьмы Петровича — собирательный, что это литературная маска, можно поразмышлять и на темы не столь отвлеченные. А именно: из каких кусочков реальных событий и реальных биографий людей XVIII или XIX в. *сшила* фигура Козьмы Пруткова? Много ли их было? Два, три или более? Были ли они современниками Жемчужниковых и Толстого или же эти авторы черпали материал для «Биографии» из печати и рассказов современников? А может быть, перед их внутренним взором постепенно вырисовался и окреп некий главный персонаж из недалекого прошлого? Действительно важ-

ный сановник с литературными претензиями, каковых было достаточно много еще в пушкинско-гоголевские времена...

Слишком примитивным и банальным приёром была бы попытка связать этот образ с реальным начальником петербургской пробирной палатки, правившего свою службу в период с 1803-го по 1876 г. Не там следует искать прототип Козьмы Петровича, не на должности пробирного мастера и даже не в кресле начальника палаты.

Действительно, несколько палат числилось в структуре того же Министерства финансов и писались они, кстати, с заглавной буквы: Палата Медальерная, Палата Механическая и т. д. Но сам *директор* Прутков имеет высокостатутный орден св. Станислава 1-й степени., мечту любого российского чиновника, и при этом хождит в низовой, микроскопической структуре, даже не в Палате, а в палатке. Это вызывало улыбку и тогда, и даже сейчас вызывает: генерал с престижнейшим орденом во главе палатки, т. е. крохотной лаборатории, пусть и для драгметаллов! Тем более в начале XIX в., чрезвычайно скромом на высокие чины для работников среднего звена. Это нынешняя Россия по числу генералов, в том числе и штатских, впереди планеты всей.

Можно попытаться объяснить такой смысловой дисбаланс стремлением к комическому эффекту. Например, командира полка в XIX в. можно представить в качестве заведующего козлом, то есть начальником полковой кассы. Такие шутки можно бы приписать Фаддею Козьмичу Пруткову, потомку своего именитого отца. Подобный прием известен в языкоznании и литературоведении как синекдоха — троп, разновидность метонимии. Этот стилистический прием предполагает перенос названия частного на общее и наоборот. В данном случае употребляется часть вместо целого, т. е. пресловутая палатка подразумевает главную структуру — департамент, а то и министерство, а начальствование над полковой кассой — командование полком.

В самом деле фигура самого Пруткова при кажущемся желании создателей умалить его до уровня *палатки* отнюдь не мелкая. Ей явно тесно в должностном мундирчике, просто не развернуться на весьма ограниченном поле какой-то палатки. Волею авторов-создателей значение Пруткова-директора возносится едва ли не на уровень Александрийского столпа. За скромной палаткой как бы сам собой вырисовывается по меньшей мере департамент. А за ее директором — незаурядный *литератор*.

### В поисках прозаика-графомана

Образ Пруткова настолько объемный и красочный, что без каких-либо параллелей с историческими персонажами, явными и не очень, нам не обойтись. Историкам литературы хорошо известны некоторые высокопоставленные чиновники-литераторы первой половины XIX в., послужившие мишенью для известных пародистов.

Особенно легко различимы, а чаще всего без обиняков обозначены адресаты стихотворных пародий. Одним из главных маяков прутковского стихотворчества, несомненно, был действительный статский советник Владимир Бенедиков. Насколько заслуженно — другой вопрос. Об этом речь пойдет в следующих главах. Но наверняка были и писатели-прозаики, произведения которых так же густо всходили на российских литературных нивах дареформенного периода.

К сожалению, даже литературоведы, специализирующиеся на прозе XIX в., таковых почти не балуют, вернее, сознательно обходят их своим вниманием, поскольку упомянутые чиновные авторы чаще всего были представителями непобедимого и многочисленного племени заурядных графоманов. Среди них были богачи, беспечно тратившие время и деньги на своё литературное хобби. Но были *писатели* из среды служак, всю жизнь шаг за шагом добивавшихся карьерных вершин. Обремененные чиновничими регалиями и высокими постами, они, удалившись от дел, решали украсить себя лаврами за литературные заслуги. Издавали свои объ-



емистые произведения за собственный счет, иногда в роскошном подарочном оформлении. С гордостью преподносили эти драгоценные издания своим друзьям и через какое-то время натыкались в печати на уничтожительный, разгромный отзыв профессионального критика.

Как правило, многие после этого оставляли попытки стать мастером изящной словесности. Конечно, мнение какого-то *зоила*, ничтожного журналиста, да еще не дворянина, а презренного разночинца-поповича можно было и не принимать всерьез. Но творить после его рецензии уже как-то не хотелось... Подобным разруганным изданиям, выходившим в свет один-единственный раз, как правило, была уготована судьба библиографических редкостей.

Иногда раскритикованные авторы и не думали складывать оружие. В области поэзии долголетним и плодовитым поставщиком невостребованных сборников виршей был граф Д. Хвостов, автор знаменитого «Послания к Н. Н. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года ноября». Это и другие произведения высокородного автора не раз высмеивал Пушкин, а пародисты-современники *оттачивали* строки графа до полного абсурда: «по стогнам там валялось много крав, кои лежали тут и там, ноги кверху вздрав». В этот период творил и признанный корифей графоманской прозы князь П. Шаликов.

А из *писателей-универсалов* (прозаиков и поэтов), например, вошел в историю родственник известного писателя и публициста Ивана Ивановича Панаева. По собственным воспоминаниям Панаева это «...его превосходительный дядюшка В. И. Панаев, бывший литератор, воспевавший аркадских пастушков и пастушек». Дядя-генерал находил, что его племянник позорит старинную потомственную дворянскую фамилию, связавшись с разночинцами и торгашами. В. И. Панаев не признавал современную литературу; по его мнению, Гоголю надо было запретить писать, потому что от всех его сочинений пахнет так же, как от лакея Чичикова. Он приходил в ужас от «Ревизора», дозволенного к постановке на сцене. По его мнению, это была безобразная карикатура на администрацию всей России, которая охраняет общественный порядок, трудится для пользы отечества, а какой-то коллежский регистраторишко дерзает осмеивать не только низший класс чиновников, но даже самих губернаторов.

В. И. Панаев занимал видное место по службе, будучи в генеральском чине, считал себя очень важным лицом в администрации и заботился о поддержании собственного авторитета.

О Белинском он не мог иначе говорить, как с пеной у рта, потому что тот в своих статьях осмеял прежних славных писателей, воспевавших любезных сердцу Панаева пастушков и пастушек. Авторское самолюбие последнего было страшно оскорблено: как осмелился какой-то недоучившийся разночинец смеяться над его литературными заслугами! «Намордник следует надеть такому писаке, — твердил он, — на цепь его посадить, а ему дозволяют печатать. До чего теперь дошла литература! появились в ней разночинцы, мещане! Прежде все литераторы были из привилегированного класса, и потому в ней была благонадежность, сюжеты брались сочинителями нравственные, а теперь мерзость, грязь одну описывают. Распущенность, страшная распущенность допущена, необходимо наложить узду на нынешних писак! Просто срам — такое лицо, как Жуковский, сажает мужика в свою коляску, потому что он, видите ли, мужицкие стишки пописывает» [7].

А почему бы не поискать на российском литературном горизонте XIX в. писателей, биография и литературные *достиоинства* которых соответствовали бы многочисленным фактам из сочиненного авторами жизнеописания К. П. Пруткова? То есть в которой бы присутствовала служба в Министерстве финансов (желательно по монетной части), генеральство и страсть к сочинительству. Как-то уж слишком красочная и подробная биография даёт основания подозревать за прихотливо разбросанными живописными деталями присутствие вполне реальной биографии (или даже биографий) чиновных графоманов первой половины XIX в.

Для этого обратимся к авторитету как раз того самого критика, которого достопочтенный генерал В. И. Панаев настоятельно рекомендовал посадить на цепь и оснастить намордником...

### За что именно Белинский разгромил «Провинциальные бредни»

В 1836 г. в «Молве» была опубликована рецензия В. Г. Белинского на книгу рассказов автора, скрывавшегося под псевдонимом Дормедон Васильевич Прутиков (*Дормедон* — мужское имя, появившееся в XVIII в. Как правило, так называли крестьянских детей. Дормедон Прутиков что-то уж больно похож на другого литератора и тоже с крестьянским именем. Не сам ли Кузьма (Козьма) Прутков собственной персоной?). Отвлечемся от соблазнительных, но чисто формальных признаков и в деталях рассмотрим предполагаемую кандидатуру свежеиспеченного литератора-прозаика. Но прежде подробно ознакомимся с мнением Белинского насчет художественных достоинств опусов писателя, выбравшего себе означенный псевдоним. Критик разбирал дорого-богато изданный двухтомник рассказов и повестей «Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Пруткова». Основное внимание Белинский уделил самому характерному рассказу (сам Прутиков считает его повестью) двухтомника. В нем сообщается о некоем майоре,

которого дернуло жениться в сорок пять лет на молодой девушке; у майора был любимый денщик Козьмич, обладавший столь великим умом, сколько прилично иметь денщику. Через пять лет после своего брака майору надо было куда-то отлучиться со своим денщиком.

Чтобы не утомлять читателя скучной и неуклюжей прозой, вкратце перескажем повесть. Это довольно известный анекдот о слуге, которому хозяин поручил передать молодой супруге приказание никого не принимать в его отсутствие. Смекалистый слуга рассудил, что жена непременно сделает наперекор приказанию. И якобы от имени мужа передал наказ... не садиться верхом на домашнего любимца — Барбоса. Результат предсказуем: вернувшегося из вояжа супруга молодая жена встретила с забинтованной ручкой.

— «Что за пропасть! — вскричал майор, — что с твоей ручкой сделалось?» — «Ничего, мой друг, это так!» — «Как так? Ты меня до смерти напугала». — «Нет, право, ничего... я виновата, мой друг, я... Ты вчера приказывал о Барбосе, а я не послушалась, ездила на нем, и он мне руку укусил». Тут опять майорша немного прослезилась. — «Что я приказывал вчерась? — вскричал майор: — когда? с кем?» — «Да вчерась, с Данилою», — отвечала майорша с уверительным тоном. Дело уже шло не на шутку, и Данило на ту беду явись в комнату. «Что я с тобой вчерась к жене приказывал?» — спросил его майор. «Так, милостивый государь, — ответствовал Козмич, — я барыне сказал... — «Что ты ей сказал?» — «Да, сударь, про Барбоса». — «Что ты наврал?» — «Нет, милостивый государь, не наврал, — сказал Козмич утвердительно... — Прошу вас только вспомнить теперь, про что вы мне вчера приказали? Ну что ж, взгляните на барыню ручку, если б я ей не то сказал?» ... Говорят, будто бы майор умолк, и в собрании царствовала несколько минут та тишина, об которой у нас на Руси говорят, что тихий ангел пролетел; о чем каждый из них думал, не умею доложить, но сказывали мне, что с тех пор майор Козьмича за великого человека почитал, нередко его за урок благодарили, и будто бы майор соседям своим подал добрый совет никогда того не запрещать, чего преступить еще в голову не приходило, *поелику* из противоречия случиться может то, чего из доброй воли не случалось.

Теперь, сударыни, сами извольте сказать, не справедливо ли я Козьмича в передний угол посадил?» [8].

## Критик состоял литературным секретарем Пруткова

Что ж, теперь вы имеете некоторое представление о *таланте* сочинителя Пруткова. Критик В. Г. Белинский совершенно справедливо обличает его не только в пошлости, ходульности сюжета, но и в непростительной безграмотности, неумении выстроить композицию, незнании элементарных законов литературного творчества. Безжалостный разбор одного из характерных, даже можно сказать, лучших рассказов сборника заканчивается общим суждением о пафосе всех творений автора.

Что же, почтенный старец, значат ваши нападки на моду? Разве без вас никто не знал, что человек, посвятивший себя исключительно на служение моде, есть человек пустой, ничтожный? О, нет! вы хотели блеснуть умом, похвастать остроумием — и ошиблись в своем расчете, потому что кто нынче нападает на моды, того не читают...

Вы нападаете на современную литературу, находите ее и безнравственною и бесчинною; вам не нравятся многие нынешние романы; вы говорите, что их нельзя дать в руки девушке: я не хочу защищать перед вами современной литературы и нынешних романов, потому что это был бы напрасный труд: мы не поняли бы друг друга. Скажу вам только, что многие из романов, на которые вы намекаете, никогда не оскорбят в такой степени нравственного чувства женщины, как повести вроде вашей «Барбос, или На своем поставлю».

Вы доказываете, что не должно пьяствовать, клеветать на ближнего, оплошно управлять имением и проч. Это истины неоспоримые, и мы от души бы поблагодарили вас, если бы не выучили их наизусть в наших азбуках и прописях, по которым учились в детстве читать и писать. Жаль, что между этими полезными истинами вы пропустили одну, и очень важную, а именно ту, что не должно писать и издавать книги, не выучившись грамоте и не умея порядочно выражаться на отечественном языке.

Да, почтеннейший старец, Дормедон Васильевич, вы сражаетесь с тенью, с призраком, вы целитесь не туда, куда надо, вы не понимаете истинных недугов человека и человеческого общества, вы не знаете великого правила, что «*la morale est dans la nature des choses*» (нравственность в природе вещей, *франц.*), а не в скучных поучениях и тупоумных остротах [8].

Любопытно, что примерно такими же словами говорит о Пруткове-морализаторе один из его авторов В. Жемчужников: «Обыкновенно форму афоризмов употребляют для передачи выводов житейской мудрости; но Козьма Прутков воспользовался ею иначе. Он в большей части своих афоризмов или говорит с важностью *казенные* пошлости, или вламывается с усилием в открытые двери» [1].

В рецензии Белинского впервые прозвучал литературный псевдоним Пруткова в сочетании с именем одного из героев рассказа — Козьмичом. Можно это совпадение и не заметить, тем более что до тех времен, когда критические статьи Виссариона Григорьевича попадут в поле зрения братьев Жемчужниковых, еще 15-20 лет. Но важно обратить внимание на очень существенную подробность отношений Белинского с самим автором, скрывавшимся под псевдонимом Прутков. Они были достаточно хорошо знакомы еще за три года до опубликования рецензии.

В 1833 г. (почти за 20 лет до выхода в свет первых творений еще пока безымянного Козьмы Петровича Пруткова) Виссарион Григорьевич получил весьма заманчивое предложение от одного богатого отставного чиновника. Белинский тогда нуждался в средствах, и его друзья подыскали критику место литературного секретаря у генерала в отставке, служившего некогда по Мини-

стерству финансов. Согласно условиям работодателя секретарь будет жить в просторном имении хозяина на полном пансионе, с комнатой и прислугой, и получать небольшое жалованье.

А чего же от него хотел бывший чиновник? За все предлагаемые блага критик обязан был лишь редактировать литературные творения работодателя, править стиль и вообще приводить их в божеский вид перед публикацией. Виссарион Григорьевич принял предложение и целую неделю пытался честно выполнять работу литературного правщика, пока не убедился, что поправить эти рассказы невозможно. Настолько они были беспомощны литературно, а уж идеи, заключенные в произведениях, Белинский не то чтобы не разделял, но имел прямо противоположные. В результате он собрал свой нехитрый скарб в носовой платок и, оставив прощальное письмо, навсегда покинул барскую усадьбу.

Устраивал Белинскому этот приработок известный прозаик и публицист Иван Лажечников, автор знаменитого романа «Ледяной дом» (1835). Его имение соседствовало с усадьбой ближайшей родни того самого отставного чиновника, мечтавшего стать писателем. Лажечников хорошо знал упомянутого отставника-генерала и никогда уже отказывал ему в помощи, но на предмет стилистической правки пообещал найти толкового «надежного студента». Видно, он уже хорошо представлял, с какими графоманскими текстами придется столкнуться Белинскому, поэтому заранее чувствовал некоторую неловкость перед этим «толковым студентом».

И когда рассказы Пруткова все-таки были изданы и появилась упомянутая рецензия, Лажечников не только не осудил несостоявшегося литеактера, но в письме активно поддержал Виссариона Григорьевича: «Прутков заслужил теперь свою фамилию: вы его порядочно отделали (прутом), как мальчишку...» [8].

Кто же скрывался за псевдонимом Дормедона Васильевича Пруткова?

### Александр Маркович пока еще не грезит литературой

Об Александре Марковиче Полторацком хорошо известно историкам и краеведам Петрозаводска и Тамбова. В Олонецкую губернию он приехал из Архангельска, в Петрозаводске за 15 лет работы на главном градообразующем предприятии губернского города дослужился до высокого чина обер-берггауптмана IV класса (генерала согласно табели о рангах). Затем три года прожил в северной столице и 28 лет — в тамбовской глухи, в собственном имении. Но вот эти первые 20 лет чиновничьей службы на севере империи, мне кажется, были наиболее значимыми для формирования личности Полторацкого. В Петрозаводске молодой архангельский чиновник А. М. Полторацкий появился благодаря шведской войне. Будущий московский полицмейстер Адам Фомич Брокер, бывший в 1789 г. переводчиком у тогдашнего начальника Олонецких горных заводов Ч. Гаскойна (тот после трех лет пребывания в России еще плохо говорил по-русски) свидетельствовал следующее. Живший в Петрозаводске генерал-губернатор Тимофей Тутолмин, в подчинении которого были две губернии — Олонецкая и Архангельская, получил из Петербурга приказ готовить волонтеров для ведения боевых действий против Швеции.

Для участия в подготовке широкомасштабной диверсионной операции с территории Олонецкого наместничества Тутолмин вызвал из Архангельского магистрата А. Полторацкого, двадцати трехлетнего чиновника в капитанском звании. Его назначили в провиантский штат для интендантского обеспечения сухопутной операции против шведов. Правда, она не потребовалась, так как со шведскими вооруженными силами прекрасно справился русский военно-морской флот под командованием еще одного соотечественника Гаскойна, шотландца Самуила Грейга.

Тем не менее Полторацкий почти год провел в Петрозаводске, где на частых балах в домах Тутолмина и Гаскойна познакомился с дочерью последнего, Марьей Карловной, как ее называли русские горные чиновники. И нет ничего удивительного, что молодой человек из до-



вольно богатой петербургской семьи попросил у Ч. Гаскойна руки его младшей дочери. Старшая, Анна, была к тому времени замужем за графом Хаддингтоном, а средняя, Элизабет, обвенчается в Петрозаводске зимой 1802 г. с полковником британской миссии Джорджем Полленом, с которым в 1807 г. навсегда покинет Россию.

В сентябре 1790 г. Полторацкий был назначен провиантмейстером Александровского завода. В брак Александр Маркович и Мэри Гаскойн вступили в 1791 г., через год у них родился первенец — сын Александр. А еще через год, в декабре 1793 г., Гаскойн назначил зятя своим помощником с чином обер-провиантмейстера (VIII класс табели о рангах). Чете Полторацких было отведено одно из лучших зданий горного ведомства — дом № 5 по Английской улице, бывшей Нагорной линии (нынешний проспект Карла Маркса). В нем за девять лет до того квартировал олонецкий губернатор и знаменитый русский поэт Гаврила Романович Державин.

В 1794 г. в семье Полторацких родился второй сын, Константин. А год спустя протопопом городского Петропавловского собора на дому была крещена дочь, названная Марией. Мать ребенка Мэри скончалась, не приходя в сознание, от родильной горячки, что в те времена было не редким явлением даже в богатых домах. Как протестантка она была похоронена на петрозаводском Старом немецком кладбище. Троих детей Полторацкого, оставшихся без матери, взял под опеку бывший губернатор Олонецкой губернии Г. Р. Державин.

После смерти Мэри Александр Маркович женился вторично. Жену на этот раз он привез из столичного Петербурга, 22-летнюю дочь родовитого сановника Михаила Васильевича Бакунина (1730—1803), действительного статского советника, вице-президента Камер-коллегии и, что следует отметить особо, родного деда основоположника анархизма М. А. Бакунина.

В Петрозаводске с 1801-го по 1808 гг. у Александра Марковича с Татьяной Михайловной рождаются дочери Любовь, Варвара, Надежда, Прасковия и сын Михаил (еще две дочери и самый младший сын Петр родились уже в Петербурге). Гаскойн вынужденно терпит попытки бывшего зятя играть вторую роль в его ведомстве, но в свое отсутствие оставляет за директора все же не Полторацкого, а соотечественника Адама Армстронга. Причина — недостаточная компетентность Полторацкого в производственных вопросах.

Когда Гаскойн умер, на его место после некоторых колебаний правительство решило назначить все же не Армстронга, ставшего к тому времени отличным специалистом в металлургии, а Александра Полторацкого. Это означало для последнего высокий, генеральский чин обер-берггауптмана и директорские апартаменты. А через год с небольшим, как уже было сказано, — новое, еще более высокое назначение в северную столицу. Александр Маркович в 1808 г. с повышением переводится в Петербург управлять Монетным департаментом. Тем более что в столице имелось внушительное лобби карьерным претензиям Полторацкого.

Именно с 1808 г. М. М. Бакунин, шурин Александра Марковича, становится сенатором и гражданским губернатором Санкт-Петербурга. Посодействовать переводу мужа своей родной сестры в столичный департамент было для него в ту пору вполне посильной задачей. Тем более что в том же Министерстве финансов в правлении Ассигнационного банка служил советником Алексей Маркович, родной брат Александра. Мог оказать содействие и зять Александра Марковича, действительный статский советник А. Н. Оленин, незадолго до этого служивший управляющим Монетного двора.

### Чиновничье покровительство Ивану Крылову

В первые же недели столичной жизни Полторацкий близко познакомился с самым настоящим литератором. Они и раньше встречались в доме родной сестры Александра Марковича Елизаветы Марковны Олениной (в девичестве Полторацкой). Сам А. Н. Оленин, пребывав-

ший на важнейших государственных постах, как известно, был большой почитатель литературы и театра, охотно принимал у себя многих известных дипломатов, писателей и поэтов. Но этот завсегдатай дома Олениных совсем не походил на щеголеватых и утонченных представителей высшего света. Это был еще не очень грузный, но с помощью прекрасного аппетита неуклонно добивавшийся того человека. А главное, он был уже хорошо известен обществу своими мастерскими баснями, коих за 1808 год напечатал уже около двадцати. Среди них были такие шедевры, как «Ворона и Лисица», «Музыканты», «Ларчик», «Лягушка и Вол», «Парнас», «Оракул», «Волк и Ягненок». За свой талант он буквально стал членом семьи, дневал и ночевал в доме Олениных. Причем Елизавета Марковна считала своим долгом не ограничивать почетного гостя в количестве зажаренных до хрустящей корочки индеек, поросят под хреном, гусей или уток с грудями, устриц и прочих яств. Она даже вынужденно мирилась с вечно неряшливым видом постояльца. Лишь иногда беззлобно подшучивала: «Из варшаго, Иван Андреевич, сюртука можно щи варить...»

Чин у баснописца был самый незначительный: то ли губернский, то ли коллежский секретарь. Зато, может быть, эта встреча и знакомство, а также видимая легкость, с которой чудаковатый невзрачный человек создавал басни, и породил у Полторацкого мысль о будущей литературной карьере. Ведь если даже такой ничтожный (разумеется, только в отношении чинов и регалий) сочинитель обласкан высшим обществом за свои творения, что же может при желании написать человек действительно просвещенный и заслуженный?

К тому же если он хорошо знает жизнь, имеет широкий кругозор с вершин важных государственных постов и располагает свободными средствами... Главное — захочет, вернее, пользуясь выражениями Козьмы Пруткова, *достаточно только приложить усердие, чтобы завладеть всеми знаниями и дарованиями*. Александр Маркович поэтому охотно выполнил просьбу сановного зятя — принял на службу в Монетный департамент Ивана Андреевича Крылова. По всей видимости, сверх штата, так как в официальных списках сотрудников департамента и даже всего Министерства финансов фамилии Крылова в 1808—1810 гг. не значилось.

Насчет разницы в положении штатных и сверхштатных чиновников поясним следующее. Директор (или управляющий) департамента мог принять нужного ему человека или же за которого его попросили сверху. Причем если в учреждении имелись какие-то побочные, экстраординарные денежные суммы помимо необходимых на оплату сотрудников, мог принять сверх штата с жалованьем. Или же без жалованья, если протежируемый молодой человек поступал на службу в основном ради выслуги и чина. Такие сверхштатники, чаще всего из богатых аристократических фамилий, раздражали кропотливо работающих собратьев-чиновников своим праздным видом и демонстративно-свойским обхождением с начальством. Вряд ли Иван Андреевич вел себя подобным образом, скорее всего, старался держаться незаметно, тем более что его принимали на службу не за выслугой, а с прозаической целью поддержать хорошего человечка материально. Полторацкий, однако, содействуя карьерному росту, а следовательно, и материальному благосостоянию бедного стихотворца, произвел его в чин титулярного советника. Приятно было чувствовать себя покровителем таланта и одновременно оказать весомую услугу влиятельной родне. Под крылом Александра Марковича будущий великий баснописец и прослужил два года, не особенно обременяя себя сверхштатной чиновничьей службой.

Холостяцкое положение Ивана Крылова в сочетании с кулинарным радушием Елизаветы Марковны позволяли солидную часть жалованья отсылать на содержание брата Лёвушки Крылова, служившего в отдаленном армейском гарнизоне. На эти деньги Иван Андреевич издал также свою первую книгу в начале 1809 г.



Творчество баснописца не прошло незамеченным для духовных отцов Пруткова — братьев Жемчужниковых и А. Толстого. В 1850-х выходит несколько басен Козьмы Петровича, в которых он, стилизуюсь под Крылова, доводит до гротеска ударную, морализаторскую концовку. Эти басни можно расценить и как пародии на излюбленный крыловский жанр, и как реакцию на несколько преувеличенное мнение высшего общества о творчестве Ивана Андреевича. Сами авторы получутся-полусерьезно оговорились, что прутковские басни по своим литературным достоинствам могут оказаться серьезной конкуренцией, *доказать излишество похвал Крылову*. Видимо, автор басен «Цапля и беговые дрожки», «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул», «Чиновник и курица» и прочих действительно *приложил усердие, чтобы завладеть всеми знаниями и дарованиями*.

Покровительство Оленина и Полторацкого оказалось не очень долгим. Вернее, предоставленная И. А. Крылову синекура длилась бы и длилась, если бы Александр Маркович продолжал свою восходящую карьеру на поприще чеканки монет и медалей из меди и различных сплавов.

### **Соавтор Горного положения**

Но как раз в это время постоянно растущие военные расходы империи, а также явные успехи промышленности в передовых странах Западной Европы всё сильнее начали давить на политику и экономику России. Поправить дело призваны были реформы, разработанные Михаилом Сперанским. Именно в эту пору необыкновенно возвысилось значение того самого министерства, куда входил и скромный Монетный департамент. По воле Сперанского в новую суперструктуру Министерства финансов вошло пять департаментов плюс канцелярия и три банка: заёмный, ассигнационный и коммерческий. Отныне министр финансов руководил целим блоком основных добывающих отраслей отечественной промышленности, в том числе металлургией, горным, лесным делом и т. д. Для рядовых чиновников этого ведомства стали происходить пока еще не очень понятные подвижки. Из Петербурга вдруг следовали команды на объединение некоторых горных округов, на слияние департаментов и их перетасовку в министерствах. Кресла и даже стулья под многими крупными и не очень чиновниками зашатались.

Предыстория подобных изменений вкратце такова. Всё началось с того, что в 1804 г. министру финансов был представлен доклад о преобразовании русской горной промышленности, всё более и более отстающей от британской и германской. Авторы доклада упирали на неэффективность подневольного труда в своей сфере и предлагали вместо института приписных работников<sup>1</sup> ввести вольнонаемный труд, внедрить систему поощрения частной инициативы в горной промышленности, более эффективную сдельную оплату, широкое использование технических новшеств, облегчающих условия труда горнорабочих. Для рассмотрения всех этих предложений целых два года работали петербургские, уральские и олонецкие горные специалисты, в итоге подготовившие новое Горное положение, утвержденное 13(25) июля 1806 г.

Отныне любое частное лицо могло вести поиски и добычу полезных ископаемых на землях, лежащих даже за пределами выделенных казной территорий. Условие государства было только одно — добытая руда (или ископаемое) должна поставляться на казенный metallurgический завод.

В целом реформа предполагала большую самостоятельность горных округов по примеру западных горных городов, то есть создание миниатюрных горнодобывающих империй в Сибири и в других отдаленных уголках Российской империи. С полной независимостью от гражданских властей (за исключением прокурорского надзора за разделением правовых полномочий гражданской и горнозаводской); с финансовой самостоятельностью на основе устояв-

<sup>1</sup> Помните бунт олонецких приписных крестьян, известный в историографии как «Кижское восстание»?

шихся цен на чугун, железо и медь, оборотного капитала и части прибыли, употребленной на премирование своих управленцев. Нельзя сказать, что внедрение нового положения кардинально улучшило ситуацию в добывающей отрасли. Но в целом новые порядки в этой сфере были безусловно полезны.

В Петербурге также произошли изменения. В 1810 г. Горный и Монетный департаменты Министерства финансов и Управление соляных дел Министерства внутренних дел были объединены в масштабный и структурно сложный Департамент горных и соляных дел при Министерстве финансов. То есть фактически Александр Полторацкий, сам принимавший участие в обсуждении и принятии нового Горного положения, вместо ожидаемой награды в виде очередного чина и ордена за свой труд оказался на более низкой ступеньке служебной лестницы. Он по-прежнему назывался управляющим департаментом, но начальником над ним совершенно неожиданно был поставлен такой же обер-берггауптман IV класса.

### **Урал обижает столичного чиновника**

Причем, что особенно обидно, это был не солидный петербургский чиновник с могущественным покровителем в высших сферах, а человек с Урала, бывший начальник Гороблагодатских, Камских и Богословских железных и медных рудников и заводов А. Ф. Дерябин. В прошлом выпускник Петербургского высшего горного училища, карьеру начал на Нерчинских горных заводах. Затем долго стажировался на горных предприятиях Германии, Франции и Англии. В 1807 г. Андрей Дерябин основал Ижевский оружейный завод, ныне Концерн «Калашников», возле которого поставлен памятник Андрею Федоровичу. Словом, был настоящим знатоком металлургии и горного дела. Чего нельзя было сказать об А. М. Полторацком, который вообще не имел какого-либо специального образования и при всём желании не потянул бы трудную и ответственную должность. Кроме того, после указа 1809 г. «Об экзаменах на чин» право занимать большой пост давал университетский диплом. При неимении такового указ госсекретаря М. Сперанского допускал сдачу экзамена по курсу университета. Диплома у Александра Марковича, даже самого скромного, не было. Многие дворяне его круга вообще не получали специального образования, ограничившись виртуальной службой в армии или гвардии, а сдавать экзамены, да еще за университет, просто отказывались — не барское это дело.

Он попытался интриговать против соперника и привел министру свои аргументы. Ну и что из того, что именно Дерябин был главным разработчиком Горного положения! Полторацкий тоже трудился над этим проектом и его вклад в этот документ, может быть, не менее весом... Правда, сколь велика его роль, к сожалению, нам не известно. Скорее всего, не очень значительная, хотя в дальнейшем он не забывал подчеркивать своё деятельное участие в проекте. Владимир Жемчужников, составлявший «Биографию», атtestовал Pruittova в выражениях, подозрительно имеющих прямое касательство к Pruittovу-Полторацкому:

...Не имея образования, ни хотя бы малейшего понимания потребностей отечества, он сочинял для него проекты управления [1].

Отодвинутый на второй план чиновник видел в случившемся только ущемление своего статуса. Согласитесь, господа — причин для столь резкого возвышения Андрея Федоровича Дерябина над Александром Марковичем Полторацким, по твердому убеждению последнего, не было никаких. Ну разве что пустяк — диплом высшего училища! Главное — чин у него точно такой же, а дерябинский орден св. Анны 2-й степени был по тогдашнему статуту даже пониже рангом, чем св. Владимир 3 степени у Полторацкого.

Кроме того, Александр Маркович уже три года был столичным чиновником, а Дерябин только-только был переведен в Петербург с Урала. Бывший руководитель департамента явно чув-



Величества канцелярии А. Х. Бенкendorф всегда считал литературу никчемным занятием, а в литераторах видел одну лишь обузу своей многотрудной жандармской деятельности.

Однако со временем отношение Полторацкого к писательству, как видно, поменялось. Первая четверть XIX в. этому как раз способствовала. В русском обществе возник небывалый интерес к печатному слову: военная и статская молодежь едва ли не все свободное время отдавала сочинению стихов и прозы. Даже старшее поколение старалось мобилизовать все свои таланты, дабы, выражаясь современным языком, быть в тренде. И так продолжалось до конца 1840-х, с приходом в изящную словесность разночинца и, как следствие, начала жестких цензурных гонений на литературу и литераторов.

Полторацкому, провинциальному горнозаводскому чиновнику, вернее всего, внушила почтение к словесности его петербургская родня — Оленины и Бакунины. На смену снисходительному взгляду на *сочинительство* пришло убеждение, что порядочного сановника даже украшают литературные публикации. Предъявить потомству книгу собственного сочинения почиталось знаком личной заслуги, а не жалованым за выслугу лет очередным орденом, который чаще просто *выхлопатывали*.

В данном случае административный статус чиновника поддерживался еще одним, достаточно престижным в глазах общества. Это похоже на нынешнее увлечение высшего чиновничества научными степенями — каждый порядочный современный управленец считает своим долгом похвастаться как минимум дипломом кандидата экономических или философских наук.

Своё творческое кредо кандидат в сочинители Александр Маркович сформулировал от противного:

Я не романтик, не классик; нет у меня ни эффектов, ни потрясений, ни смертоубийств, даже ничего нет фантастического... Вот, скажут, автор не знает эстетики: нет ничего трансцендентального, индивидуального, объективного, штиль не новый, слог простой и рубит сплеча [8].

### Журнальные публикации и отзывы современников

*Рубануть сплеча* и мгновенно стать мастером прозы в преклонном возрасте — задача трудновыполнимая. Однако прозаик рассудил здраво: войти в большую литературу прилично будет не с черного хода, не самиздатом, а сначала обкатать свои творения в периодической печати. Александр Маркович отдал свои морализаторские рассказы с сатирическим оттенком (явно *прутковское направление!*) в московский двухнедельный литературно-критический журнал «Атеней», «журнал наук, искусств и изящной словесности».

В 1828 г. он опубликовал там три рассказа, затем решил, что излюбленному обличительно-назидательному жанру больше соответствует сатирическое прибавление «Новый живописец общества и литературы». Это приложение к «Московскому телеграфу» Н. Полевого просуществовало недолго. Правда, в «Московском телеграфе» к тому времени уже не печатали свои творения ни Пушкин, ни Баратынский, ни Тургенев.

К концу 1827 г. Н. Полевой порывает с Вяземским и группой дворянских литераторов. Начинается новый период в истории «Московского телеграфа»: он превращается в открыто антидворянское издание, выразителя интересов русской буржуазии и прежде всего буржуазии промышленной [9] (А. В. Западов).

Вот это направление вполне устраивало Александра Марковича как безусловного представителя финансово-промышленной буржуазии: рассказовские фабрики снабжали солдатским сукном едва ли не всю Россию. Но если группа Вяземского перестала быть лицом журнала, то имя

Бестужева-Марлинского всё же продолжало привлекать внимание читателей (помните, что Хлестаков в доме городничего представлялся автором «Телеграфа»). За последний год существования уже не очень популярного «Нового живописца» Александр Маркович успел тиснуть там несколько своих рассказов: «1-е апреля», «Фехтование», «Экипажи», «Приличие» и «Обед».

После этих публикаций Полторацкий уверовал в своё дарование, решив готовить к изданию большой сборник своих литературных трудов. Чем эта попытка закончилась, хорошо известно из вышеупомянутой критики Белинского: «его слог допотопный, ископаемый, его язык есть язык Тредиаковского, Симеона Полоцкого, Сумарокова». Кроме того, Белинский в своей рецензии на «Провинциальные бредни...» предрек незавидное будущее литературным трудам Пруткова: «Я написал об вашей книге не для публики: публика не прочтет ее, можете быть в этом уверены; я написал это для вас, чтобы защитить перед вами публику, показав причину ее невнимания к вашей книге: будьте ж мне благодарны! [8]»

Нельзя сказать, что пророчество В. Г. Белинского сбылось полностью. Некоторые известнейшие люди того времени все-таки ознакомились с трудами Дормедона Пруткова и даже остались письменные отзывы о них. Как нетрудно догадаться, чисто негативные. Так, О. И. Сенковский, известный читающей публике под псевдонимом «Барон Брамбеус», редактор ежемесячного журнала «Библиотека для чтения» в т. XV за 1836 г. высмеял сочинения Пруткова, посвятив им большой критический обзор.

Нелицеприятным рецензентом оказался также один из ближайших родственников Александра Марковича, его племянник Михаил Бакунин. Да-да, тот самый, революционер, философ и виднейший теоретик анархизма. Скорее всего, двухтомник был преподнесен многим представителям рода Бакуниных, многочисленным родственникам со стороны жены Татьяны Михайловны Полторацкой, урожденной Бакуниной (в биографических «Материалах...» Пруткова она именуется Антонидой Платоновной Проклеветантовой). Возможно, рабиетный экземпляр (книга впоследствии не переиздавалась) достался и молодому племяннику Михаилу Александровичу, который в ту пору был вполне взрослым — 21 год от роду.

Между прочим, впоследствии в произведениях Козьмы Пруткова опальный философ Михаил Бакунин с легкой руки Жемчужниковых был наделен говорящей фамилией Проклеветантов и упоминался только с уничтожительными характеристиками. За то и отзыв анархиста на дядину книгу полон сарказма. В 1851 г. ссылочный Бакунин писал из Петропавловска сестре Варе:

Письмо это уж и без того переполнено рассуждениями и советами, и я боюсь, чтоб оно не сделалось похоже на книгу нашего покойного дяди Александра Марковича Полторацкого... [10].

В историю отечественной литературы Дормедон Прутков не вошел. Вернее, остался в виде памятника неистребимой графомании, каковые и представляли интерес для последующего поколения литературных пересмешников в лице братьев Жемчужниковых и А. К. Толстого. Именно такой тип самодовольного *мастера* прозы и стихосложения, штатского генерала *по Министерству финансов* как нельзя более подходил для создания образа Козьмы Петровича.



Бакунин в 1843 году. Портрет Генриха Детлефа Митрейтера



## Биография Пруткова под увеличительным стеклом

В данной главе я попытаюсь аргументировать мою версию биографии К. Пруткова, в которой ее составители Александр и Владимир Жемчужниковые использовали различные любопытные факты из жизни реальных исторических лиц. В том числе, как мне представляется, и основные вехи трудового и творческого пути Дормедона Пруткова, то есть Александра Полторацкого. Как мной уже упоминалось, что к сочиненным Жемчужниковым «Некоторым материалам из биографии К. П. Пруткова» нельзя подходить слишком серьезно. Если буквально следовать всем датам и деталям «Материалов», легко запутаться в анахронизмах, несобразностях и логических противоречиях. Но многие моменты этого в немалой степени шутливо-го жизнеописания, изложенного якобы от лица К. Шерстобитова, племянника покойного Пруткова, все-таки поддаются дешифровке и толкованию.

К сожалению, в этом случае невозможно обойтись без обильного цитирования. Для наглядности и простоты дела предложен такой принцип комментирования: брать пару абзацев текста А. Жемчужникова (они выделены цветным курсивом) и комментировать их с привлечением документов и литературных источников. Итак, начнем.

*В особой тетрадке (Козьмы Пруткова), озаглавленной «Материалы для моей биографии», написано: В 1801 году, 11 апреля, в 11 часов вечера, в просторном деревянном с мезонином доме владельца дер. Тентелевой, что близ Сольвычегодска, впервые раздался крик здорового новорожденного младенца мужского пола; крик этот принадлежал мне, а дом — моим дорогим родителям.*

Первая же дата (год) текста, мягко говоря, условна, тем более что в другом месте Прутковской биографии она благополучно отодвинута на два года. Эти разнотечения можно принять не в качестве недосмотра или небрежности автора, но как знак, предостерегающий от буквального толкования обеих дат рождения, как 1801-го, так и 1803 г. Выражусь недипломатично: это прямое указание не верить ни той, ни другой дате.

Городок Сольвычегодск тогдашней Вологодской губернии тоже не должен уж слишком обнадеживать биографа-исследователя. Хотя в местном краеведении город, находящийся ныне в Архангельской области (в самом Архангельске в 2015 г. даже поставлен памятник Пруткову), уже позиционируется как колыбель будущей литературной знаменитости. Сольвычегодск поспешил обзавестись музеем Пруткова, проводит фестивали его имени, хотя в середине прошлого века горожане главной туристической достопримечательностью считали сольвычегодскую ссылку *отца всех народов*. Иосиф Виссарионович не по своей воле гостил в этом северном городке с 1909-го по 1911 г.

Сторонников *прутковско-сольвычегодской* колыбели не очень смущает даже тот факт, что в начале XIX в. в Сольвычегодске не было дворянских имений. Однако деревня Тентелева (Тентелевая) действительно значилась на карте городка, правда, не начала века, а 1845 г.

Означает ли это, что *проблема рождения Козьмы Петровича* решена? Не будем торопиться с выводом, зная страсть к розыгрышам и лукавство реальных составителей-мистификаторов *Прутковской автобиографии*. Под этим провинциальным северным городком авторы «Биографии» всё-таки подразумевали северную столицу Российской империи. И тому есть серьезные основания.

Тентелева деревня достаточно хорошо известна историкам Петербурга. Сейчас она уже давно входит в черту города, но еще в начале XIX в. деревня считалась пригородной. От центра столицы она отстояла всего в 4 верстах по Петергофской дороге, с левой стороны. Расположена была на р. Ольховке (ныне засыпанной), втекавшей в р. Екатерингофку. В начале 1762 г.

местность вблизи от деревни была разбита на 34 участка под строительство дач — по 17 с каждой стороны дороги. Е. Р. Дашкова в своих воспоминаниях пишет:

...Кто-то посоветовал Петру III раздать эти земли. Многие богатые вельможи осудили полученные участки, превратив их в прелестные дачи... [11].

Владельцами дач стали приближенные Петра III, крупнейшие государственные деятели, сенаторы, военные: канцлер М. И. Воронцов, обер-прокурор Сената П. Н. Трубецкой, тайный секретарь Д. В. Волков. В течение 1760—1790-х гг. все участки были освоены, на них появились усадебные ансамбли и парки, вызывавшие восхищение современников. По мере разрастания Петербурга и наступления городской застройки на места пригородных мыз старые дачные участки уже не пользовались прежней привлекательностью. И Тентелева стала считаться дачным местом для небогатых чиновников: Лейкин — «...Тентелева деревня — чиновничье гнездо и приют небогатых немцев...» [12].

Итак, Тентелева деревня получила особую известность во времена правления императора Петра Федоровича, вошедшего в историю как Петр III. Запомним этот факт. Имя Петра Федоровича еще прозвучит в связи с историей деревни Тентелевой. Со временем упадок этого дачного оазиса ускорился, точнее, после того как металлурги из г. Петрозаводска в конце XVIII в. облюбовали это место для казенного чугунолитейного завода<sup>1</sup>. Тогда-то впервые и появился в бывшей д. Тентелевой Александр Маркович Полторацкий. В качестве первого помощника начальника олонецких горных заводов Чарльза Гаскойна он принял посильное участие в окончании строительства нового завода как филиала, отделения петрозаводского Александровского. Его соорудили совсем рядом с Тентелевой, на полуострове у слияния рек Екатеринговки и Емельяновки, при впадении последней в Финский залив.

Основную часть оборудования перевезли сюда с Кронштадтского чугунолитейного завода (окончательно закрыт в феврале 1801 г.), также бывшего филиалом Александровского пушечного. Чугун к отражательным плавильным печам доставляли из Петрозаводска и Кронштадта на плоскодонных барках. Дело в том, что в Кронштадте скапливались списанные и разорвавшиеся орудия с военно-морских кораблей.

День отливки первого пушечного ядра считается днём рождения завода 3 (15) апреля 1801 г. Назвали его Санкт-Петербургским чугунолитейным. Он выпускал снаряды и паровые машины до ноября 1824 г., до знаменитого наводнения, разрушившего часть корпусов и стоявшего жизни полутора сотням мастеровых. Производство пришлось перенести на р. Неву. С 1826 г. он уже стоял на новом месте и назывался петербургским Александровским чугунолитейным заводом, затем с 1844 г. Александровским Главным механическим заводом, в советское время — Объединение «Пролетарский завод».

Уцелевшие корпуса бывшего завода у д. Тентелевой в конце концов приобрел инженер и предприниматель Н. Путилов. Со временем там провели работы по укреплению берега и возвели большое кораблестроительное предприятие, получившее к концу XIX в. имя Путиловский завод (ныне Кировский). Однако когда упомянутый Санкт-Петербургский чугунолитейный считался филиалом петрозаводского, Александр Маркович Полторацкий целых два года, с 1806-го по 1808 г., был его полновластным хозяином. История сохранила свидетельство, что по его инициативе это предприятие начало выпускать не только снаряды и паровые машины, но и солдатские ружья.

<sup>1</sup> В 1789 г. чугунолитейное производство было основано и в Кронштадте. По указу Павла I в 1801 г., опираясь войны с Англией, кронштадтский чугунолитейный завод перевели под Петербург на Петергофскую дорогу, в известное дачное предместье. Интересно, что для этого Ч. Гаскойн предоставил свою дачу, приобретённую им в 1796 г. и находившуюся неподалёку от усадьбы Е. Р. Дашковой Кирьяново. Так возник знаменитый Путиловский, а ныне Кировский завод — промышленный гигант Санкт-Петербурга. Заводская территория распространилась и на часть бывшего парка имения Кирьяново.

Итак, мы располагаем неоспоримым документальным подтверждением: Санкт-Петербургская д. Тентелева имела непосредственное отношение к биографии А. М. Полторацкого.

*Часа три спустя подобный же крик раздался на другом конце того же помещичьего дома, в комнате, так называемой боскетной; этот второй крик хотя и приналежал тоже младенцу мужского пола, но не мне, а сыну бывшей немецкой девицы Штокфиши, незадолго перед сим вышедшей замуж за Петра Никифоровича, временно гостившего в доме моих родителей.*

Время рождения младенца К. Пруткова почти совпало с рождением другого младенца мужского пола. На другом конце дома (напомню, что речь в данном случае идет о д. Тентелевой как о части Петербурга) в боскетной родился мальчик.

Боскет, согласно толковым словарям, — это группа деревьев или кустарников, подстриженных так, что их кроны образуют стены. С помощью декоративной стрижки эти насаждения с успехом имитируют беседки, арки и т. п. Под боскетной же имеется в виду дальняя торцовая комната, которой в помещичьих усадьбах придавали вид боскета: обои в этой комнате имитировали рощу, деревья и т. п. Иногда владельцы нанимали хороших художников, чтобы те украсили нарисованные деревья реалистически выписанными птицами, бабочками, стрекозами... Усадебные интерьеры чаще всего имели анфиладную систему из трех, реже четырех, парадных помещений различного назначения (зал — гостиная — кабинет или парадная спальня — боскетная). То есть боскетная всегда была непроходной комнатой, более или менее укрытой от посторонних глаз.

Указаны родители младенца мужского пола, родившегося в боскетной комнате. Это бывшая немецкая девица Штокфиш и её муж некий Петр Никифорович. Девица Штокфиш (так по-немецки именовалась тогда сущеная треска, в изобилии доставляемая в европейские страны с северных побережий России и Скандинавии) под именем Амалии Карловны уже фигурирует в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Историки литературы и авторы поставленного по произведению фильма «Оно» Сергея Овчарова (1989 г.) единодушны: речь идет об императрице Екатерине II, бывшей некогда немецкой принцессой Софией-Фредерикой-Августой Ангалт-Цербстской.

Ну, а её муж Пётр Никифорович, *временно гостивший в доме моих родителей*, есть не кто иной, как Петр III, законный муж Екатерины Петра Федоровича. Действительно, он совсем недолго, с 5 января по 6 июля 1762 г. гостила в упомянутом российском доме, то есть пребывал на российском престоле. И, как указано выше, обжил и застроил дачами деревню Тентелеву.

Следовательно, в данном случае речь идет о рождении сына означенной четы, и будущего императора Павла Петровича. Собственно, в «Биографии» он и не шифруется — имя и отчество настоящие. И для любого историка дата 1801 г. в сочетании с этим именем-отчеством совершенно прозрачна — это год смерти императора Павла I. Как известно, он был убит заговорщиками как раз в 1801 г. в ночь с 11-го на 12-е, только не апреля, а марта. Но В. Жемчужников сделал дату смерти днем рождения, сохранив хронологию всех событий в жизни будущего императора практически без изменений. То есть описав крестины в присутствии его бабки-императрицы, краткое царствование его отца Петра Федоровича, особенности военного воспитания, наказание за попытку составления некоего предосудительного проекта, а также заботы о солдатском пайке после воцарения. Наконец, в «Биографии» дан и портрет Павла Петровича, хорошо знакомый всем, хоть когда-либо интересовался обликом *русского Гамлета*.

Из всего сказанного вытекает вывод: будущий мастер изящной словесности родился примерно в то же время, что и Павел I. Это вполне удовлетворительно согласуется со временем и местом рождения Протикова-Полторацкого — в 1766 г. в Петербурге.

Несоответствие заявленной авторами и предполагаемой даты рождения Козьмы Петровича было неоднократно замечено литературоведами. А. В. Блюм писал:

Нарочито затемнено даже время рождения героя. В «Приступе старика», открывавшем «Гисторические материалы Федота Кузьмича Пруткова (деда)», датированном 22 июня 1780 года, он завещает их «сыну моему, Петрушке, ради душевныя пользы и научения» с условием передать «оное мое писание в необходимое употребление малому мальчишке Кузьке», т. е. своему внukу. Таким образом, Козьма Прутков должен был родиться ранее 1780 года, тогда как, согласно «Биографическим сведениям о Козьме Пруткове», родился он 11 апреля 1801 года [13].

С уверенностью можно сказать лишь одно: 1766 год появления на свет Пруткова-Полторацкого ничуть не противоречит дате рождения упомянутого Кузьки. То есть, как правильно заметил литературовед А. В. Блюм, существенно ранее 1780 г.

Почему Жемчужников так уверенно поместил будущего мастера стихов и прозы, а пока еще *малого мальчишку Кузьку* в середину XVIII в., догадаться несложно. Где же еще мог созреть подобный литератор, как не в обществе, где царили традиции Хераскова, Тредиаковского, Хемницера, Симеона Полоцкого и Сумарокова? Вспомним, что именно этих писателей и поэтов называл В. Г. Белинский, когда анализировал стиль и язык автора «Провинциальных бредней и записок Дормедона Васильевича Пруткова». Действительно, в век Пушкина и Гоголя подобные прозаики и стихотворцы уже не вписывались и выглядели там литературными ископаемыми.

*Крестины обоих новорожденных совершились в один день, в одной купели, и одни и те же лица были нашими восприемниками, а именно: сольвычегодский откупщик Сысой Терентьевич Селиверстов и жена почтмейстера Капитолина Дмитриевна Грай-Жеребец.*

*Ровно пять лет спустя, в день моего рождения, когда собрались к завтраку, послышался колокольчик, и на дворе показался тарантас, в котором, по серой камлотовой шинели, все узнали Петра Никифоровича. Это действительно он приехал с сыном своим Павлушею. Приезд их к нам давно уже ожидался, и по этому случаю чуть ли не по нескольку раз в день доводилось мне слышать от всех домашних, что скоро приедет Павлуша, которого я должен любить потому, что мы с ним родились почти в одно время, крещены в одной купели и что у обоих нас одни и те же крестные отец и мать.*

Из исторических источников нам известно, что при рождении и на крестинах у младшего из младенцев (в действительности — у старшего, поскольку цесаревич Павел на 12 лет старше Полторацкого) присутствовали императрица Елизавета Петровна и её фаворит граф Иван Шувалов. Сам Иван Иванович не сделал никакого зла современникам, наоборот, был известен как покровитель наук и искусств. Назвать Шувалова откупщиком и наградить купеческим именем-отчеством Сысоей Терентьевич правомерно лишь в одном случае — намекая на беззастенчивое стяжательство его двоюродных братьев Петра и Алексея. Их в народе за грабительские соляные и табачные откупа называли братьями-разбойниками. Шуваловы, прикрываясь именем своего кузена, считай, второго человека в государстве, на этих откупах сумели стяжать колоссальные богатства. Это, так сказать, обычная практика российских олигархов и по сей день.

Ну а почтмейстерша Капитолина Грай-Жеребец — по всей видимости, любвеобильная императрица Елизавета Петровна. «Весёлая царица была Елизавета: поёт и веселится, порядка только нет», — сказал о ней один из *прутковцев* А. К. Толстой (кстати, одна из ветвей рода Толстых ведет к Алексею Разумовскому, который был фаворитом и, по слухам, морганатическим мужем

Елизаветы). Заметим также, что фамилия дамы явно характеризует её не вполне монашеский образ жизни. Первую часть этой составной фамилии Алексей Смирнов (Козьма Прутков, изд-во Молодая гвардия, 2011) попытался объяснить просто: как птичий, вороний грай, не очень убедительно связав этот грай с *резвоскающим* копытным животным. Могу предложить, пожалуй, более правдоподобное объяснение необычной фамилии. В *псевдониме* императрицы, изобретенном А. К. Толстым, объединены цыганский (грай по-цыгански — конь) и русский термины для одобрительной характеристики коня-производителя. Резонно возражение: с какой стати высший свет Петербурга с французского языка вдруг перешел на цыганский? Ну что ж, посмотрим, в каких узкоспециальных областях дворяне могли выражаться на романи чиб, языке индоарийцев.

Все, кто в упоминаемые времена интересовался приобретением хорошего выезда или верхового коня, в особенности гвардейское офицерство, действительно издавна водили дружбу с цыганами-лошадниками. Например, в северо-западном пригороде Петрополя под названием Новая Деревня с начала XIX в. находились летние лагеря знаменитых кавалерийских полков — Кавалергардского и Конногвардейского. Там же всегда жили оседлые, а летом гостили кочевые цыгане. Только они могли наилучшим образом выездить и привести в повиновение любого коня: отучить его лягаться и кусаться, сбрасывать всадника и, самое главное, заставляли полюбить и беспрекословно слушаться одного-единственного хозяина.

Эти архиважные для кавалеристов секретные знания, иногда неведомые полковым ветеринарам и ремонтерам, цыганские лошадники копили годами. За это искусство их ценила и щедро награждала гвардейская молодежь. При этом она неминуемо усваивала и *гипнологические* термины из цыганского языка (см. Ф. Ф. Кудрявцев. «Цыганская ремонтная команда»). Юмористическая окраска фамилии Грай-Жеребец подчеркнута еще и тем, что одно из значений *псевдонима* — сексуально активный мужчина — отнесено к даме. А имя Капитолина достаточно прозрачно намекает на державность его носителя, на главный, Капитолийский холм древнего Рима.

Приезд Петра Никифоровича в помещичий дом, скорее всего, следует понимать как возвращение Петра Федоровича (Петра III) из Оранienбаума, где он имел жительство, в Петербург к одру умирающей императрицы Елизаветы Петровны. А то, что он в декабре 1761 г. явился на своё краткосрочное царствование в серой камлотовой (от фр. *camelote* — товар низкого качества) шинели — намек на введение Петром III для своей голштинской гвардии первых шинелей из сурowego шерстяного сукна. По примеру любезного его сердцу Фридриха Великого, одевшего прусскую армию в шинели.

Ранее такого вида униформы в русской армии не имелось, за исключением епанчи, широкого безрукавного плаща с круглым воротником. Затем это новшество, шинели, шитые из серого плотного сукна с грубым ворсом, в русской армии окончательно ввел в конце своего правления сын Петра Федоровича император Павел.

*Вся эта подготовка мало принесла пользы; первое время оба мы дичились и только исподлобья осматривали друг друга. С этого дня Павлуша остался у нас жить, и до 20-летнего возраста я с ним не разлучался. Когда обоим нам исполнилось по десять лет, нас засадили за азбуку. Первым нашим учителем был добрейший отец Иоанн Пролептов, наш приходской священник.*

Совместное обучение малолетнего Павла Петровича с его сверстниками описано в воспоминаниях придворных воспитателей и учителей Никиты Панина и Семена Порошина. Они достаточно подробны, поэтому столь важный для истории эпизод встречи малолетнего князя Саши Куракина со своим сверстником десятилетним цесаревичем Павлом не мог остаться без внимания. Действительно, для компании и с целью развития навыков общения со свер-

стниками цесаревича Павла Петровича некоторое время воспитывали и обучали с одногодками. Разумеется, только из знатных родов.

Ясно, что юный Александр Маркович был не из их числа: род его не столь знатен, чтобы быть на одной ноге с царской семьей, да и двенадцатилетняя разница в возрасте с державным современником Павлом Петровичем исключает саму возможность такого события. Я уже упоминал о разнообразных культурно-исторических реминисценциях в *биографии* К. Пруткова. Поэтому такие вкрапления фактов из литературно-мемуарных памятников XVIII в. еще не раз можно встретить в «Материалах для биографии...».

Один из воспитателей цесаревича Павла Петровича вел подробный дневник с 20 сентября 1764 г. по 31 декабря 1765 г. Из этого дневника, изданного в Петербурге в 1844 г., В. Жемчужников, скорее всего, и позаимствовал почти прямую цитату для иллюстрации совместного воспитания Павлуши и Козьмы. Привожу отрывок из книги Семена Порошина «Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престола Российского»:

...Вскоре у наследника появился товарищ по играм и наперсник.

— Познакомьтесь, Ваше Высочество, — сказал Никита Иванович, подводя к нему мальчика лет двенадцати, румяного и упитанного, смущенно улыбавшегося Павлу.  
 — Это мой внук, князь Александр Борисович Куракин. Батюшка его скончался, и государыня разрешила Саше быть в отведенных мне покоях. Прошу любить и жаловать. Теперь вы часто будете видеться и играть вместе, сказал Панин, представляя внука.

Вначале мальчики **дичились друг друга** (сравните с Прутковским «*первое время оба мы дичились*»), но потом возраст и общие интересы сделали свое дело — они подружились, и надолго. Пожалуй, у Павла не было более близкого и преданного ему человека. Медлительному, неуклюжему Саше Куракину часто доставалось от резкого и быстрого Павла. Но он был терпелив, добродушен и все прощал своему высокородному другу [14].

В «Биографии» Пруткова совпадает даже возраст детей, то есть Павла и Куракина, которых вместе *засадили за азбуку*: малолетнему цесаревичу тогда было действительно 10 лет, маленький князь Куракин был старше на 2 года. Однако тот факт, что молодые люди не разлучались до 20-летнего возраста, следует понимать не столь буквально. Они действительно сдружились на всю жизнь и, несмотря на довольно продолжительные разлуки и негативное отношение к этой дружбе императрицы Екатерины, продолжали поддерживать самые теплые отношения. Куракин сопровождал Павла в заграничной поездке 1782 г., ссужал цесаревича деньгами. А после смерти Екатерины на Александра Куракина пролился настоящий водопад милостей и знаков расположения со стороны императора Павла: единовременная сумма в 150 тыс. рублей, земли, тысячи душ, чины, титулы, ордена.

Как видим, в данном случае А. Жемчужников иллюстрирует образ современника Пруткова яркими, сочными картинками из исторической, мемуарной литературы. Кстати, и из биографии своего двоюродного брата. Подобные близкие отношения с цесаревичем Александром были и у десятилетнего Алексея Толстого, одного из авторов литературной маски под именем К. П. Прутков.

Императору Николаю I при восшествии на престол внущили необходимость подобрать наследнику товарищей для занятий и игр. Среди последних оказался Алеша Толстой и малолетний князь Саша Барятинский. Так началась для Толстого придворная служба. Все воскре-



сенья он отныне проводил со своим высокородным товарищем, будущим императором Александром II. Дети вместе гуляли, играли в солдатиков, устраивали иногда не совсем безопасные развлечения, в том числе, например, стрельбу из маленькой пушки. Царь на эти забавы смотрел снисходительно: он ратовал за военное воспитание будущего преемника.

Как известно, роль А. К. Толстого в творчестве К. Пруткова первостепенна. Даже название первого сборника Козьмы Петровича «Досуги и Пух и перья (*Daunen und Federn*)», скорее всего, принадлежит Толстому. Вернее, можно вспомнить давнюю историю рода Толстых.

Когда Петр I, рассуждая о деле своего сына Алексея, предположил, что *всему виною бородачи, старцы и попы*, то дипломат и хитрец Петр Андреевич Толстой якобы попытался смягчить царя: «Кающемся и повинующемуся милосердие, а старцам пора обрезать перья и поубавить пуха»... Но всё-таки впоследствии закрепилось мнение, что проклятие замученного царевича постоянно тяготело над родом Толстых. Может быть, эта пафосная легенда и возникла в памяти потомка ко времени издания сборника в 1858 г.? Правда, существует и более прозаическая версия. А. Н. Пыпин в «Вестнике Европы» (кн. 3/4, 1884 г.) писал:

...современники рассказывают, что мысль этого заглавия внушена была Пруткову просто вывескою склада, существовавшего (и доныне существующего) на Васильевском Острове, в Волховском переулке; старая надпись цела до сих пор; но кому могла прийти в голову связь этой вывески с поэзией? [15].

Под отцом *Иоанном Пролептовым* подразумевается митрополит Платон (в миру — Пётр Георгиевич Левшин). Именно этот иерарх был законоучителем для Павла Петровича и Александра Куракина. С 1763 г. распоряжением Екатерины II он был назначен придворным проповедником и преподавателем Закона Божия. Одновременно с обучением наследника российского престола Платон исполнял также обязанности наместника Троице-Сергиевой Лавры. Насчет *добрейшего* А. Жемчужников также недалек от действительности. Отношения пастыря с наследником престола были теплыми и доверительными, что также отмечено в мемуарах Порошина и Панина. Кроме того, Павел не один год впоследствии состоял со своим законоучителем в переписке.

*Рано развернувшись во мне литературные силы подстрекали меня к занятиям и избавляли от пагубных увлечений юности. Мне было едва семнадцать лет, когда портфель, в котором я прятал свои юношеские произведения, был переполнен. Там была проза и стихи. Когда-нибудь я ознакомлю тебя, читатель, с этими сочинениями, а теперь прочти написанную мною в то время басню. Заметив однажды в саду дремавшего на скамье отца Иоанна, я написал на этот случай предлагаемую басню:*

#### СВЯЩЕННИК И ГУМИЛАСТИК

*Однажды, с посохом и книгою в руке,  
Отец Иван плелся нарочито к реке.  
Зачем к реке? Затем, чтоб паки  
Взглянуть, как ползают в ней раки.  
Отца Ивана нрав такой.  
Вот, рассуждая сам с собой,  
Рейсфедером он в книге той  
Чертил различные, хотя зело не метки,  
Заметки.  
Уставши, сев на берегу реки,  
Уснул, а из руки*

*Сначала книга, гумиластик,  
 А там и посох — все на дно.  
 Как вдруг наверх вспывает головастик  
 И, с жадностью схватив в мгновение одно  
 Как посох, так равно  
 И гумиластик,  
 Ну, словом, все, что пастырь упустил,  
 Такую речь к нему он обратил:  
 «Иерей! не надевать бы рясы,  
 Коль хочешь, батюшка, ты в праздности сидеть  
 Иль в праздности точить балясы!  
 Ты денно, нощно должен бдеть,  
 Тех наставлять, об тех радеть,  
 Кто догматов не знает веры,  
 А не сидеть,  
 И не глазеть,  
 И не храпеть,  
 Как пономарь, не зная меры».  
 Да идет баснь сия в Москву, Рязань и Питер,  
 И пусть  
 Ее твердит почаше наизустъ  
 Богообоязливый пресвитер.*

Живо вспоминается мне печальное последствие этой юношеской шалости. Приближался день именин моего родителя, и вот отцу Иоанну пришло в голову заставить меня и Павлуши разучить к этому дню стихи для поздравления старшего именинника. Стихи, им выбранные, хотя были весьма нескладны, но зато высокопарны. Оба мы знатно вызубрили эти вириши и в торжественный день проговорили их без запинки перед виновником праздника. Родитель был в восторге, он целовал нас, целовал отца Иоанна. В течение дня нас неоднократно заставляли то показать эти стихи, написанные на большом листе почтовой бумаги, то продекламировать их тому или другому гостю. Сели за стол. Все ликовало, шумело, говорило, и, казалось, неприятности ожидать неоткуда. Надобно же было на беду мою случиться так, что за обедом пришло мое сестре возле соседа нашего Анисима Федотыча Пузыренко, которому вздумалось меня дразнить, что сам я ничего сочинить не умею и что дошедшие до него слухи о моей способности к сочинительству несправедливы; я горячился и отвечал ему довольно строптиво, а когда он потребовал доказательств, я не замедлил отдать ему находившуюся у меня в кармане бумажку, на которой была написана моя басня «Священник и гумиластик». Бумажка пошла по рукам. Кто, прочтя, хвалил, а кто, просмотрев, молча передавал другому. Отец Иоанн, прочитав и сделав сбоку надпись карандашом: «Бойко, но дерзновенно», передал своему соседу. Наконец бумажка очутилась в руках моего родителя. Увидав надпись пресвитера, он нахмурил брови и, недолго думая, громко сказал: «Козьма! приди ко мне». Я повиновался, предчувствуя, однако, что-то недоброе. Так и случилось, — от кресла, на котором сидел мой родитель, я в слезах поспешно ушел на мезонин, в свою комнату, с изрядно накостылеванным затылком...

Эту часть текста, видимо, следует целиком считать первым вполне автономным образцом творчества главного сочинителя биографии. А. Жемчужникову удалось органично вплести в биографию *первые стихотворные опыты* своего подопечного и, более того, снабдить их комментариями в благонамеренном духе второй половины XVIII в. Однако некоторые слишком живописные детали упомянутого отрывка могут дать пищу для исторического комментирования. Скорее всего, эта часть «Биографии» в большей степени относится не к Пруткову лично, а к его высокородному современнику цесаревичу Павлу. Приведу аргументы в защиту этого предположения.

Например, граф Ф. Г. Головкин писал:

...когда Павел Петрович, еще в бытность свою великим князем, после кончины своей первой жены обнаружил такое неутешное горе, что даже опасались за его рассудок и жизнь, принц Генрих Прусский, находившийся тогда в Петербурге, придумал, как средство спасти цесаревича от его печали, обвинить покойную великую княгиню в недостаточной верности супружескому долгу. Для этой цели были пущены в дело не только подложные письма, но и Платон, бывший духовником Натальи Алексеевны, ввиду благости цели — спасти цесаревича от его горя — согласился подтвердить распущенную клевету, сказав великому князю, что узнал об этом из собственного признания усопшей, сделанного ею на предсмертной исповеди [цит. по: 16].

Возможно, в данном отрывке содержится намек на негативную роль *богобоязливого пресвитера* в неудачной попытке инициированного воспитателем цесаревича Н. Паниным заговора против Екатерины. Великая княгиня Наталья Алексеевна, жена Павла, как известно, поплатилась жизнью за активную роль в заговоре.

Кроме того, некоего *соседа АНисима Пузыренко* можно соотнести с реальным петербургским губернским прокурором А. Н. Пузыревским. В семье прокурора Пузыревского хранилось сочиненное для двадцатилетнего Павла предисловие к будущей конституции. Написанное известным литератором Д. И. Фонвизиным, это предисловие сохранилось под названием «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления».

Прозу, о которой упоминает юный сочинитель Козьма, он только пообещал привести когда-нибудь в будущем. Ограничился басней «Священник и гумиластик». Но там есть строки *Ты денno, ноцно должен бдеть, Тех наставлять, об тех радеть, Кто догматов не знает веры...,* которые также можно расценить как наказ будущему правителью.

Сведения о тайном проекте Павла, а следовательно, о заговоре против императрицы, пошли по рукам в результате предательства П. В. Бакунина, доверенного лица Н. И. Панина. Когда сведения эти в конечном итоге дошли до Екатерины, она призвала к себе сына и учинила ему допрос. В результате Павел признался в своём проступке, покаялся и ушел от матери в слезах и, так сказать, *с изрядно накостылеванным затылком....*

*Происшествие это имело влияние на дальнейшую судьбу мою и моего товарища. Было признано, что оба мы слишком избаловались, а потому довольно насничать науками, а лучше бы обоих определить на службу и познакомить с военною дисциплиною. Таким образом, мы поступили юнкерами, я в \*\*\* армейский гусарский полк, а Павлуша в один из пехотных армейских полков. С этого момента мы пошли различною дорогою*

Военная служба у обоих и должна была быть разной! Один — отпрыск бывшего синодального певчего, а другой — наследник престола. Проследим за военной дорогой обоих.

Большинство молодых дворян в середине XVIII в. действительно «слишком избаловалось», поскольку родители обеспечивали им военное образование и службу без отрыва от детских игр, маменькиного печения, голубятни, охоты и прочих подростковых развлечений. Служба для дворянских детей начиналась буквально с рождения. Вернее, согласно цитате из «Капитанской дочки» Петруша Гринёв был записан рядовым в гвардию, когда «...матушка была еще мною брюхата». Так, новорожденный Александр Маркович Полторацкий, сын директора придворной певческой капеллы, был по негласным правилам середины XVIII в. также зачислен рядовым в гвардейский полк. В 12 лет он уже *дослужился* до гвардии сержанта, а в 21 год был выпущен из полка в армию в чине капитана. Это был самый накатанный, обычный путь для дворянской молодежи.

Через месяц в феврале 1787 г. юный капитан, ни дня не учившийся в военном учебном заведении, был определен, правда, не в гусарский, а в нарывский пехотный полк тем же чином. Но, как выразился Прутков, «Не всякий капитан — исправник». Нашему капитану (вернее, капитанам, поскольку это относится к двум братьям Полторацким — Александру и Алексею) нарисовалась не очень радужная перспектива. Пехотные полки готовились к отправке в Причерноморье под знамена генерал-фельдмаршала Григория Потёмкина. Замаячившая возможность с риском для жизни штурмовать турецкие укрепления не очень радовала будущих защитников отечества. Братья, как это было принято в то время и согласно афоризму Пруткова «Не всякому офицеру мундир к лицу», решили пожертвовать красивым мундиром ради спокойного места где-нибудь в канцелярии.

Рассчитывать на Петербург или имение родителей было бесполезно: в семье Полторацких вместе с ними насчитывалось 11 детей. Надо было начинать чиновничью службу где-нибудь на периферии империи. В результате уже в июле этого же года оба они были уволены из армии и определены в архангельский губернский магистрат, где Александр получил место советника уголовной палаты, затем председателя департамента. Там же и тем же чином служил и Алексей (через год — губернский прокурор, с 1795 г. — коллежский асессор).

Скоро братья расстались. Из Архангельска будущий тестя Ч. Гаскойн в 1790 г. перевел Александра в Петрозаводск, в провиантский штат Александровского завода, почти сразу повысив до обер-провиантмейстера VIII класса. А через полтора года сделал его своим помощником, по существу, заместителем, продолжая щедро повышать по службе: к 1802 г. Полторацкий уже имел чин V класса. Брат Алексей к тому времени тоже не торчал в Архангельске, а числился статским советником (V класс) в столичном правлении Ассигнационного банка. Однако, как отзывался Ф. Ф. Вигель в своих записках 1840-х гг. о банковской службе начала XIX в. :

Теперь это менее чем ничто, а тогда (в 1802 г. — *Н. Кутьев*) статский советник и советник Ассигнационного банка — о блаженное время! — это было что-то, так сказать, полугенеральство... [17].

Заметим: служба в главном банке страны к середине века, практически в *прутковское* время, котировалась обществом как *менее чем ничто!* Как это похоже на непrestижность банковской службы в советское время и притягательность оной с конца XX в. !

Вот такая небогатая, можно сказать, виртуальная военная биография Александра Марковича не идет, конечно, ни в какое сравнение с систематическим военным обучением Павла Петровича, с его почти ежедневными практическими занятиями фронтом, фехтованием и верховой ездой. Высокородный *товарищ детства* еще в Гатчине и Павловске с увлечением командовал сначала ротой, а потом и целым батальоном своих голштинцев. При восшествии на престол Екатерины II он получил чин полковника Лейб-кирасирского полка, а затем генерал-адмирала Российского императорского флота. Будучи на престоле, Павел предпочитал



носить мундир генерала Преображенского полка — темно-зеленый с красными отворотами, в котором он и присутствует на многочисленных живописных портретах.

Раз речь зашла о портретах, уместно привести сравнительную характеристику внешности обоих персонажей в зрелые годы. Александр Жемчужников заостряет внимание на степени сходства и различия

*…между покойным Козьмою Петровичем и еще живым Павлом Петровичем. Между обоими (коли можно так для краткости выразиться) «Петровичами» есть много сходства и столько же разницы. Разумный читатель поймет, что здесь идет речь не о наружности. Сия последняя (употребляю это слово, конечно, не в дурном смысле) была у покойного Козьмы Петровича столь необыкновенна, что ее невозможно было не заметить даже среди многочисленного общества. Вот что, между прочим, в кратком некрологе о приснопамятном покойнике («Современник», 1865 года) было мною сказано: «Наружность покойного была величественная, но строгая; высокое, склоненное назад чело, опущенное снизу густыми рыжеватыми бровями, а сверху осененное поэтически всклоченными, шантретовыми с проседью волосами; изжелта-каштановый цвет лица и рук; змеиная саркастическая улыбка, всегда выказывавшая целый ряд, правда, почерневших и поредевших от табаку и времени, но все-таки больших и крепких зубов, наконец вечно откинутая назад голова....*

Совершенно противоположное этому представляет наружность Павла Петровича. Он менее чем среднего роста, вздернутый кверху красный маленький нос напоминает сердоликовую запонку; на голове и лице волос почти вовсе нет, зато рот наполнен зубами работы Вагенгейма или Валленштейна.

Этот отрывок также нуждается в комментировании. Во-первых, фразу *между покойным Козьмою Петровичем и еще живым Павлом Петровичем* следует, как вытекает из сказанного выше, существенно подкорректировать и признать, что оба сравниваемых субъекта уже покинули наш мир. Только один, литератур-прозаик, недавно, в 1839 г., а другой, известный исторический деятель, — достаточно давно, в трагическую ночь цареубийства: с 11 на 12 марта 1801 г. Александр Жемчужников дополняет текст *биографии* своего брата деталями, рассевающими последние сомнения относительно личности по крайней мере одного из героев. Он даёт портреты обоих *Петровичей*.

Насчет внешности Козьмы и его соотнесенности с обликом Пруткова-Полторацкого ничего сказать нельзя, так как живописных портретов последнего не сохранилось. А вот второй герой, Павел Петрович, вполне соответствует своим многочисленным парадным портретам: узнаваем и невеликий рост императора Павла, и его знаменитый курносый нос, похожий, как выразился А. Жемчужников, *на сердоликовую запонку*. На портретах у него всегда гладко выбритое лицо с сильно открытым лбом, так как Павел рано начал лысеть.

В «Моих воспоминаниях» М. Леонтьева между прочим замечено:

Сей государь был малого роста и не более 2 аршин и 4 вершков (около 160 см. — Н. Кутыков.), чувствуя сие, он всегда вытягивался и при походке никогда не сгибал ног, ...отчего при ходьбе и стучал крепко ногами; ... лоб большой или, лучше, лысину до самого темя, никогда не закрывал волосами; нос имел курносый, кверху вздернутый [Цит. по: 18].

В «Записках...» Семена Порошина упомянуты и крепкие зубы, которыми император обладал с юности. Граф Ф. Г. Головкин вспоминал, говоря о подраставшем великом князе Павле Петровиче:

Его глаза сохранили много выражения, а его очень большие зубы были так белы и ровны, что рот от этого казался почти приятным». Павел сохранил хорошие зубы еще и потому, что не был подвержен вредным привычкам своего времени: не употреблял табак ни в каком виде и не выносил спиртного. [цит. по: 16].

Понятно, что заменять свои зубы искусственными *работы Вагенгейма или Валленштейна* ему не было необходимости. Кроме того, в этом месте текста опять хронологический сдвиг: оба указанных зубных врача практиковали значительно позднее. Примерно через 20 лет после смерти императора Павла, о чём имеются документальные свидетельства. А вот его сыну, императору Александру I в 1823-м и 1825 гг. действительно были вставлены искусственные фарфоровые зубы *на золотых коронках с платиновыми шпильками*.

Фарфоровые полные съемные зубные протезы к тому времени окончательно вытеснили прежнюю практику использования человеческих зубов с полей сражения, так называемых *зубов Ватерлоо*. Например, Фаддей Булгарин, зло осмеянный современниками за доносы и корыстолюбие, однажды не побрезговал откровенно рекламной статьёй в «Северной Пчеле». Он явно небескорыстно порекомендовал читателям зубного врача, который лечил всё его семейство: «всем этим господам мы свидетельствуем свое почтеніе, не оскорбляем их ни словом, ни намеком, и рекомендуем зубного врача Давида Валленштейна (отца), живущаго у Полицейского моста в домъ Котомина».

Публикация же в «Санкт-Петербургских Ведомостях» гласит:

Б. Вагенгейм, зубной врач при Главном Штабъ его Императорского Величества и в Смольном монастырь, сим извѣщает почтенную публику, что он лѣчит всякаго рода зубныя болѣзни [19].

Таким образом, полу века несоответствия упомянутых цветистых фактов помогали Жемчужникову совершенно запутывать неискушенных читателей. Далеко не все знали, у кого из русских монархов были искусственные зубы, а у кого свои! Приходилось покорно принимать на веру всю весьма живописную биографию литературного персонажа.

Далее Жемчужников переходит к еще одной важной вехе в жизни героя.

*Женившись на двадцать пятом году жизни, я некоторое время был в отставке и занимался хозяйством в доставшемся мне по наследству от родителя имении близ Сольвычегодска. Впоследствии поступил снова на службу, но уже по гражданскому ведомству. При этом, никогда не оставляя занятий литературных, имею утешение наслаждаться справедливо заслуженою славою поэта и человека государственного. Напротив того, товарищ моего детства, Павел Петрович, до высших чинов скромно продолжал свою службу все в том же полку...*

Полторацкий-Прутков с 1787 г. уже не носил красивый военный мундир, однако Павел и по мундиру, и по душевной склонности продолжал оставаться военным, штатских не любил и не жаловал, особенно когда с 1796 г. под его началом оказалась вся военная мощь империи. Двух молодых людей больше роднила одинаковая судьба по части супружества. Оба рано лишились первых жен и через краткое время сочетались повторным браком. Причем Александр Маркович впервые вступил в брак действительно в 25 лет, но повторно женился, как уже известно из предыдущих глав, на девице Татьяне Михайловне Бакуниной. В «Биографии» Пруткова сия девица именуется Антонидой Платоновной Проклеветантовой.



Сразу же возникает вопрос, почему супруге Козьмы подарена столь неблагозвучная фамилия, говорящая о довольно серьезных человеческих пороках — клевете, наветах и т. п.? Нам известно, что сам Прутков-Полторацкий был женат на представительнице клана Бакуниных. Чем могло не угодить это довольно разветвленное семейство авторам-биографам? Может быть, дело в том, что один из них, Петр Васильевич Бакунин-меньшой (1731—1786), сыграл, как сказано выше, неприглядную роль в жизни Павла, передав его матери-императрице сведения о планах её свержения. И это при том, что он сам в упомянутых планах принимал самое деятельное участие, но потом струсил и решил покаяться, жестоко подставив своего товарища и высокородного *подельника*.

Затем не будем забывать, что в ту пору, когда создавалась биография Пруткова, по всей России и за её пределами склонялось имя самого знаменитого из Бакуниных, революционера, теоретика анархизма и, что очень важно, родного племянника Татьяны Михайловны, жены Полторацкого. Все благонамеренные чиновники и литераторы в 1840-х — 50-х гг. исходили желчью при упоминании имени Михаила Бакунина. Даже внешность Михаила Александровича вызывала у многих неприязнь:

Во всей его фигуре было что-то дерзкое,зывающее; лицо матовой белизны особенно неприятно поражало при коротких черных курчавых волосах. Мне он был антипатичен... [10].

В частном письме 1864 г.: «Бакунин зверь, гиена; ему только грезятся пожары, топоры и трупы; он этим живет». Немало уничижительных слов говорилось в его адрес. Среди таковых слова *отщепенец* и *клеветник* были одними из самых употребительных. Одновременно с признаком ума и начитанности по части немецкой философии многие считали М. А. Бакунина авантюристом, *детски избалованным, бес tactным и любящим заниматься сплетнями*. Иллюстрацией к последней его особенности может послужить известная история с литератором М. Н. Катковым. Про него будущий лидер международного анархизма якобы распространил слух о каком-то неприглядном романе. Белинский в своём письме В. П. Боткину от 12 августа 1840 г. красочно описал произошедшую достаточно комичную схватку двух передовых людей своего времени:

После обмена оскорблений ... Бакунин отворачивает лицо и действует руками, не глядя на Каткова; улучив минуту, он поражает Каткова поперек спины подаренным тобой бамбуком, но с этим порывом силы и храбрости его остались и та, и другая, — и Катков дал ему две оплеухи [20].

Через много лет, в 1868 г., через 4 года после подавления польского восстания, которое готовил в числе прочих и М. А. Бакунин, Алексей Толстой пишет шутливое стихотворение о множестве равноправных языков, населяющих Российскую империю. Обладавший, как известно, богатырской силой автор опасается подобной потасовки на почве национальных отношений (Катков в то время был сторонником активных гонений на поляков):

*Страшась с Катковым драки,  
Я на ухо шепну:  
У нас есть и поляки,  
Но также: entre nous...*

Вообще-то М. Н. Катков в конце 1830-х был приятелем Бакунина и даже в некотором роде его единомышленником. Поэтому через 18 лет, будучи в сибирской ссылке, Бакунин попробовал восстановить отношения с прежним приятелем. М. Н. Катков в 1858 г. редактировал «Русский вестник», издание умеренно-либеральное. Письму, по свидетельству современников,

Катков был рад. Сам же он от прежних идей и взглядов был уже далек, но еще не успел стать идеологом шовинизма и реакции.

Видимо, поэтому сам Прутков осторожничает с упоминанием его имени, заявляя, что он *усомнился бы в нравственности приемов Каткова*. Позднее журналист будет известен как на редкость беспринципный деятель и сторонник охранительных позиций. То, что он проповедовал вчера, сегодня им же отвергалось в угоду изменению политического климата. М. Е. Салтыков-Щедрин в своей знаменитой сказке о двух генералах рисует необитаемый остров, где под кустом завалялся старый номер «Московских ведомостей» (реакционная газета, которая редактировались Катковым до 1887 г.).

Не удивительно, что в годы николаевского режима большинство российского общества было на стороне деятелей, подобных Каткову. А репутация его оппонента, знатока немецкой философии, к тому времени была непоправимо испорчена. Однако если простодушный и доверчивый человек, каковым был М. А. Бакунин, поверил слухам (причем небезосновательным) — совсем не причина, чтобы именовать его клеветником. Другим этот недостаток охотно прощали.

Например, в эпистолярном жанре вполне респектабельных иуважаемых обществом братьев Александра и Константина Булгаковых слухи и сплетни занимали едва ли не 90 процентов от всей их объемной переписки. Зато общество, за редким исключением, этих благонамеренных господ клеветниками не считало. Тут дело в другом. На реноме Бакунина несомненное влияние оказывали его политические взгляды. Главное теоретическое открытие этого врага государственности — отказ от власти: «Анархия — мать порядка» и «Собственность есть кражा». Однако каждый имеет право на личную собственность, созданную своим трудом. Отсюда вывод — грабь награбленное!

К столь одиозной личности иначе и не мог относиться такой верноподданный чиновник, как Козьма Петрович. Тем более что в 1836—40 гг. Михаил Бакунин был особенно дружен с Висарионом Белинским, а, как известно, друзья чаще всего имеют и схожие литературно-художественные вкусы. Из последующих писем Бакунина ясно, что касательно мнения о творчестве Дормедона Пруткова племянник Полторацкого, несомненно, был на стороне критика.

Надо сказать, Козьма Петрович *достойно* защитил свою творческую репутацию от нападок свойственника. В своих биографических (посмертных) записках «С того света» он через медиум на спиритическом сеансе повествует о некоем родственнике по имени Илиодор Проклеветантов. Медиумом, которого Прутков зашифровал литерами N. N., выступает Алексей Толстой. Он единственный из авторов-клевретов (клевреты — постоянные помощники в каких-либо, в том числе неблаговидных делах), кто присутствовал на дворцовых сеансах спирита Юма (Д. Д. Хьюма). Эти сеансы происходили летом 1857 г. в присутствии императора, императрицы, императрицы-матери, великого князя Константина и нескольких придворных.

В отличие от многих из них Толстой с юмором отнесся к столоверчению, к звону колокольчика и неким таинственным прикосновениям к коленям присутствующих. Но воспользовался этим опытом, чтобы еще раз заставить говорить своего упокоившегося героя. Он, так сказать, стал медиумом покойного и от его имени продолжил жизнеописание Козьмы Петровича. Между прочим, Прутков тогда и поведал о Проклеветантове, которого он *не взирая на родство уволил по 3-му пункту*. Этот третий пункт значится в специальных указах о государственной службе от 21 апреля 1826 г. и 7 ноября 1850 г. Он предписывал увольнение чиновника по причине политической неблагонадежности. Козьма Петрович уточняет: Проклеветантов — родственник со стороны жены, вольнодумец и распространитель злостных сплетен о таком благонамеренном гражданине, как Прутков. Причем заплативший черной неблагодарностью за то, что Козьма Петрович некогда принял участие в его судьбе и дал ему теплое

местечко в своей пробирной палатке. Поэтому пришлось заклеймить его гневным стихотворением. Правда, имя и фамилию злопыхателя Прутков даже не называет полностью, ибо они, по мнению порядочного гражданина и патриота, не достойны сохраниться на скрижалях большой истории.

*Когда ты мелеешь сущий вздор  
 По поводу моих талантов,  
 Мне жаль тебя, Илиодор  
 Проклеветантов!  
 И самый подлый наговор  
 Не возмутит мой профиль Дантов.  
 Позор тебе, Илиодор  
 Проклеветантов!  
 Кто вольнодумничать остыр,  
 Тому не место среди грандов.  
 Сгинь с глаз моих, Илиодор  
 Проклеветантов!*

Утверждая, что он два года держал родственника губернским секретарем в своём ведомстве, Прутков в образе Илиодора совмещает двух лиц — баснописца Ивана Андреевича Крылова и своего племянника М. А. Бакунина. Последнего А. М. Полторацкий никак не мог принять на службу как бывшего в ту пору нетрудоспособным по причине появления на свет только через 3 года после ухода Александра Марковича в отставку. А вот губернский секретарь Иван Крылов действительно два года служил под его началом до сентября 1810 г. Такая сознательная хронологическая аберрация неоднократно встречается в «Биографии».

Но вернемся к семейной теме. В первый свой брак Полторацкий вступил действительно в 25 лет, а Павел Петрович к 25 годам уже имел двух сыновей, Александра и Константина, а уже после восшествия на престол — Николая и Михаила.

Здесь отметим одно из существенных обстоятельств, сближающих обоих *Петровичей*. Имена сыновей Александра Марковича в точности повторяли имена сыновей Павла I: тоже Александра, Константина, и позднее — Михаила. Этот факт объясняется просто: Полторацкий вместе со многими российскими чиновниками тайно состоял в так называемой партии наследника. Среди чиновников и горных офицеров Олонецкого горного округа таких было не так уж и мало. Они всячески поддерживали идею как можно более раннего смещения Екатерины II и воцарения Павла. Последний сын Полторацких, рожденный в 1809 г., уже во времена правления Александра, когда идея (и сама партия) наследника была неактуальной, получил имя Петр.

*Павел Петрович до высших чинов скромно продолжал свою службу все в том же полку и к литературе склонности никакой не оказывал. Впрочем, нет: следующее его литературное произведение получило известность в полку. Озабочиваясь, чтоб определенный солдатам провиант доходил до них в полном количестве, Павел Петрович издал приказ, в котором рекомендовал гг. офицерам иметь наблюдение за правильным пищеварением солдат.*

Разница в служебном военном списке двух молодых людей уравновешивалась хвастливым заявлением Козьмы Петровича о постоянных занятиях благородным литературным трудом. Хотя тут же он благосклонно уступил Павлу некоторую часть своей литературной славы. Правда, не обошлось без ироничной окраски этой уступки, коли речь зашла о приказе насчет офицерского наблюдения за правильным пищеварением солдат.

Эта шутка больше похожа на ёрничество, однако имеет под собой вполне серьезное основание. До воцарения Павла солдатам часто доставался хлебный и мясной паёк в урезанном виде. Там, где особенно процветало воровство интендантов и начальства, солдаты просто голодали.

*Император никогда не оказывал несправедливости солдату и привязывал его к себе,* — свидетельствует генерал от кавалерии граф Леонтий Беннигсен. А граф А. Ланжерон уточняет: ... *Начиная с Павла продовольствие всегда выдавалось точно и даже до срока. Полковники не могли более присваивать то, что принадлежало солдатам.*

Значит, один только тщательный контроль за полноценностью солдатских рационов означал в те времена важнейший шаг к укреплению армии и обеспечил Павлу величайший авторитет в солдатской среде. *Все трепетали перед императором, только одни солдаты его любили,* — вспоминает княгиня Д. Х. Ливен. У историков бытует такое мнение: если бы солдатам гвардейских полков дали знать о смертельной угрозе для императора в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., возможно, Павел остался бы жив. Солдаты могли обратить свои штыки против офицеров-заговорщиков.

С этим предположением можно было бы согласиться, солдаты Павла действительно любили. Однако есть одно «но» ... Не берется в расчет воспитанная Павлом беспрекословная дисциплина в армии и гвардии. Она-то и сыграла решающую роль во время покушения. В ночь цареубийства как раз подпоручик Константин Полторацкий, родной брат Александра Марковича, нес караул во внутренних покоях дворца. Обнаружив появление заговорщиков рядом с царской спальней, он обнажил шпагу и повёл было своих солдат-семеновцев на защиту императора.

И что же? Властный окрик графа Палена «Караул, стой!» заставил его остановиться, а следующая команда — отступить. Солдаты под предводительством офицера споро замаршировали подальше от места, где их любимец и кормилец Павел уже задыхался в удавке из офицерского шарфа. Но все же заговорщики явно боялись неблагоприятного поворота событий — возникший шум за пределами императорской спальни цареубийцами был принят за топот солдатских сапог и заставил их разбежаться. Правда, лишь до выяснения, что тревога ложная.

После такого конфуза *защитник императора* Константин решил поправить свой имидж самым грязным способом: уговорил сослуживца по Семеновскому полку прапорщика Шубина инсценировать попытку задержания мифических злоумышленников, якобы предложивших двум честным офицерам участие в заговоре против молодого императора Александра. При этом Шубин для особой достоверности согласился, чтобы Константин прострелил ему руку. Состоялось следствие, дело открылось — Шубина сослали в Сибирь, а Константин Полторацкий практически не пострадал, сумел вывернуться.

*Со вступлением на гражданскую службу я переселился в С.-Петербург, который вряд ли когда-либо соглашусь покинуть, потому что служащему только тут и можно сделать себе карьеру, коли нет особой протекции. На протекцию я никогда не рассчитывал. Мой ум и несомненные дарования, подкрепляемые беспрепредельною благонамеренностью, составляли мою протекцию.*

*В особенности же это последнее качество очень ценилось одним влиятельным лицом, давно уже принявшим меня под свое покровительство и сильно содействовавшим, чтоб открывшаяся тогда вакансия начальника Пробирной Палатки досталась мне, а не кому-либо другому. Получив это место, я приехал благодарить моего покровителя, и вот те незабвенные слова, которые были им высказаны в ответ на изъявление мною благодарности: «Служи, как до сих пор служил, и далеко пойдешь. Фаддей Булгарин и Борис Федоров также люди благонамеренные, но*

*в них нет твоих административных способностей, да и наружность-то их не-представительна, а тебя за одну твою фигуру стоит сделать губернатором». Таковое мнение о моих служебных способностях заставило меня усиленнее работать по этой части. Различные проекты, предположения, мысли, клонящиеся исключительно на пользу отечества, вскоре наполнили мой портфель. Таким образом, под опытным руководством влиятельного лица совершенствовались мои административные способности, а ряд представленных мною на его усмотрение различных проектов и предположений поселил и как в нем, так и во многих других, мнение о замечательных моих дарованиях как человека государственного.*

Протекция, покровительство в России XIX в., за редчайшим исключением, были непременным условием служебной карьеры гражданского и военного чиновничества. Насчет протекции Александру Марковичу, то есть предположительно, и Козьме Петровичу, везло с отменной регулярностью. Выгодная женитьба и первым и вторым браком, влиятельная столичная родня... Обо всем этом уже упоминалось в предыдущих главах. Не имея столь чиновных и могущественных родственников в Петербурге,уважаемый А. М. Полторацкий никогда бы не получил перевод в столицу директорствовать в крупном Монетном департаменте.

Трудно предположить, что столь бесцветный руководитель из провинциального Петрозаводска, не имевший каких-либо выдающихся заслуг, обошелся без поддержки своего шурина, тайного советника, сенатора и гражданского губернатора Санкт-Петербурга М. М. Бакунина. Кстати, Александр Маркович невольно проторил путь и для последующих начальников олонецких горных заводов. В 1843 г. такой же перевод из Петрозаводска, но уже не в Монетный департамент, а на Монетный двор получил Роберт (Роман) Адамович Армстронг. В отличие от Полторацкого, он был действительно дельным специалистом, учился металлургии в Эдинбургском университете и по праву носил чин генерал-лейтенанта. ( обратите внимание, что в 1840-е гг. даже не департаментом, а более скромной структурой — Монетным двором — руководил уже не просто генерал-майор, а генерал-лейтенант). Но самое главное, Роберт Армстронг пользовался величайшим уважением всех работников Александровского пушечного. Мастеровые весьма сожалели о его отъезде, поэтому на воротах петрозаводского завода появились тогда рукописные вирши, сочиненные кем-то из мастеровых:

*Потерялся наш отец  
Армстронг-молодец.  
Будем Бога мы молить,  
Чтоб его нам возвратить...*

Далее в стихах была брань в адрес заводского управляющего Баранникова и других начальников. Проведенное следствие по этому делу злодеев не отыскало.

Отъезд Полторацкого в 1808 г. вряд ли кого-нибудь опечалил в Петрозаводске. Зато в Петербурге в качестве тяжелой артиллерии он использовал, кроме Бакунина, немалые возможности еще одного собственника. Я имею в виду его зятя, также некогда служившего в Монетном департаменте (впрочем, где он только не служил!), действительного статского советника А. Н. Оленина.

На будущие литературные претензии Полторацкого также не мог не повлиять пример многочисленных Бакуниных. Не только шурина, который состоял в державинско-шишковской «Беседе любителей русского слова», но и некоторые дочери М. М. Бакунина и их мужья также не чурались литературных занятий: писали стихи, прозу, мемуары. Пожелания и наставления *влиятельного лица* сопровождаются обращением к примерам таких благонамеренных и полезных для государства лиц, как Фаддей Булгарин и Борис Федоров. Понятно, что и тот и другой к современникам правления Павла Первого имеют самое отдаленное отношение. Речь



в данном случае идет об одиозных, реакционных писателях и журналистах второй четверти XIX в. Широкой аудитории творчество последних известно в основном по критическим эпиграммам А. С. Пушкина и литераторов пушкинского круга: Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, С. А. Соболевского и других.

Несомненно, что настоящие покровители Пруткова-Полторацкого не могли ориентировать его на авторитет Булгарина и Федорова. Ко времени окончания служебной карьеры Полторацкого (1811 г.) эти литераторы еще не были известны обществу. Что ж, это еще один хронологический сдвиг в «Материалах для биографии...». Но самим приёмом сравнения всех этих трёх литераторов подчеркивается еще более высокая степень благонамеренности и полезности для полицейского государства времен Николая I такой творческой фигуры, как Прутков.

Кстати, о фигуре в смысле телосложения. Все мужчины из рода Полторацких (и даже сестра Елизавета Марковна, бывшая едва ли не на голову выше своего мужа А. Н. Оленина) отличались хорошим *гвардейским* сложением. Например, и сыновья Александра Марковича, и его старший брат служили в гвардии, а там низкий порог роста был в конце XVIII в. не малым даже с нынешних позиций — 182,5 см. Не зря неведомый покровитель полагал, что Пруткова *за одну... фигуру стоит сделать губернатором*.

В тексте «Материалов для биографии...» упоминаются ...различные проекты, предположения, мысли, клонящиеся исключительно на пользу отечества, вскоре наполнили мой портфель. И это также часть биографии Пруткова-Полторацкого. То есть предположительно речь может идти об участии последнего в обсуждении дежабинского проекта Горного положения, в результате чего рухнула чиновничья карьера Полторацкого. Конечно, воспоминания о нескольких неделях фruстрации наверняка были ему сначала неприятны. Но впоследствии Полторацкий наверняка очень гордился столь значимым этапом своего участия в важнейшем государственном деле и полностью уверился в том, что его самого можно считать «человеком государственным».

*Не скрою, что такие лестные обо мне отзывы настолько вскружили мне голову, что даже, в известной степени, имели влияние на небрежность отделки представляемых мною проектов. Вот причина, почему эта отрасль моих трудов носит на себе печать неоконченного (d'inacheve). Некоторые проекты отличались особенною краткостью, и даже большею, чем это обыкновенно принято, дабы не утомлять внимания старшего. Быть может, именно это-то обстоятельство и было причиною, что на мои проекты не обращалось должного внимания. Но это не моя вина. Я давал мысль, а развить и обработать ее была обязанность второстепенных деятелей.*

*Я не ограничивался одними проектами о сокращении переписки, но постоянно касался различных нужд и потребностей нашего государства. При этом я заметил, что те проекты выходили у меня полнее и лучше, которым я сам сочувствовал всею душою. Укажу для примера на те два, которые, в свое время, наиболее обратили на себя внимание: 1) «о необходимости установить в государстве одно общее мнение» и 2) «о том, какое надлежит давать направление благонамеренному подчиненному, дабы стремления его подвергать критике деяния своего начальства были в пользу сего последнего».*

*Оба эти проекта, сколько мне известно, официально и вполне приняты не были, но, встретив большое к себе сочувствие во многих начальниках, в частности, не без успеха, были многократно применяемы на практике.*

Прутков здесь выступает как вполне созревший публицист-государственник. В данном случае братья Жемчужники уже практически отказываются от дальнейшего конструирования биографии Козьмы Петровича, а просто констатируют его достижения на ниве литературного и административного творчества. Авторами последнего, понятно, являются они сами, точнее, именно Владимир Жемчужников. В первую очередь это написанный им от имени Пруткова «Проект: о введении единомыслия в России». Этот черновой проект, написанный в 1859 г., был напечатан в журнале «Современник» лишь после смерти К. Пруткова, в 1863 г., однако идеи Проекта актуальны до сих пор. Особенно они применимы к тоталитарным системам.

*Я долго не верил в возможность осуществления крестьянской реформы. Разделяя по этому предмету справедливые взгляды г. Бланка и других, я, конечно, не сочувствовал реформе, а все-таки, когда убедился в ее неизбежности, явился с своим проектом, хотя и сознавал неприменимость и непрактичность предлагавшихся мною мер.*

*Итак, будучи обильно одарен природою талантом литературным, мне хотелось еще стяжать славу государственного человека. Поэтому я много тратил времени на составление проектов, которым, однако, невзирая на их серьезное государственное значение, пришлось остаться в моем портфеле без дальнейшего движения, частью потому, что всегда кто-либо успевал ранее меня представить свой проект, частью же потому, что многое в них было не окончено (inacheve).*

*Неизвестность этих моих, не вполне оконченных, проектов, а также и многих литературных трудов, доселе не дает мне покоя. Долго ли буду я таким образом мучиться — не знаю; но думаю, что дух мой не успокоится, доколе не передаст всего, что приобрел я бессонными ночами, долголетним опытом и практикою жизни. Может быть, это мне удастся, а может быть, и нет.*

*Как часто человек, в высокомерном сознании своего ума и превосходства над другими тварями, замышляя что-либо, заранее уже решает, что результаты его предположений будут именно те, а не другие. Но разве всегда его ожидания сбываются? Отнюдь. Нередко получаются результаты самые неожиданные и даже совершенно противоположные.*

*Чего бы, казалось, естественнее встретить у лошади хотя бы попытку на сопротивление, когда ты делаешь ей неприятность по носу, но кто же станет оспаривать справедливость известного моего афоризма: «Щелкни кобылу в нос, она махнет хвостом»?*

*Поэтому и я не могу предвидеть теперь, перестану ли и тогда интересоваться тем, что делается у вас на земле, когда имя мое будет греметь даже между дикими племенами Африки и Америки, особенно ирокезцами, которых я всегда издали и платонически любил за их звучное прозвание.*

Читателю XIX в., а тем более нашему современнику наверняка не очень понятно упоминание некоего господина Бланка в биографии нашего героя. Имя статского советника Г. Б. Бланка, кстати, соседствовало с именем семейства Полторацких. А насчет предполагаемой крестьянской реформы можно не сомневаться, что Прутков-Прутков как ультра-государственник был бы на стороне своего соседа и единомышленника г. Бланка, безоговорочного противника освобождения крестьян.

Щелчок по носу и в то время и до сих пор обозначает обидную и не ожидаемую реакцию на твои действия. Это могут быть и раскритикованые литературные труды, и отклик прави-

тельства на личное участие в обсуждении такого государственного документа, как проект Горного положения. Как помните, наградой за это *участие в государственном деле* был по существу щелчок по носу.

Забавен пассаж с предполагаемой известностью имени Пруткова в Африке и Америке, в особенности среди симпатичных и фонетически звучных *ирокезцев*. В данном случае следует вспомнить один из первых стихотворных опытов Козьмы Петровича под названием «Мой портрет» (впервые опубликован А. Толстым в «Современнике», 1860 г.):

*Когда в толпе ты встретишь человека,  
 Который наг<sup>1</sup>;  
 Чей лоб мрачней туманного Казбека,  
 Неровен шаг;  
 Кого власы подъяты в беспорядке;  
 Кто, вопия,  
 Всегда дрожит в нервическом припадке, -  
 Знай: это я!  
 Кого язвят со злостью вечно новой,  
 Из рода в род;  
 С кого толпа венец его лавровый  
 Безумно рвет;  
 Кто ни пред кем спины не клонит гибкой, -  
 Знай: это я!. .  
 В моих устах спокойная улыбка,  
 В груди — змея!*

И даже после кончины автора-универсала, в «некрологе», посвященном памяти Козьмы Петровича, упоминается также *его змеиная саркастическая улыбка*. Сразу же на память приходят строчки из пушкинского «Пророка»:

*И жало мудрья змеи  
 В уста замершие мои  
 Вложил десницею кровавой...*

*Змеиная* реминисценция безусловно отсылает читателя к одному из программных стихотворений Пушкина.

Следующую фразу о грядущей славе Пруткова, *когда имя мое будет греметь даже между дикими племенами Африки и Америки, особенно ирокезцами* следует также отнести уже к другому столь же программному произведению Александра Сергеевича. За громким заявлением Козьмы Петровича явно маячат строки из знаменитого «Памятника»:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,  
 И назовет меня всякий сущий в ней язык;  
 И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий  
 Тунгус, и друг степей калмык.*

Однако при чем же здесь конкретное упоминание мало кому известного в те времена североамериканского племени? Алексей Смирнов в своих комментариях никак не объясняет причину упоминания указанных жителей Америки, лишь перечисляет еще несколько племен [21]. Мне представляется, что в данном случае любовь к *ирокезцам* имеет принципиальное значение. Во-первых, прямо намекает на пушкинских *тунгусов и калмыков*, во-вторых, еще раз

<sup>1</sup> Вариант: «На коем фрак». Прим. К. Пруткова.

подчеркивает змеиную сущность автора. Она не только дань прелести звучного произведения или особой заморской экзотике. Дело в том, что самоназвание ирокезов переводится как *настоящие гадюки*, ядовитые змеи.

Откуда этот факт мог быть известен в среде российских литераторов середины XIX в.? Скорее всего, книжный образ ирокезов стал известен читающей публике из произведений Фенимора Купера. В его романах ирокезы рисуются как нечестные, злобные и коварные краснокожие в противовес благородным делаварам и столь же положительным белым переселенцам (на самом деле особым коварством и жестокостью обращения с пленными отличались не столько ирокезы, сколько апачи и команчи).

Произведения Ф. Купера к середине XIX в. были уже знакомы российскому читателю. Первый его роман под названием *The Pathfinder, or The Inland Sea* был переведен на русский и опубликован в журнале «Отечественные записки» (1841 г.) под названием «Открыватель следов» (сейчас он известен русскому читателю как «Следопыт»). «Открывателя...» похвалил В. Г. Белинский, сказав, что это — шекспировская драма в форме романа.

*Кроме того, в Петербурге находилось правление Российско-Американской компании (РАК), которое курировало всю деятельность русских факторий на Аляске и в Калифорнии. С 1799 г. и некоторое время после продажи Аляски (именно РАК продала её в 1867 г.) там продолжалась деятельность русских промышленников, поставлявших на рынок меха морского бобра, калана. Непростые, иногда воинственные отношения первого тамошнего губернатора, олонецкого купца Александра Барапова, и последующих правителей РАК с местными индейскими племенами тлинкитов и атабасков наверняка были хорошо известны петербургским чиновникам.*

*В оставшемся после меня портфеле с надписью: «Сборник неоконченного (d'inacheve)» есть, между прочим, небольшой набросок, озаглавленный «О том, какое надлежит давать направление благонамеренному подчиненному, дабы стремления его подвергать критике действия своего начальства были бы в пользу сего последнего».*

*Основная мысль этого наброска заключается в том, что младший склонен обсуждать поступки старшего и что результаты такового обсуждения не всегда могут быть для последнего благоприятны.*

*Предполагать, будто какие-либо мероприятия способны уничтожить в человеке его склонность к критике, так же нелепо, как пытаться объять необъятное. Следовательно, остается одно: право обсуждения действий старшего ограничить предоставлением подчиненному возможности выражать свои чувства благодарственными адресами, поднесением званий почетного мирового судьи или почетного гражданина, устроением обедов, встреч, проводов и тому подобных чествований.*

*Отсюда проистекает двоякое удобство: во-первых, начальник, ведая о таковом праве подчиненных, поощряет добровольно высказываемые ими чувства и в то же время может судить о степени благонамеренности каждого. С другой стороны, похищено и самолюбие младших, сознавших за собою право разбирать действия старшего.*

*Кроме этого, сочинение адресов, изощряя воображение подчиненных, немало способствует к усовершенствованию их слога.*



*Я поделился этими мыслями с одним из губернаторов и впоследствии получил от него благодарность, так что, применив их в своем управлении, он вскоре сделался почетным гражданином девяти подвластных ему городов, а слог его чиновников стал образцовым. Суди сам по следующему адресу, поданному ими начальнику по случаю Нового года:*

*«Ваше превосходительство, отец, сияющий в небесной добродетели. В новом году, у всех и каждого, новые надежды и ожидания, новые затеи, предприятия, все новое. Неужели же должны быть новые мысли и чувствования? Новый год не есть новый мир, новое время; первый не возрождался, последнее невозвратимо. Следовательно: новый год есть только продолжение существования того же мира, новая категория жизни, новая эра воспоминаний всем важнейшим событиям!»*

*Когда же приличнее, как не теперь, возобновить нам сладкую память о благодетеље своем, поселившемся на вечные времена в сердцах наших?*

*Итак, приветствуем вас, превосходительный сановник и почетный гражданин, в этом новом летосчислении, новым единодушным желанием нашим быть столько счастливым в полном значении этого мифа, сколько возможно человеку наслаждаться на земле в своей сфере; столько же быть любиму всеми милыми вашему сердцу, сколько мы вас любим, уважаем и чествуем!*

*Ваше благодеяние есть для нас милость Божия, ваше спокойствие — наша радость, ваша память о нас — высшая земная награда!*

*Живите же, доблестный муж, Мафусаилов век для блага потомства. Мужайтесь новыми силами патриота для блага народа. А нам остается молить Сердцеведца о ниспослании вам сторицю всех этих благ со всею фамильною церковью вашею на многие лета!»*

По всей видимости, этот наглядный урок благонамеренности и любви младших к старшему мог относиться к самому зажиточному из 11 детей Агафоклеи и Марка Полторацких. Константин Маркович действительно был ярославским губернатором в 1832—1842 гг., прежде чем отправиться на покой в унаследованное богатейшее родительское имение в Грузинах.

К зависти всех остальных членов клана Полторацких, там он успешно управлял огромным отцовским хозяйством, включавшим сотни голов скота, а также винокуренный завод с годовым дебитом 200 тыс. ведер спирта. Этот вид не очень уважаемого предпринимательства (аристократы считали его *кабацким*), вероятно, и подразумевается, когда Прутков упоминает звание *почетного гражданина девяти подвластных ему городов*, то есть девяти уездных городов Ярославской губернии середины XIX в. Как правило, звание *Почетный гражданин города* получали богатые купцы-промышленники и благотворители.

На этом можно завершить комментирование биографических материалов Пруткова, так как масштабных загадочных фактов, требующих дешифровки, уже не имеется. Не исключено, что какие-то детали я упустил или не смог разглядеть за неимением узкоспециальной исторической информации. Более подготовленные исследователи со временем восполнят пробелы.

Теперь можно перейти к обсуждению еще одного тесно связанного с творчеством Козьмы Петровича персонажа, жизнь которого Б. Бухштаб предлагал взять за образец для сочиненной биографии К. Пруткова. Читатель этой главы легко убедится, что данное предположение не выдерживает критики.

## Бенедиктов: столичный стихотворец из Олонии

### Дядя в Пудоже, а Наполеон под Москвой

Этот литератор, в отличие от *прозаика* Александра Полторацкого, был настоящим поэтом, но тоже почти всю жизнь носил мундир министерства финансов. Как и Полторацкий, он также некоторое время жил в небольшом губернском городе Петрозаводске. Правда, когда семья Бенедиктовых в самом начале войны 1812 г. приехала в город на Онего, семья Полторацких уже отбыла в северную столицу, а позднее перебралась в собственное имение под Тамбовом.

Не претендуя на обзор *всего Бенедиктова* — это прекрасно сделал литературный критик начала XX в. Юлий Айхенвальд, — остановимся лишь на той части его творчества, что прямо или косвенно касается нашего северного края. Кроме того, еще больший интерес для заявленной темы представляет часть поэтического наследства Бенедиктова, *обработанная* К. Прутковым.

Литературоведы сетуют на недостаточность сведений о личности и родных Владимира Григорьевича, поэтому постараюсь восполнить этот пробел, опубликовав несколько не известных ранее фактов из жизни семьи Бенедиктовых в Олонецкой губернии.

Последний петрозаводский дом Полторацких до сих пор стоит по адресу пр. Энгельса, 5 (бывшая Английская ул., дом горного начальника). Бенедиктовы же снимали квартиру в доме священника Иоанна Маньчина (Маньшина?) на ул. Полицейской (затем Старополицейской). Священник числился в причте Святодуховской церкви и дом имел, скорее всего, рядом с храмом, буквально через дорогу. Вполне вероятно, на углу Полицейской и Соборной улиц. Тогда логично выглядело бы строительство на указанном земельном участке Братского дома (конец XIX в.). То есть духовное ведомство построилось на принадлежащей ему земле. А наследники Маньшина в 1880-х гг. проживали уже на параллельной ул. Соломенской.

Старополицейская была совсем коротенькой улочкой, упирающейся с середины XIX в. прямо в ворота каменного дома купца Тихонова, в 1897 г. приспособленного под казенный винный склад (водочный завод). Через два года, к 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, улица была переименована в Пушкинскую. Удалось обнаружить фотографию, запечатлевшую часть этой улицы в самом начале XX в.

Улица была уничтожена огнем перед финской оккупацией в конце сентября 1941 г. Сгорели все деревянные и даже построенные в 1930-х фибролитовые дома. После войны Пушкинскую продлили до пр. Ленина, правую часть улицы застраивать не стали, отдали под парк, а левую окончательно оформили к концу 1960-х.

Когда и в какой связи семья будущего поэта переселилась в столицу Олонецкой губернии? Небольшой клан петербургских чиновников Бенедиктовых освоил север империи не вдруг, не одномоментно. Сначала в нашей северной губернии поселился младший брат Григория Степановича Бенедиктова. С 1811 г. по 1815 г. дядя будущего поэта губернский секретарь (согласно табели о рангах — подпоручик) Илья Степанович служил соляным приставом земского суда г. Пудожа. Соль тогда была дорогим, высокодоходным ресурсом наравне с вином, т. е.



В. Г. Бенедиктов.

Фото. Середина 1830-х гг.

водкой, поэтому за её заготовку, хранение и распределение отвечали специальные чиновники. Всеми доходными статьями ведало казначейство, а от его имени — Олонецкий вице-губернатор П. А. Уваров, подчинявшийся в этом отношении непосредственно министру финансов. На своей соляной должности дядя служил всю войну и только через год после победы над Наполеоном уехал в столицу.

Почему семья Бенедиктова-старшего перебралась в Петрозаводск? Конечно, у отца были и какие-то личные, карьерные соображения: выслужить чин, который в столице получить непросто. Но имелись и более серьезные причины для переезда, продиктованные событиями европейского масштаба. Летом 1812 г. жители обеих российских столиц заволновались: их пугала не прочность защиты со стороны русской армии и опасность оккупации Наполеоном не только первопрестольной, но и Петрополя. Москвичи боялись нашествия, как мы помним, не зря; некоторые знатные семейства заранее стали собирать вещи и переезжать в свои отдаленные имения. Но и петербуржцы не отставали. Особенно обремененные семьями чиновники при первой же возможности старались перебраться подальше от берегов Невы. Наиболее безопасным считалось как раз северное направление, а ближайшим крупным населенным пунктом был Петрозаводск. Правительство также избрало наш губернский город конечным пунктом эвакуации.

### Путем диких гусей

Повинуясь вечным законам природы, весной через Карелию всегда летели и до сих пор летят на Север стаи диких гусей. Осенью 1812 г. тем же путем плыли и ехали тысячи людей. Петербургские обыватели еще с конца июля, когда французско-прусский корпус наполеоновского маршала Макдональда неожиданно появился под Ригой, принялись готовиться к худшему. Тем более что власти сами давали поводы к беспокойству. Торопливые приготовления к отъезду государственных учреждений, перемещению денежных запасов и произведений искусства — всё это сохранить в тайне было просто невозможно. Даже слухи о том, что готовятся к эвакуации оба памятника Петру Первому, имели основание. Ведущий сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук Сергей Искюль опубликовал множество подтверждений планируемого вывоза государственных ценностей. В том числе и бронзовых памятников:

... Чтобы поставить памятники на суда, предполагалось монумент, находящийся против Сената, наклонив на левую сторону и положив на заготовленную раму с полозьями из бревен, спустить «по склизям до земли», а потом на той же раме или санях катить на толстых бревенчатых скалках до самого берега и спустить на судно «также по склизям из толстых бревен.

И только когда затея с памятниками была оставлена, родилась легенда, «объясняющая» отказ спасать бронзовых государей. Петр якобы сказал Александру I: «Пока я в Петербурге, городу ничто не угрожает

Далее историк приводит факты уже о настоящей эвакуации:

Огромные ящики с драгоценностями из Эрмитажа, картины, бриллианты и другое имущество царской фамилии были доставлены в Выборг и помещены в замке, где был удвоен караул и учреждено особое дежурство штаб-офицеров... 25 сентября на «бригге» в сопровождении двух чиновников и пяти сторожей в Петрозаводск были отправлены 142 ящика с печатными книгами, 7 — с вазами и 38 — с рукописями, которые до сих пор можно видеть в фондах отдела рукописей Российской Национальной библиотеки. В конце октября корабль вмерз в лед на реке Свири близ деревни Усланки. Также водой были отправлены из Императорской Академии наук известная «восковая персона» Петра Великого, предметы его гардероба, чучела его лошадей и собак и другие ценности.

Вывезены были 213 ящиков «с формами античных фигур», ящики с мраморной статуей Екатерины II и статуей Анны Иоанновны, которую можно видеть в экспозиции Русского музея, и 39 ящиков с моделями античной архитектуры и прочими казенными вещами. Выйдя из Петербурга 18 сентября, два грузовых судна и яхта с этим грузом к 6 ноября сумели добраться до деревни Гакрущей на той же Свири, где и остались.

Из Петербурга в Петрозаводск были вывезены 205 воспитанников Академии художеств. Тут, кстати, произошел любопытный случай: 48 воспитанников исключили из числа эвакуированных «за дурное поведение». Чести быть отправленными на телегах удостоились, к примеру, показавшие «отличные успехи» и награжденные золотыми медалями знаменитые впоследствии пейзажист Сильвестр Щедрин и миниатюрист Михаил Теребенев, а также будущий создатель Храма Христа Спасителя Константин Тон.

В Петрозаводск же была отправлена на четырех яхтах и часть воспитанников Губернской гимназии и Педагогического института, директором которого состоял Егор Антонович Энгельгардт, возглавивший впоследствии Царскосельский лицей. Вывоз Смольного института благородных девиц, Царскосельского лицея, Иезуитского института, Пажеского и Кадетского сухопутного корпусов, несмотря на имевшиеся предположения, хотя и готовился, но так и не состоялся. В отличие от Москвы паники в столице не было и бегства тоже, но бежать готовились. Наготове держали баржи, на которых возили в Петербург дрова. Мелкими судами были забиты все реки, речки и каналы столицы... [22].

### Петрозаводск — город детства и отрочества

Как бы то ни было, но в начале осени 1812 г. отец пятилетнего Владимира и трехлетнего Александра коллежский асессор (майор по военной табели) Григорий Степанович отправился туда же — в Петрозаводск. Транспорт, скорее всего, был выбран сухопутный, колесный. Но в крайнем случае можно было всегда рассчитывать на водный: из Петрозаводска регулярно ходили грузовые парусники, буксировавшие барки с отливками на Санкт-Петербургский чугунолитейный, филиал петрозаводского Александровского. Обратно они шли с грузом (например, той же соли) для Петрозаводска и уездных городов губернии. В этом невеликом по петербургским меркам городе Григорий Степанович получил место советника в Олонецком губернском правлении. Служба главы семьи пошла довольно успешно, поэтому после окончания войны он не уехал вместе с братом Ильей.

Бенедиктов-старший в общей сложности прослужил в нашем городе целых тринадцать лет. В июле 1819 г. надворный советник Григорий Бенедиктов выполнял поручение губернатора по осмотру и ремонту Вытегорского тракта, которым должен был прибыть в Петрозаводск император Александр Благословенный. За что при этом отвечал головой губернский чиновник Бенедиктов? За полное соблюдение правил содержания сухопутных путей сообщения. Например, на почтовом тракте, тем более в ожидании царского вояжа, нельзя было допускать объезды больших валунов. Надобно закапывать их вровень с поверхностью или же засыпать дресвой. Мосты и мостики — только из елового леса согласно действующему указу Павла I! Сосну употреблять запрещено — материал стратегический, корабельный. Малые ручьи разрешено было пересекать без мостиков — укладывать фашинник, поверх камни и земляную насыпь. Само собой, должны быть кюветы и перила по сторонам буераков.

Все дорожные работы выполняли приписные вепсские и кижские крестьяне под руководством подрядчика Воропайнена из с. Остречины. В результате обследования и принятых мер

царь прокатился по Вытегорке без происшествий. А Бенедиктов-старший вскоре повесил на грудь орден св. Анны 3-й степени.

В 1821 г. старший сын Григория Степановича Владимир окончил четырехклассную Олонецкую гимназию и уехал в Петербург поступать в военное училище. В 1825 г. отец уже коллежский советник (соответствует армейскому полковнику), а его сыну Владимиру осталось два года до выпуска из 2-го Кадетского корпуса. Это был последний год пребывания родителей Бенедиктова в Петрозаводске. В этот год Бенедиктов-старший вышел в отставку, и семья наконец-то осуществила свою давнюю мечту — переехала в Петербург.

В северной столице родители со временем разделили с сыном его трудную жизнь кадета, прaporщика, подпоручика, а с 1832 г. — начинающего чиновника-финансиста. Там Владимиру Григорьевичу пришлось пройти весь путь восхождения от мелкого служителя канцелярии министра финансов до директора в Заёмном банке.

### **Потомственное дворянство под угрозой**

Так получилось, что для благополучного продолжения службы и дальнейшей чиновничей карьеры уже известному поэту В. Бенедиктову снова пришлось вспомнить о Петрозаводске. В 1844 г. Владимир Григорьевич последний раз обратился к городу своего детства и отрочества. Он обеспокоил земляков с единственной целью: дабы Олонецкое дворянское депутатское собрание выдало подтверждение его сословного достоинства. Банковский чиновник торопился не зря: с января 1845 г. изменялись правила присвоения статуса потомственного дворянства Российской империи. Поэтому 1844-й был последним годом, когда служившему в чине коллежского советника и с орденом Анны 3-й степени, то есть отцу Владимира Григорьевича и его сыновьям, можно было узаконить права потомственного дворянина.

С 1 января 1845 г. на такую привилегию мог рассчитывать только дослужившийся до статского советника (чин V класса) или до ордена св. Анны или св. Станислава первых степеней. Ни того, ни другого, а равно и нужного чина у покойного родителя поэта не имелось. То есть с будущего года сыновья Бенедиктова-старшего могли бы рассчитывать только на личное дворянство, не распространявшееся на потомков. Но спохватился сын вовремя: в Петрозаводске пошли ему навстречу и подтвердили упомянутые права В. Г. Бенедиктова.

В национальном архиве Республики Карелия хранится копия императорского Указа из Временного присутствия герольдии Олонецкому дворянскому депутатскому собранию. Она утверждает определение о внесении коллежского асессора Бенедиктова Г. С. в 3-ю часть дворянской родословной книги по Олонецкой губернии. А также рапорт пристава исполнительных дел Васильевской части г. Санкт-Петербурга в первый департамент Санкт-Петербургской управы благочиния. Пристав сообщил коллежскому советнику Бенедиктову В. Г. о внесении его в дворянскую книгу по Олонецкой губернии. Эта грамота помогла поэту достичь вершины карьеры — стать в 1852 г. действительным статским советником, то есть штатским генералом, кавалером двух орденов. Однако в николаевское время даже этот немалый чин уже не был гарантией очень высокого положения в обществе.

Не могу удержаться от соблазна еще раз привести мнение Ф. Ф. Вигеля:

Теперь это менее чем ничто, а тогда (т. е. в 1802 г. — *Н. Кутыков.*) статский советник и советник Ассигнационного банка — о блаженное время! — это было что-то, так сказать, полугенеральство... [17].

До генеральства поэт дослужился ровно через 20 лет; через 3 года — отставка.

## Даешь Варшаву

В начале 1832 г. Владимир Бенедиктов еще числился подпоручиком Измайловского полка, имел награду за взятие Варшавы — орден св. Анны 4-й степени. Военные эту самую младшую боевую награду именовали *офицерской клювой* за малый размер и ярко-красную сердцевину. Он был вделан в эфес сабли, снабжен надписью «За храбрость», а темляк представлял собой Аннинскую ленту. Эта скромная награда позволяла В. Бенедиктову получать 50 или 40 руб. ежегодной пенсии.

Своим первым крестом он все-таки гордился, но военных орденов, видимо, решил больше не выслуживать: опыт боёв с польскими повстанцами навсегда отвратил его от бранной карьеры. По пути к Варшаве он видел отчаянье вооруженных косами белорусских и польских крестьян-повстанцев (косинеров) и решимость регулярных армейских частей Царства Польского, также явно уступавших русским в экипировке и вооружении.

Вряд ли эти военные картины поднимали боевой дух подпоручика Бенедиктова. Попутно замечу, что многие исследователи его творчества именуют Владимира Григорьевича поручиком и даже приводят дату присвоения этого чина — 1830 г. Это не так. В указанном году он из прапорщика стал лишь подпоручиком и оставался таковым и в 1832 г. Почему же офицер-измайловец после успешной военной кампании и награждения орденом не удостоился внеочередного повышения? Бенедиктов не был в числе *охотников*, которые непосредственно участвовали в кровавом штурме польской столицы 26 августа 1831 г. Из документов Измайловского полка явствует, что сослуживцы-подпоручики одновременно с такой же наградой за взятие Варшавы сразу же были произведены в следующий чин. Бенедиктова же и еще двоих подпоручиков оставили без повышения. Не столь высокая оценка боевых заслуг, на какую рассчитывал будущий поэт, и охладила его рвение к строевой службе, погасила мечту о генеральских эполетах. Подобно Евгению Онегину ... *Разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец.* (Владимира Набокова, авторитетного исследователя пушкинского романа, последняя строка *раздражала своей неясностью*).

Итак, офицерская карьера не задалась. После отставки Бенедиктов все-таки продолжал какое-то время романтизировать своё участие в патриотической военной акции. Воспевал своих боевых друзей — наточенную (тогдашний термин — отпущенную) стальную саблю и лихого донского коня:

*В поход мы рядились; все прихоти — в пламень,  
А сабли на отпуск, коней на зерно;  
О, весело шаркать железом о камень  
И думать: вот скоро взыграет оно!  
Вот скоро при взмахе блеснет и присвистнет!  
Где жизнь твоя, ратник? Была такова!  
Фонтанами влага багровая прыснет,  
Расколото сердце, в ногах голова!*

## Поленофил? Панславист?

Но буквально в следующем четверостишии того же стихотворения проскальзывают и драматические нотки. Причем мгновенно возникший привкус горечи в первой строчке почти бесследно растворяется в откровенно пафосной, даже празднично-живописной картине начавшейся кровавой кампании:

*...Вломились в чужбину незваные гости,  
Железо копыт бороздило поля,  
Обильным посевом ложились кости,  
Потоками крови тучнела земля...*

Скорее всего, в этой строфе уже заключены истоки конфликта, который только обострится в ближайшем будущем. Того, что пришлось наблюдать на чужбине, куда их никто не звал, впечатлительному человеку хватило надолго. Но сказать, что поэт во время польской кампании испытывал угрызения совести, будет всё-таки натяжкой: солдатский долг явно возобладал над гражданским. И даже годы спустя Бенедиктов все-таки продолжал оставаться государственником, воспевая *пир войны на поле славы*. Немудрено: ведь и Пушкин во время *усмирения Польши* поддерживал действия правительства (стихотворение «Клеветникам России»). То есть как человек и поэт он полякам все-таки сочувствовал, а с точки зрения политика *наведение порядка* в империи считал вынужденной необходимостью.

Однако со временем и практически до конца жизни Бенедиктов постарается полностью вернуть моральный долг усмиренной железом, но не покоренной Польше. Он перевел на русский язык стихи и поэмы Адама Мицкевича и его земляков. И делал это вполне сознательно, несмотря на разгоравшиеся в российском обществе антипольские настроения. Особенно они усилились после подавления нового национального восстания 1863—1864 гг.

Польские переводы Бенедиктова в данном случае можно расценить как поступок смелого и независимого человека. Тем более что он впервые и в достаточно полном объеме познакомил читающую российскую публику с творчеством знаменитого национального поэта. И до сих пор его переводы считаются лучшими. Кроме того, в 1867 г. он перевел программное панславистское стихотворение словацкого Яна Коллара, в котором воспевается единение и будущая мощь всех братских государств:

*О, если б все славяне предо мной  
 Металлами явились, — их собранье  
 Я б сплавил, слив — и в статуе одной  
 Великое б представил изваянье!  
 И вся Европа, преклонив колени,  
 Взирала бы! А он — превыше туч —  
 Мир попирал бы, грозен и могуч!*

Измайловский полк, в котором служил Бенедиктов, и 14-й пехотный Олонецкий, понесший особенно большие потери, выполняли, по существу, карательную, усмирительную операцию на окраине империи. После польской кампании проливать ни свою, ни чужую кровь подпоручик Владимир Бенедиктов больше не хотел. При первом удобном случае он оставил немилую военную службу, написал прощальную оду своей боевой подруге сабле и поступил секретарем к министру финансов Е. Канкрину, знаменитому российскому экономисту немецкого происхождения.

### Непоэтическое воспитание и образование

Поэт, бывший боевой офицер — и вдруг учётчик чужих денег, командир бездушных чисел! Однако выбор Бенедиктова нельзя назвать случайным. Он, судя по некоторым стихотворениям, был неплохим шахматистом, а еще в классах Олонецкой гимназии обнаружил склонность к царице точных наук. Способность к математике очень пригодилась будущему поэту и помогла с отличием, *первым по успехам* окончить корпус.

Что и говорить, атмосфера военного училища не располагала к систематическому освоению шедевров изящной словесности. Таких профессоров, как лицейские учителя Галич, Кошанский и Куницын, там не было и не могло быть... Гуманитарные науки в корпусе преподавали откровенно плохо за исключением языков, а вот математике и физике традиционно обучали на высоком уровне. Например, до 1820 г. эти предметы были заботой действительного статского советника, члена-корреспондента Академии наук Ивана Васильевича Вебера. Это был незауряд-



ный человек, также известный в северной столице как глава влиятельной масонской ложи Пеликана. Достаточно сказать, что в ней почти 10 лет состоял сам император Александр I.

По этой причине склонность к точным и естественным наукам не оставляла Бенедиктова до последних дней. В зрелые годы на отдыхе он любил сочинять достаточно сложные математические задачи. Уже на закате жизни, в конце 1860-х даже подготовил первый российский сборник математических головоломок, который, к сожалению, так и не увидел света. Рукопись Владимира Григорьевича была найдена только в 1924 г. Знаменитый в советское время популяризатор физики и математики Я. И. Перельман даже привел в своей книге несколько интересных задач из этого сборника.

В этой связи любопытно сравнить ученичество двух одинаково популярных в 1830-х гг. поэтов: сугубо гуманитарное шестилетнее образование Пушкина и обстоятельное военно-техническое образование Бенедиктова (четыре года обучения в Олонецкой гимназии и шесть лет — в кадетском корпусе). Сначала относительно специфики гуманитарной направленности лицейского обучения. Профессор математики и физики Карцев не был любимым преподавателем лицейцев. Вследствие этого бытует мнение, что успехи в точных науках у лицейцев пушкинского круга, как правило, *равнялись нулю*. И что кружок *скотобратцев* чуть ли не игнорировал научное познание, противопоставляя ему искусство и литературу. Однако многие стихи и суждения Пушкина («Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии», «О сколько нам открытий чудных...»), а также глубокий интерес и понимание, например, сложнейшей *воображаемой геометрии* Лобачевского говорят обратное. Ничуть не угасал со временем интерес поэта (особенно в период журнальной деятельности) к достижениям европейской науки и техники. Это прекрасно доказал М. П. Алексеев в обстоятельном исследовании «Пушкин и наука его времени» [23].

Иной вектор обнаруживается при оценке образовательного и творческого пути Бенедиктова. Сравнительно продолжительный период его прилежного ученичества, так сказать, с *физико-математическим уклоном* не мог пройти без серьезных последствий для будущей поэтической биографии. Создается впечатление, что искусство стихосложения будущий поэт так же привычно и с таким же успехом осваивал при помощи рационализма и логики, по методике любезных ему точных наук. Как говорил тот же Козьма Прутков, применив экстренное *усердие для завладения дарованиями!* Недаром Ю. Айхенвальд справедливо говорит о *сделанности* стихов Бенедиктова, называя его *поэтом-изобретателем, поэтом-механиком!*

Кроме того, по сравнению с Пушкиным, который, еще учась в Лицее, буквально в 16 лет сложился как поэт, Бенедиктов очень поздно начал писать. Практически, когда рухнула военная карьера. За его плечами не было такой замечательной школы, как лицейские поэтические соревнования. Не было стихотворцев отца и дяди, деятельного участия в обществе «Арзамас», мудрых старших наставников Карамзина и Жуковского, наконец одобрения Державина, по-королевски *посвятившего* юношу-стихотворца в настоящего рыцаря-поэта. К тому же не было уникальной атмосферы духоподъемности, окрылявшей русское общество после триумфального окончания Отечественной войны. Это мощный фактор, повлиявший на сознание и формирование начинавшего поэта. А что могло серьезным образом повлиять на сознание восемнадцатилетнего кадета Бенедиктова? Пожалуй, лишь декабристские события 1825 г., причем с безальтернативным выбором позиции. Кроме того, к своим поэтическим учителям Бенедиктов мог отнести лишь словесника Яконовского из Олонецкой гимназии да еще, пожалуй, третьестепенного литератора Вильгельма Карлгофа. Мелковат калибр для выхода на российский уровень!

Но все эти факторы как раз и сработали триггером при неожиданно бурном начале сочинительства. Причем не подкрепленного какой-либо серьезной критикой со стороны литерату-

ногого окружения. Не от этой ли поспешности вся бенедиктовская безвкусица, неразборчивость в изобразительных средствах и выборе сюжетов?

### Русские немцы в его судьбе

Бенедиктов с началом юности мятежной вряд ли всерьез помышлял о большой литературе. Для русского общества военная служба даже спустя несколько лет после победы над Бонапартом всё еще была окружена притягательным романтическим ореолом. Поступить в конкретное военное училище ему порекомендовал и помог приятель отца барон Иван Федорович Карлгоф, служивший советником в Олонецкой гражданской палате; 2-й Кадетский к тому времени уже окончил его сын Вильгельм. Он тоже когда-то учился в Олонецкой гимназии, а теперь служил в Петербурге и успешно продолжал карьеру, в том числе и в своей alma mater. Причем олонецкий земляк во время обучения Бенедиктова носил звание поручика и занимался весьма важным для будущего литератора делом: до 1825 г. заведовал библиотекой кадетского корпуса и Дворянского полка. Вот почему в биографии будущего стихотворца появился этот 2-й Кадетский и недолгая офицерская служба.

Бенедиктов, как известно, рано оставил полк, начал писать и быстро подготовил свой первый сборник. Однако гражданский чин имел невеликий, соответственно, и денег на издание у него еще не было. Именно в это время молодому чиновнику Министерства финансов огромную помощь и поддержку оказал всё тот же олонецкий земляк. Уже дослужившийся до генерал-майора барон Вильгельм Иванович Карлгоф еще во время службы в корпусе он написал, а через год издал свои первые рассказы и повести: в том числе «Станционного смотрителя», речь о котором пойдет дальше.

Поклонник Шиллера и Гёте, он в это время часто общался с юным земляком и, видимо, тогда же приобщил его к творчеству своих кумиров. Не зря эпиграфом к первой книге Бенедиктов избрал строки Шиллера «*Ernst ist das Leben, heiter ist die Kunst*» (Угрюма жизнь, светло искусство). Писатель П. П. Каратаев уверен, что этим девизом поэт руководствовался всю свою творческую жизнь. Выходит, эстетическая программа *бури и натиска* была Бенедиктову вполне созвучна. По иррационалисту Иоганну Готфриду Гердеру —

носителем подлинного искусства является как раз не культивированный, но «естественный», близкий к природе человек, человек больших, не сдерживаемых рассудком страстей, пламенного и прирождённого, а не культивированного гения, и именно такой человек должен быть объектом художественного изображения.. [24]

Олонецкие земляки возобновили своё знакомство почти через 10 лет после кадетского корпуса. Тогда Вильгельм Иванович высоко (может быть, слишком высоко) оценил достоинства стихов и дарование молодого приятеля. Супруги Карлгоф (баронесса Елизавета Алексеевна тоже обожала изящную словесность) взяли шефство над стихотворцем и на свои средства в 1835 г. издали первый сборник Владимира Григорьевича.

Отношения Карлгофа и Бенедиктова в чем-то напоминают зарождение будущего тандема Обломов — Штольц из романа Гончарова (с автором «Обломова», Бенедиктов был знаком задолго до написания романа). Один из них, как известно, высоко ценил *хрустальное сердце* товарища детских игр, а второй никак не мог обойтись без напористых услуг своего предприимчивого и энергичного друга-антитипа. В этой связи выскажу предположение: на творческий почерк будущего поэта Бенедиктова могли повлиять эстетические предпочтения его училищного наставника, проявившиеся в причудливом сочетании сентиментальности (главное отличие музы Карлгофа) и столь же знаменитой немецкой педантичности. Последнее весьма помогло поэту в его банковской карьере.

Интересно, что среди петрозаводских и, особенно, петербургских знакомых, приятелей и даже близких друзей Бенедиктова было немало немцев. Причем в большинстве это были, подобно Штолцу, обрусевшие, практически русские немцы. Например, такие, как одесский архитектор Карл Витгефт, соученик по Олонецкой гимназии, *любезнейший и стариннейший друг*. Он же отец контр-адмирала русского флота Вильгельма Витгефта, командовавшего 1-й Тихоокеанской флотилией и погибшего во время Японской войны. Многие из них и немцами-то были только номинально. Чеховский Тузенбах из «Трех сестер» не зря повторял: ...*Я, честное слово, русский и по-немецки даже не говорю. Отец у меня православный...*

А если все-таки не был изжит акцент? Современники чаще всего обращали на это внимание не больше, чем на южнорусское и московское *аканье* или северное вологодско-архангельское *оканье*. Более непосредственно, но также беззлобно реагировали простолюдины. Особенно когда петербургские булочники и обувщики, по добродушному замечанию Пушкина, изъяснялись ...*тем русским наречием, которое мы без смеха доныне слышать не можем* (повесть «Гробовщик»).

Известен своими знаменитыми на всю Россию афоризмами вроде «Нет, патушка, нелься!» такой замечательный человек и великолепный специалист в области финансов, как министр Егор Канкрин. Бенедиктов отдал дань уважения и любви к своему начальнику в стихотворении «Он». Между прочим, секретарем к Канкрину (опять же по просьбе Карлгофа) Бенедиктова устроил В. А. Жуковский, самый *немецкий* поэт из *арзамасцев*. Одни только его переводы Бюргера и баллады в том же духе делали Василия Андреевича желанным, но, к сожалению хозяев, нечастым гостем в литературном салоне Карлгофов в 1834 г.

Можно также отметить, что едва ли не половина преподавателей и офицеров 2-го Кадетского носила немецкие фамилии, но русские имена-отчества. Не случайно со временем большое число (раньше бы сказали — засилье) обрусевших немцев среди чиновников и особенно штаб- и обер-офицеров станет объектом внимания Фаддея Козьмича Пруткова (шуточные куплеты о Бутенопе и Глазенапе в «Военных афоризмах»).

### Станционный смотритель становится огородником

Продолжим «немецкую» главу, вернувшись к основной теме нашего исследования — творчеству К. Пруткова. Обратимся к одной из самых знаменитых, но одновременно и самой таинственной прутковской пародии на некое неизвестное произведение первой половины XIX в.

*На взморье, у самой заставы,  
Я видел большой огород.  
Растёт там высокая спаржа;  
Капуста там скромно растёт.*

*Там утром всегда огородник  
Лениво проходит меж гряд;  
На нём неопрятный передник;  
Угрюм его пасмурный взгляд.*

*Польёт он из лейки капусту;  
Он спаржу небрежно польёт;  
Нарежет зелёного луку  
И после глубоко вздохнёт.*

*Намедни к нему подъезжает  
Чиновник на тройке лихой.  
Он в тёплых, высоких галошах,  
На шее лорнет золотой.*

«Где дочка твоя?» — вопрошают  
 Чиновник, прищурясь в лорнет,  
 Но, дико взглянув, огородник  
 Махнул лишь рукою в ответ.  
  
 И тройка назад поскакала,  
 Сметая с капусты росу...  
 Стоит огородник угрюмо  
 И пальцем копает в носу.

Причем выступивший под маской Пруткова поэт А. К. Толстой впервые опубликовал этот стих с подзаголовком «Подражание Гейне» (вариант «Тоже, может быть, из Гейне»).

Итак, в произведении намек на какие-то немецкие реалии, куда входит, кстати, и упоминание о спарже. Она далеко не рядовой представитель овощного королевства. И пришла эта изысканная культура в Россию как раз с берегов Рейна и Одера. В современной Германии спаржу с апреля по июнь можно купить на каждом углу.

Следовательно, в произведении Пруткова одинокий немец-огородник, проживающий явно в российской провинции, терпит насмешку от богатого франта. Чиновник с золотым лорнетом интересуется его дочкой, заведомо зная о таинственных причинах ее отсутствия.

Вот в этом месте будет нeliшним вспомнить о повести, которую написал старший друг Владимира Бенедиктова барон Вильгельм Карлгоф. Называется она, как мы уже указывали, «Станционный смотритель» (1826). Вкратце её содержание:

Герой Карлгофа — *почтовой станции диктатор* — живет правильной и здоровой жизнью в глухой провинции, куда он перебрался из Петербурга. Причем не совсем добровольно, так как сам он, сын разорившегося немецкого купца, увез с собой русскую купеческую дочку без согласия ее родителя. Вдали от столичной сути они с женой и многочисленными детьми вполне счастливы, должность не больно хлопотная, в доме достаток и порядок, сад-огородик (важная деталь!) и возможность отдавать массу свободного времени любимым увлечениям — охоте и рыбалке.

Всеми этими сведениями, в том числе и упоминанием о студенчестве в Геттингене (!), смотритель с гордостью делится с неким проезжим офицером. Тот до слез умилен благополучием счастливого семейства, с восхищением осматривает превосходную домашнюю обстановку: шкаф с русскими и немецкими книгами (Шиллер, Гёте, Гердер, Жуковский, Карамзин и т. д.), хорошую посуду, отличные ружья и гравюры с видами немецких городов... Последняя деталь явно резонирует с пушкинским «Станционным смотрителем»: в доме Самсона Вырина также красуются немецкие цветные гравюры на известный библейский сюжет о блудном сыне.

Итак, Карлгоф создал сельскую идиллию, сделав обрусовшего немца счастливым смотрителем почтовой станции, то есть хозяином известного придорожного заведения, называемого в народе не иначе как *тараканьим штабом*, по выражению П. Вяземского. Причем смотритель от своей неблагодарной и очень хлопотной должности явно не имеет никаких неприятностей. Более того, он обрел здесь *покой сердечный*, называет свою жизнь раем, получая за свой труд столь же честное и достойное вознаграждение. В результате офицер-рассказчик едва ли не со слезами на глазах покидает дом смотрителя, а по дороге уж подумывает и сам скинуть мундир с аксельбантами-эполетами и начать такую же благостную и здоровую жизнь в глухи.

Эпигонская, псевдокарамзинская повесть Карлгофа, произведение на абсолютно невозможный в России сюжет, вскоре попалась на глаза А. С. Пушкину и, понятно, вызвала совершенно негативную реакцию. В Болдине осенью 1830 г. он создал аналогичную повесть, но, так сказать, с противоположным знаком. Правда, озаглавил её так же: «Станционный смотритель».



Первым сходство и различие двух «Смотрителей» отметил литературовед В. Н. Турбин [25] (*Пушкин. Гоголь. Лермонтов*. М., 1978, с. 69—79). По его мнению, повесть Пушкина — не только, выражаясь нынешним языком, ремейк повести Карлгофа, но и реакция на описание такого же зрителя в романе Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1829). Гораздо ближе к российской действительности, конечно же, булгаринский начальник ямской станции, априори лишенный сентиментальности и страсти к порядку. Он хладнокровно ставит особо нетерпеливых проезжих перед выбором: штраф в его пользу в случае оскорбления (рукоприкладства) или решение конфликта полюбовно. То есть двойной тариф за прогон плюс *на водку*: *Ведь жить надобно как-нибудь!* И далее по сюжету путник на каждой станции *угрозами, бранью, криком и деньгами побеждал закоснелое упрямство станционных зрителей*.

Пушкин же на сюжетной основе Карлгофа, даже сохранив посредника (в данном случае — И. П. Белкина), от лица которого ведется повествование, создал совершенно оригинальное произведение. Вместо многословных и слезливых картин сельской идиллии лаконичный рассказ о нелегкой жизни обыкновенного чиновника XIV класса. Он не такой уж сребролюбец, как булгаринские зрители. О склонности к порядку и скромному домашнему уюту свидетельствует сюртук с военными медалями и красноречивая деталь — цветущий бальзамин на подоконнике. Кстати, Пушкин упоминает бальзамин едва ли не первым из русских литераторов. В Германии, откуда цветок попал в Россию, его называли *«Fleißiges Lieschen», хлопотунья Лиза* (почти «Бедная Лиза»!). Со временем Ф. М. Достоевский и А. Н. Островский также использовали это комнатное украшение как непременный бытовой аксессуар мелких чиновников и мещан («Бедные люди», «Женитьба Бальзаминова»).

Однако обнаруженная в начале повести евангельская притча по ходу сюжета выворачивается буквально наизнанку. Блудный сын, как известно, отправился в город, где *расточил свою часть имения* родительского, погибал и был прощен, спасен отцом. Для Дуни, наоборот, вернуться из Петербурга под родительский кров равносильно смерти. Такую возможность драматического развития известной притчи бедный зрититель не может даже предположить. Не зря главной особенностью *Повестей...* можно считать *постоянный эффект обманутого ожидания* (В. Вацуро). Наверное, именно этот эффект заставлял Евгения Баратынского *ржать и биться* при чтении историй неких Н. Н. Н. в простодушном пересказе покойного И. П. Белкина.

И вот через пару десятков лет появляется еще одно произведение, уже стихотворное и пародийное. Авторы Проткова явно не намеревались драматизировать образ маленького человека, не помышляющего о справедливости, смирившегося и опростившегося. Они создали пародию, главным образом, на «Смотрителя» Карлгофа: знаменитое немецкое трудолюбие, честность и бережливость, культтивируемые протестантской этикой, никак не гарантия душевного комфорта (*покоя сердечного*) на отеческой почве. Огород с капустой — тоже достаточно прозрачный намек на бывшего жителя столицы, переехавшего в приморскую провинцию (*взорье*) под давлением обстоятельств. Со временем римского императора Диоклетиана *отправиться поливать капусту* синонимично добровольной ссылке.

Авторы-клевреты Проткова просто не могли не откликнуться на подобный сюжет. Беззлобное (и не очень) подтрунивание над романтическими и педантичными *немцами* — традиционный их мотив, будь это *юнкер Шмидт, студиозусы Вагнер и Кох, барон фон Гринвальдус* или бравые Глазенап и Бутеноп.

### Олонецкий цикл заинтересовал Проткова

На чиновничьей счетной службе Бенедиктов постоянно помнил ощущение свободы, широты горизонта, первозданной чистоты воды и воздуха в северных лесах. Эти постепенно гаснувшие *туманные картины* ранней юности иногда рождали строки, удивлявшие и потешавшие

современников: ...*Лишиь дайте мне лесу, дремучего лесу!* Следует понимать — атмосферы, в которой юноша впервые мог почувствовать себя поэтом.

Первым, так сказать, жизненным материалом для стихов наравне с воспеванием женской красоты стали отреческие впечатления Бенедиктова от созерцания мощи первозданной природы, огромности и неодолимой силы древнего озера, на берегу которого он вырос. В этот условный цикл (стихи всё-таки написаны не в одно время) начинающего поэта-финансиста можно включить «Утес», «Озеро», «Буря и тиши», «Две реки», «Горячий источник», «Порыв», «К товарищам детства»... Сюда же следует отнести и стихотворение «Распутье». Речь там идет о няиних сказках. Оказывается, в Петрозаводске у будущего поэта была своя «Арина Родионовна»! На основе одной из таких сказок лирический герой философствует о выборе жизненного пути.

При несомненной даровитости Бенедиктов в этих первых стихотворных опытах, оставаясь в плену чисто внешних впечатлений, попытался создать образ *естественного*, близкого к природе человека больших, не сдерживаемых рассудком страстей. Так, вероятно, и появился в «Озере» сомнительный пассаж *без мысли, но с чувством...*

Нагнетая, сгущая детские впечатления, Бенедиктов в своём «Озере» не смог нарисовать убедительную, узнаваемую картину родного уголка природы. Уж кому как не нам, петрозаводчанам, об этом судить! Озёрный пейзаж, который мало в чём изменился за 200 лет, под пером поэта, увы, лишен конкретности, живых красок или хотя бы графически точных штрихов. Попытки оживить пейзаж красиво-романтическими гиперболами и сравнениями не поправили дело. В результате некоторые выхваченные из контекста образы стали лакомой добычей его *сослуживца по министерству финансов* К. Пруткова. Точнее сказать, преломились в творчестве пересмешников-пародистов из когорты Жемчужниковых—Толстого. Причем обращение создателей Пруткова к творчеству Бенедиктова не ограничилось четырьмя произведениями, среди которых классические «Поездка в Кронштадт», «Возвращение из Кронштадта», «Аквилон» и «Шея». Этот список можно расширить по крайней мере вдвое.

### Navigare necesse est<sup>1</sup>

Начнем с очевидных примеров. Авторы-клевреты сразу же умыкнули пару-другую особенно сомнительных оборотов из бенедиктовского «Озера», где лирический герой в далёком детстве

...отроком часто на береге стоял,  
Без мысли, но с чувством на влагу взирал...

.....

Было весело потом  
Мчаться над водою,  
Гордо действуя веслом  
Детскою рукою...

В прутковском «Аквилоне» эти строчки используются буквально, нарочито дословно, причем в особенно запоминающейся ударной концовке:

...без мысли, но с чувством на влагу взирая,  
Я гордо стал править веслом.

Прутков беспощаден к любым промахам стихотворца. Он не делает скидку на специфику исключительно детских впечатлений автора. Давайте разберемся, что же, собственно, Бенедиктов собирался воспеть, и что у него получилось в результате.

Ясно, что формулировкой *без мысли, но с чувством* он предваряет попытку передать образ суровой природы через мироощущение совсем юного существа. Вот эту особенность психо-

<sup>1</sup> Управлять кораблем необходимо (лат.).

логии ребенка очень тонко почувствовал и блестяще использовал Юрий Николаевич Тынянов. В его повести «Восковая персона» умирающий Петр пытается вспомнить, откуда взялись в его покоях голландские изразцы: «Он не вспомнил и смотрел на кафли, и смотрение было самое детское, безо всего».

Действительно, какие мысли могла внушить ребенку *бескрайная* плоскость Щуйской Губы, именуемая нынче Петрозаводской? Только чувство бесконечности пространства и собственной малости рядом с непредсказуемой водной стихией, подверженной *наётам неведомых сил*. Отмечу попутно, что именно первые 12 строк стихотворения очень понравились В. Белинскому, о чем он и сообщил в своем критическом разборе.

Понятно также, что во втором случае (*гордо стал править веслом*) — пародия Пруткова на попытку Бенедиктова передать волнение и гордость мальчишки, причастного к очень значительным событиям. Подростку впервые, да еще в свежий ветер, да еще на таком бурном озере, как Онего, доверено управлять настоящей парусной лодкой. А ведь это *navigare* — буквально посвящение в мужчины, память на всю жизнь и законное основание для гордости! Править озерной ладьёй под условным наименованием *кижанка* издавна полагалось с помощью короткого кормового весла. Такой способ требовал все-таки недюжинной ловкости, сноровки и даже физических усилий...

А что можно сказать о восторге купанья прямо у набережной, до которой от дома Бенедиктовых было буквально сто саженей? Ведь, несомненно, всё это было едва ли не главным летним развлечением для мальчика-подростка. Озерная *пенистая влага* в губе тогда была чистейшей, без нынешних радужных пятен от автомобильного масла и прочих *даров* городской ливнёвки. Понятно, что городок начала XIX в. с пятитысячным населением еще не мог сколько-нибудь серьезно влиять на первозданную чистоту прибрежной полосы. Купание на песчаном мелководье наверняка было *сладко, как объятия подводной нимфы*. А уж *подманить на червяка рыбку молодую* с полной гарантией успеха можно было едва ли не на голый крючок. И рыбки в обеих речках было полно в начале XIX в.: документально подтверждено обилие *торпы, гарьюсы (хариусов), окуней, плотвы и щук*.

К сожалению, искреннее желание живописать, передать все эти восторги реализовано довольно безвкусно: набор эпитетов и сравнений во второй части «Озера» безнадежно тривиален. Удача стихотворцу улыбнулась только в первых 12 строчках.

### «Кудри» В. Бенедиктова, ниспадающие на «Шею» К. Пруткова

Прутков-пародист без труда нащупывает промахи Бенедиктова, но одновременно еще и усиливает комический эффект, коварно *не замечая*, попросту игнорируя возраст лирического героя. Как следствие, в «Аквилоне» он добивается цели, соединяя все эти *без мысли, но с чувством... и гордо править...* с образом не ребенка-подростка, но взрослого, зрелого стихотворца. Маститого певца водной стихии, совершившего *впечатляющее* и где-то даже  *опасное* путешествие на пароходе до Кронштадта и обратно. Получилось действительно смешно. Поэт Бенедиков вчистую проиграл первое сражение своему оппоненту Пруткову.

Можно также отметить один непринципиальный, но характерный аспект комментирования стихотворных пародий на Бенедиктова.

Поэт испытал прелесть морского путешествия и воспел его в начале 1830-х. Причем в «Море» описал явно парусное судно. Конечно, он мог совершить вояж на одном из первых в ту пору судов с паровым двигателем. Такой пароход мог быть только колёсным, поскольку других и быть не могло. Однако В. Жемчужников в лице К. Пруткова в 1854 г. пишет пародию уже о пароходе, причем именно о винтовом. В то время это была новинка, которая только-только

проходила успешные испытания. На подобное несоответствие совершенно не обратил внимание комментатор сборника «Козьма Прутков. ПСС» (СП, 1983). Он решил пояснить следующие строчки пародии «Поездка в Кронштадт»:

*Море с ревом ломит судно.  
Волны пенятся кругом.  
Но и судну плыть нетрудно  
С Архимедовым винтом.*

Автор комментария в данном случае тоже *поплыл*, объявив *архимедов винт* водоподъемным механизмом. Другой комментатор Д. Жуков («Мир Козьмы Пруткова. Козьма Прутков и его друзья». М. : Терра-Книжный клуб, 2003) поясняет эти строки одним лишь желанием авторов связать имя Пруткова с Архимедом, сулившим невыполнимую задачу перевернуть Землю. То есть деяние, на которое способен замахнуться и такой *титан*, как Козьма Петрович.

На самом деле упоминание архимедова винта — это и не намек на гения из Сиракуз и тем более не на поливальную сельхозмашину. Речь идет о совершенно новом типе пароходного движителя, гребном винте, заменившем собой колесо. Владимир Жемчужников вольно или невольно обратил внимание на эту новинку, с 1845 г. начавшую неуклонно вытеснять колёсные движители. Кстати, первый русский винтовой пароходофрегат Балтфлота назывался «Архимед». Это самый малый пример не вполне корректного комментирования творений Пруткова в ряду не столь уж безобидных ошибок (имеется в виду неоднократные неудачи исследователей с разбором «Биографии»).

Козьма Петрович не обошел вниманием, конечно же, и наиболее яркое лирическое стихотворение сборника, в котором Бенедиктов прибегнул к чрезвычайной изысканности, гиперболизации. Речь идет о знаменитом стихотворении «Кудри».

*Кудри девы-чародейки,  
Кудри — блеск и аромат,  
Кудри — кольца, струйки, змейки,  
Кудри — шелковый каскад!*

Такие стихи с излюбленными Бенедиктовым эпитетами *пышный, роскошный, упоительный, пленительный, нежный, волшебный* имели бешеный успех у современников. Точно так же в начале XX в. многочисленные синонимы к слову *прелестный* в немалой степени способствовали огромной популярности творчества Лидии Чарской.

Козьма Прутков откликнулся на хит Бенедиктова 20 лет спустя — и явил миру не менее знаменитую, чем «Аквилон», пародию под названием «Шея»:

(Моему сослуживцу г. Бенедиктову)  
*Шея девы — наслажденье;  
Шея — снег, змея, нарцисс;  
Шея — ввысь порой стремление;  
Шея — склон порою вниз.  
Шея — лебедь, шея — пава,  
Шея — нежный стебелек;  
Шея — радость, гордость, слава;  
Шея — мрамора кусок!..  
Кто тебя, драгая шея,  
Мощной дланью обоймет?  
Кто тебя, дыханьем грея,  
Поцелуем пропечет?*



## Нестись сидя

Но самый чувствительный и неожиданный удар Прутков нанес в пародии на одно из не самых лучших, но чем-то наиболее дорогих Бенедиктову лирических стихотворений. Этот факт, как и приведенные далее, до сих пор не были отмечены историками литературы. Поэтому обратим особое внимание на стихотворение «Степь», лирический герой которого на верном коне возвращается домой из чужих краёв (несомненно автобиографический факт). Он скакет по бескрайней голой степи, в нетерпении сетя на её бесконечность и относительную медлительность своего дончака:

«Там она ждёт меня! Там очей моих свет!»  
*Пламя чувства в груди пробежало;*  
*Он у сердца спросил: «Я несусь или нет?*  
*«Ты несёшься!» — оно отвечало.*

Вот на последних двух строчках и *поймали* его авторы-пересмешники. В 1855 г. Алексеем Жемчужниковым была написана басня под названием «Чиновник и курица». Опубликована она в «Современнике» (1861, № 1) с подзаголовком «Новая басня К. Пруткова». Автор усилил комизм ситуации, спевоююшив кавалериста, сделав его *чиновником толстеньким, не очень молодым* и пустив нестись трусцой по улицам Петербурга. Более того, Жемчужников акцентировал в своей пародии незначительную, казалось бы, деталь: *И колыхалася на шее у него, как маятник, с короной Анна*. Вроде бы орден, да еще с императорской короной — пустяковая, даже лишняя подробность, но в первоначальном варианте басни эта деталь получает неожиданное развитие. Курица обращается к чиновнику:

«Признайся напоследок:  
*Ты не лишен яиц?»*  
*«Ничуть!»*  
*«Так, следуя примеру нас, наседок,*  
*Зачем, как я, ты не сидишь на них?»*

Озорная эскапада Жемчужникова становится понятна, если посмотреть, как выглядел Знак ордена Святой Анны 2-й степени с императорской короной и мечами (кстати сказать, имевшийся в то время у Бенедиктова). Русская императорская корона раздвоена и представляет собой две полусфера, олицетворяющие соединение Востока и Запада на территории империи. Поэтому в плоскостном варианте эти полусфераe действительно были похожи на пару миниатюрных пасхальных яиц. Наподобие появившихся позже знаменитых изделий Карла Фаберже или нашего олонецкого земляка Михаила Перхина. Среди чиновных острословов такая *Анна* наверняка имела соответствующее прозвище. Видимо, по этой причине ордена с коронами, введенные в 1829 г., были упразднены в 1874 г.



Конечно, явное нарушение приличий и крамольные намеки в первоначальном варианте басни были бы сразу же пресечены властями, поэтому в окончательном, подцензурном тексте нет никаких физиологических подробностей, зато осталась апелляция к *разумному* (понимай — догадливому) человеку. Чиновник благополучно продолжил *нестись* в канцелярию, *высаживать* Анну 1-й степени за беспорочную службу. А разговор с курицей в разрешенном варианте обошелся без упоминания нецензурных тестикул:

*Он всё бежал. Но вот  
 Вдруг слышит голос из ворот:*

«Чиновник! окажи мне дружбу;  
 Скажи, куда несёшься ты?» — «На службу!»  
 «Зачем не следуешь примеру моему,  
 Сидеть в спокойствии? признайся напоследок!»  
 Чиновник, курицу узревши этак  
 Сидящую в лукошке, как в дому,  
 Ей отвечал: «Тебя увидя,  
 Завидовать тебе не стану я никак;  
 Несусь я точно так,  
 Но двигаюсь вперёд; а ты несёшься сидя!»  
 Разумный человек, коль баснь сию прочтёт,  
 То, верно, и мораль из оной извлечёт.

Эта басня, конечно, самый рискованный знак внимания авторов-клевретов к творчеству Бенедиктова. Лишь вмешательство властей удержало ее в рамках дозволенного. Между прочим, не одному Алексею Жемчужникову из всех четырех авторов случалось так остро вышучивать своих оппонентов. Стоит упомянуть его кузена А. К. Толстого, написавшего похожий неподцензурный «Бунт в Ватикане».

### Блуждание по «Степи»

«Степь» написана Бенедиктовым явно не без влияния романтических баллад В. А. Жуковского, поэтому очередную пародию К. Проткова «Путник» авторы сопроводили подзаголовком «Баллада»:

Путник едет косогором;  
 Путник по полю спешит.  
 Он обводит тусклым взором  
 Степи снежной грустный вид.  
 «Ты к кому спешишь навстречу,  
 Путник гордый и немой?»  
 «Никому я не отвечу;  
 Тайна то души больной!  
 Уж давно я тайну эту  
 Хороню в груди своей  
 И бесчувственному свету  
 Не открою тайны сей:  
 Ни за знатность, ни за злато,  
 Ни за груды серебра,  
 Ни под взмахами булата,  
 Ни средь пламени костра!»  
 Он сказал и вдаль несется  
 Косогором, весь в снегу.  
 Конь испуганный трясется,  
 Спотыкаясь на бегу.  
 Путник с гневом погоняет  
 Карабахского коня.  
 Конь усталый упадает,  
 Седока с собой роняет

*И под снегом погребает  
Господина и себя.*

*Схороненный под сугробом,  
Путник тайну скрыл с собой.  
Он пребудет и за гробом  
Тот же гордый и немой.*

Эту пародию можно с одинаковым успехом адресовать обоим поэтам-романтикам — как создателю «Лесного царя», так и автору «Степи». Для сравнения приведем отрывок из «Степи» Бенедиктова. Обратите внимание на стилистические изобретения *кипучий, быстра, беспредметна* в первой же строфе:

*Конь кипучий бежит; бег и ровен и скор;  
Быстра седоку неприметна!  
Тщетно хочет его упереться там взор.  
Степь нагая кругом беспредметна.*

*Там над шапкой его только солнце горит,  
Небо душной лежит пеленою;  
А вокруг — полный круг горизонта открыт,  
И целуется небо с землёю!*

*И из круга туда, поцелуи любя  
Он торопит летучего друга...  
Друг летит, он летит; — а всё видит себя  
Посредине заветного круга...*

И невозможность вырваться из мертвой бесконечности, невозможность увидеть любимую для лирического героя не менее трагичны, чем смерть героя в балладах Жуковского:

*...Но и в сердце обман. «Я лечу, как огонь,  
Обниму тебя скоро, невеста».  
Юный всадник мечтал, а измученный конь  
Уж стоял — и не трогался с места.*

Протковский «Путник» — вполне добротная, профессионально выполненная, но всё-таки не самая удачная стилизация под Бенедиктова, к тому же впечатление подпорчено плохой рифмой коня — себя в предпоследней строфе.

### *Меч в шипучее сердце и зараза в чертоги*

Ничуть не удивительно, что Владимир Жемчужников обратил особое внимание на одно из программных стихотворений Бенедиктова. Было бы даже странно, если бы все четыре *клеврета* прошли мимо стиха под мрачным названием «Могила»:

*Я в мире боец; да, я биться хочу.  
Смотрите: я бросил уж лиру;  
Я меч захватил и открыто лечу  
Навстречу нечистому миру.  
И бог да поможет мне зло поразить,  
И в битве глубоко, глубоко  
Могучей рукою сталь правды вонзить  
В шипучее сердце порока!...*

Экзальтированный, неистово-романтический герой ставит столь же космическую по масштабу цель для собственного творчества. Но желание вонзить меч в *шипучее сердце порока* и особенно войти в чертоги сатрапа *заразой и язвою смертельной* производит комический эффект. Подобный воинствующий ультрамонтанализм нашел отражение в прутковской пародии «Мое вдохновение»:

*Не в силах смотреть я на свет и людей:  
Мне свет представляется тьмою кромешной;  
И смертный — как мрачный, лукавый злодей!  
И с сердцем незлобным и с сердцем смиренным,  
Покорствуя думам, я делаюсь горд;  
И бью всех и раню стихом вдохновенным,  
Как древний Атилла, вождь дерзостных орд...  
И кажется мне, что тогда я главою  
Всех выше, всех мощью духовной сильней,  
И кружится мир под мою пятую,  
И делаюсь я все мрачней и мрачней!. .  
И, злобы исполнясь, как грозная туча,  
Стихами я вдруг над толпою прольюсь:  
И горе подпавшим под стих мой могучий!  
Над воплем страданья я дико смеюсь.*

Здесь также обыграны характерные черты поэзии раннего Бенедиктова: космизм, вернее, любовь к педалированию едва ли не астрономических, вселенских ипостасей бытия. Герой действительно хочет выглядеть этаким Зевсом-громовержцем, иногда, как известно, принимавшим вид дождя. Только в данном случае не золотого, а ядовитого, заразного. Наконец, клевреты со-здали обобщающий образ поэта Бенедиктова в программной пародии. Она называется «От Козьмы Пруткова к читателю в минуты откровенности и раскаяния». Прутков хвалит стихотворцев, удостоенных его пристального внимания. Он разделил их на четыре основных типа: прикрывшихся *личиной страдальца*; *громовержцев*, презирающих слезы страдальцев; поклонников *чистой красоты*, без конца воспевающих античность. И наконец среди этих *чистых поэтов* возникает четвертый тип — вполне узнаваемый, легко идентифицируемый образ:

*...Чей стих благозвучен, гремуч, хоть без мысли,  
Исполнен огня, водометов, ракет,  
Без толку, но верно по пальцам расчислен, —  
Тот также, поверь мне, великий поэт!*

*Итак, не пугайся, встречааясь с нами,  
Хотя мы суровы и дерзки на вид  
И высимся гордо над вами главами;  
Но кто ж нас иначе в толпе отличит?!*

*В поэте ты видишь презренье и злобу;  
На вид он угрюмый, больной, неуклюж;  
Но ты загляни хоть любому в утробу, —  
Душой он предобрый и телом предюж.*

Буквально в трех первых строчках дана удивительно меткая характеристика звонкой, огненной, но *расчисленной, сделанной* поэзии Бенедиктова.

## Жизнь после триумфа

Еще в 1830-х–40-х гг. его превозносили, не замечая тех ограхов, которые через 20 лет станут пародийной классикой. Сборники стихов расхватывали наперебой, а многие оценивали их выше Пушкинских. Почти через сто лет подобный успех в начале творческого пути сопутствовал и наиболее яркому обладателю *бенедиктовского* почерка — поэту Игорю Северянину. Блестяще-вычурный язык и того и другого (а Северянин еще и концертировал, буквально выпевая свои поэзы на мотив полонеза из оперы Тома «Миньон») обеспечили недолговечный, но высочайший градус популярности.

Например, в конце февраля 1918 г. в московском Политехническом музее были проведены выборы короля поэтов. Из двух претендентов на высокий титул, Маяковского и Северянина, венком победителя был увенчан все-таки Игорь Васильевич. Но буквально через 20 лет звезда *повсесердно утвержденного грёзера* почти погасла, уступив славу его громогласному со-пернику. Точно так же за 20 лет, прошедших со времен первоначального триумфа сборников Владимира Григорьевича, его стихи в глазах современников тоже как-то потускнели, утратили привлекательность. С легкой руки профессиональных критиков подобное направление получило обидный титул *ложновеличавой школы*. К поэтам этой когорты стали относить цветистого Александра Бестужева-Марлинского, поэта-патриота Нестора Кукольника и, конечно же, Владимира Бенедиктова. Из прозаиков — Михаила Загоскина, автора популярного исторического романа «Юрий Милославский» (одного из *Юриев*, как известно, даже *приватизировал* Хлестаков). Из актеров — Василия Карагыгина и т. п.

Однако освоенный К. Прутковым ранний Бенедиктов — это еще далеко не *весь Бенедиктов*. Всё, что было объектом критики В. Г. Белинского в 1830-х и добычей записного пародиста в конце 1850-х, уже сложнее обнаружить в стихах зрелого поэта.

Современный Бенедиктов уже не мог заинтересовать братьев Жемчужниковых и Толстого. Причина проста: это уже был другой поэт, который, возможно, и не в полной мере, но всё-таки избавился от прежних попыток красиво-величественно и музыкально-звонко передать бурю экзотических страстей, будь это виды северной природы или порывы экзальтированного лирического героя.

Оставлены наивные обещания одним ударом перекроить несправедливый мир, где начинали превалировать корысть и торгашеский расчёт. Стихам 1850-60-х присущ трезвый, внимательный взгляд на жизнь, окрашенный мягкой иронией и, самое главное, самоиронией.

Излюбленные эротические стихи раннего Бенедиктова практически всегда выглядели безвкусно, даже переходили грань пристойности. Но те же эротические мотивы в поздних стихах выглядят совершенно иначе. Так, например, в стихотворении «Плач остающегося в городе при виде переезжающих на дачу» автор с мягким юмором, с улыбкой наблюдает мирную картину перевозки домашнего скарба на летнее житьё:

Там, поглядишь, с бельем в союзе небывалом,  
Фарфор или хрусталь под старым одеялом;  
Перина и сундук знакомиться спешат,  
И сколько тайных чувств выходит на поверху:  
К кофейной мельнице тут ластится ушат,  
А тут тюфяк привстал и обнял этажерку;  
Там — хлама разного громадные узлы;  
И — что за дерзкий вид! — И стулья и столы  
Пред всею публикой (у них стыда ни крошки)





сколько скоры на дела будут потомки. Через каких-нибудь 100 лет они с помощью замечательно развитой науки смогут и самим себе устроить всепланетную катастрофу, не дожидаясь разрушений от вулканизма, землетрясений или космических тел.

Последователи натуралиста Кювье полагали, что именно подобные встряски становились причиной последующего развития более совершенной и высокоорганизованной формы жизни. Поэт и в середине XIX в. продолжил внимательно следить за достижениями естественных наук. В частности, за трудами французских эволюционистов — Ламарка и его продолжателей. Как уже было сказано, он неплохо разбирался в математике и не прочь был пофилософствовать на темы космологии («Тост», «Звездочет», «Затмение», «Коперник», «Образец смирения», «Перевороты»). Это также характерная черта позднего Бенедиктова.

### Последняя попытка оды

Скромные достижения этого периода творчества была уже почти незаметны на фоне прежнего оглушительного триумфа. Поэтому его сослуживец Козьма Прутков не тратил свой драгоценный яд на эти поздние творения. Сам поэт, продолжавший свою банковскую карьеру, уже не так часто и напоминал о себе до 1855 г., до последнего в его служебной карьере. С 1856 г. он в отставке и мог отдавать всё своё время творчеству.

Только с окончанием Крымской войны и воцарением Александра II, когда появилась надежда на отмену жестких цензурных ограничений, вновь подал голос в прессе. Одно из первых его творений переломного времени так и называлось. Ура-патриотическая ода «Встречный голос», посвященная коронационным торжествам, была с готовностью перепечатана Олонецкими губернскими ведомостями осенью 1856 г.

*Вот Он, наш Кормилец! Вот Он, в блеске новом!  
Встретим же Родного задушевным словом,  
Грянем целым миром — не одной столицей:  
Здравствуй, наш Желанный, с Матушкой-Царицей!*

Ясно, что у создателей Пруткова не появилось бы ни малейшего желания высмеивать подобные оды — себе дороже. Да и сам поэт быстро осознал напрасность надежд на радикальные перемены. Правда, всё слабеющие упования на справедливое мироустройство не покидали его до 1866 г., до вновь начавшихся гонений на литераторов и мыслителей демократического направления.

### Высоковольтная линия Бенедиктова

Умер Бенедиктов в 1873 г. в безвестности и одиночестве, прожив жизнь сугубо холостяцкую. Ничего не известно даже о его попытках направить существование в семейное русло. Хотя первые сборники переполнены воспеванием женской красоты, женского тела... Похоронен на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга. Там погребены поэт и учёный Василий Тредиаковский, знаменитый актёр Василий Каратагин, поэтесса Елизавета Кульман. Считается, что именно здесь упокоена няня А. С. Пушкина. Здесь первоначально были погребены Тарас Шевченко, Александр Блок, драматург Я. Б. Княжнин с женой (дочерью А. П. Сумарокова), баснописец А. Е. Измайлов, знаменитый поэт-графоман А. С. Хвостов и некоторые другие. В этом ряду как-то не принято упоминать имени поэта, начавшего свой творческий путь на берегах Онежского озера. Могила Бенедиктова не сохранилась. И от петербургского Смоленского целых 400 верст до московского Новодевичьего, ставшего местом упокоения другого видного петрозаводского чиновника и одновременно — прозаика-неудачника.

Итак, в образе литератора Пруткова суждено было встретиться (конечно, в числе прочих, менее значимых) двум чиновникам из губернского Петрозаводска. Двум совершенно разным по



таланту и схожим разве что по цвету мундира и чину. Оба почти в одно время стали объектом внимания авторов-клевретов. Только один из них засветился в *прутковском пантеоне* лишь номинально, частью своей биографии и с несколько видоизмененным именем, а В. Бенедиктов стал едва ли не главной пародируемой персоной сборника «Пух и перья». Можно бы ограничиться лишь этой стороной его творчества. Она по-своему значима и представляет немалый интерес для истории литературы.

Однако послушаем и сторону защиты. В 1980 г. известный советский поэт и знаток жанра Вадим Шефнер заявил:

Для меня высоковольтная линия дореволюционной российской поэзии проходит через такие имена: Державин — Пушкин — Лермонтов — Баратынский — Тютчев — Бенедиктов (да, Бенедиктов!) — Фет — Некрасов — Анненский — Блок... Это сугубо личное мое убеждение, на котором стою, но которое никому не навязываю. [Цит. по 26].

Отзыв Шефнера, безусловно, заслуживает внимания. Высказался о Бенедиктове и сам Некрасов: *Прекрасный талант, пошедший по ложному пути*. Ну что ж, хоть и с оговоркой, но в таланте-то не отказал! А по убеждению известного поэта-символиста начала XX в. Федора Сологуба именно Владимир Григорьевич считается предтечей модернистов, в первую очередь Бальмонта. Литературовед Юлий Айхенвальд выразился еще определенней: *Любитель слова, любовник слова, он в истории русской словесности должен быть упомянут именно в этом своем высоком качестве, в этой своей привязанности к музыке русской речи*.

Кроме того, Бенедиктовские изобретения небывалых доселе слов оказались интересны не только Игорю Северянину, но, как это ни удивительно, даже советским молодым поэтам 1930-х. Воспитанник ИФЛИ Михаил Кульчицкий был особенно чуток к звукописи в стихах и прозе: *Ну кто так пишет?* — досадовал он: *Дрова не хотели разжигаться...! Надо так: Огонь шипел на холодных сучьях*.

Ему, например, понравилось изобретенное Бенедиктовым словцо *зуболомный*. Кульчицкий лишь не согласился с тем, что поэт первой половины XIX в. сделал его синонимом прилагательного *сокрушительный* или *жестокий*. Кульчицкий использовал его в одном из своих программных стихотворений все-таки творчески [27]:

*Славлю мальчишек смелых,  
Которые в чужом городе  
Пишут поэмы под утро,  
Запивая водой ломозубой,  
Закусывая синим дымом...*

Приведенный эпитет с тех пор употребляется именно в предложенном Кульчицким значении. Пожалуй, не меньше дюжины бенедиктовских неологизмов, например, *водоскат*, *рифмоплетствовать*, *разгульность*, *огнемётный* и сейчас находятся в употреблении. А это, согласитесь, факт со знаком плюс для общей оценки наследия Владимира Бенедиктова.

Значение поэта, особенно его позднего творчества, для истории русской литературы не вызывает сомнений. А как отмечены годы его детства и юношества в бывшем губернском городе Петрозаводске, ныне столице Республики Карелия? Да, собственно говоря, никак. Большую долю вины за это следует возложить именно на К. Пруткова, на его *презентацию* раннего периода Бенедиктова. Позднего, зрелого поэта авторы-клевреты по указанным выше причинам обошли вниманием.



Стоит ли нам замалчивать память своего талантливого земляка? Конечно, переименовывать ул. Пушкинскую (по прихоти судьбы где-то на ней и жил будущий стихотворец) в ул. Бенедиктова никто и не помышляет. Но имя поэта В. Г. Бенедиктова может быть обозначено на памятной доске, прикрепленной к стене бывшей мужской гимназии, ныне Музея изобразительных искусств РК. Оно ничуть не менее значимо, чем имена учившихся в той же гимназии живописца В. Д. Поленова и лингвиста Ф. Ф. Фортунатова.

### Слава Бенедиктова и память о Полторацких

Сложнее с именем А. М. Полторацкого. Его заслуги в истории Петрозаводска не столь значимы. Самое примечательное событие, связанное с его именем, — это возвращение течения р. Лососинки в старое русло. Точнее, такой эффект был сюрпризом для самого 44-летнего помощника, оставшегося в августе 1800 г. на хозяйстве за отсутствующего шефа Ч. Гаскойна. Полторацкому пришлось тогда распоряжаться работами во время неожиданно случившегося наводнения.

Проливные дожди в середине августа не прекращались, заводское водохранилище грозило выйти из берегов. Наверное, можно было бы избежать катастрофы, заблаговременно устроив максимальный слив по главному каналу, идущему прямо по территории завода. Однако Александр Маркович, что называется, проспал катастрофу: он спохватился слишком поздно, когда наводнение приняло лавинообразный характер. Полторацкий распорядился прокопать с левой стороны огромного пруда небольшое отверстие под сарайми для руды и других материалов (на этом месте сейчас мост к «Экспоцентру»). Отдавая такой приказ, Александр Маркович слабо представлял силу водной стихии и запас прочности материала плотины. То, что сейчас именуется сопроматом, и прочие технические хитрости ему, как мы знаем, были неведомы. Аккуратного слива излишков не получилось. Вода в несколько минут размыла глиняное тело плотины, сараи с припасами рухнули в образовавшийся провал — и огромные массы получившейся пульпы понеслись по старому руслу в обход завода, разрушая все сараи и дома, построенные по берегам. Водохранилище буквально за день полностью обсохло, остановились заводские механизмы. Убытки только от остановки завода за всё это время составляли десятки тысяч рублей.

Вернувшемуся из вояжа Гаскойну пришлось создавать новый пруд выше по течению. Плотина этого водохранилища до сих пор существует с левой стороны от моста в створе ул. Антиканена (нумерация домов с конца 1920-х была принята от р. Лососинки). Для снабжения водой заводских механизмов был проложен громоздкий крытый лоток из толстых просмоленных досок. В начале XX в. лоток был заменен железной трубой большого диаметра, утепленной опилками и заключенной в дощатый кожух.

К счастью для Александра Марковича, казна отнесла все расходы по устройству плотины и лотка на разгул стихии. А Гаскойн, судя по *разбору полетов*, остался не очень доволен действиями заместителя, и во время своих отлучек уже не решался оставлять Александра Марковича на хозяйстве. Бывшего зятя он отоспал в Петербург, в деревню Тентелеву, где в это время заканчивали филиал петрозаводского Александровского завода. Он былпущен в апреле 1801 г. и разрушен знаменитым наводнением 1824 г., после чего возобновлен на новом месте и назван санкт-петербургским Александровским в честь императора Александра I.

Когда петрозаводская катастрофа 1800 г. подзабылась, а Гаскойн неожиданно скончался, Полторацкий, имевший хорошие связи в столице, занял его место и переселился в начальнический особняк на крутом откосе, под которым теперь шумели воды Лососинки. Напомню, что до 1800 г. этот дом стоял над сухой заводской площадью (сейчас она известна как заводская Ямка). Некогда, до 1772 г. по этому месту действительно бежали воды р. Лососинки, но после сооружения плотины течение Лососинки было перенаправлено в новое русло на территории

завода. Только после августовских событий 1800 г. Лососинка вновь улеглась в своё прежнее русло, в каком течет и по сей день.

Дом горного начальника по пр. Энгельса, 5 до сих пор стоит на своём историческом месте. В этом здании два года, с 1806-го по 1808 г., и жила семья А. М. Полторацкого, нового начальника Олонецких горных заводов. Как видим, в должности руководителя большой металлургической империи (Олонецкий горный округ включал в себя заводы и в северной столице) Полторацкий ничем особенным не прославился. Как прозаик — тем более. Из всего многочисленного семейства этого человека (жена, четыре сына и пять дочерей) получил известность, пожалуй, только один. Старший сын Полторацкого Александр Александрович известен историкам литературы как приятель А. С. Пушкина (см. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение) и, добавлю от себя, как возможный прототип главного героя романа «Евгений Онегин»<sup>1</sup>.

Сам Полторацкий-старший, как видим, занимает в истории литературы весьма скромное, но тоже в некотором смысле достаточно престижное место. Сам того не ведая, он вошел в число писателей, имевших отношение к литературной маске под именем Козьма Прутков. Похоронен Полторацкий на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве. Время сохранило там надгробия известных литераторов Н. В. Гоголя, С. Т. Аксакова, В. А. Гиляровского, А. П. Чехова, А. Н. Толстого, И. А. Ильфа, М. А. Булгакова, С. Я. Маршака, В. М. Шукшина, поэтов Д. В. Веневитинова и В. В. Маяковского... Надгробие несостоявшегося писателя затеряно среди прочих забытых могил.

Невольное участие Полторацкого-старшего в проекте «Козьма Прутков» заслуживает памяти, хотя бы опосредованной, то есть с упоминанием фамилии наиболее достойного из членов клана Полторацких. Как это сделать? Во-первых, предлагаю изменить мемориальный статус Дома горного начальника. Причём на памятной доске не обязательно перечислять уважаемых и эффективных управленцев из числа горных начальников. Имена Чарльза Гаскойна, Армстронга, Бутенева и других можно увековечить другим способом.

Дом горного начальника логичнее всего связать с именем одного человека — Александра Александровича Полторацкого, сына А. Полторацкого-старшего. В первую очередь потому, что он наиболее вероятный прототип главного героя романа «Евгений Онегин» (см. Н. Кутьков. Онегин с берегов Онего-озера [28]). Предполагаемый «Дом Онегина» в перспективе должен стать одним из важнейших туристических объектов Петрозаводска. В рассказе экскурсовода неизбежно будет упомянуто имя Полторацкого-старшего — этого вполне достаточно для увековечивания его невеликих заслуг.

Судя по всему, процесс признания такого мемориального статуса «Дома Онегина» обещает быть продолжительным, с проверками и перепроверками моей гипотезы, но есть надежда, что в конце концов он завершится. Пусть даже через десятки лет.



<sup>1</sup> В 2014 г. в Издательстве ПетрГУ вышла из печати монография автора под названием «Онегин с берегов Онего-озера», в которой убедительно доказана связь между А. А. Полторацким и героем романа А. С. Пушкина. [28]. На фото выше нынешнее состояние дома горного начальника. (Примеч. ред.)

## Послесловие

Один из наиболее важных выводов работы — засвидетельствование самого факта и, к сожалению, пока что не совсем полная (остались еще некоторые не вполне понятные детали!) разгадка своеобразной тайнотписи авторов-биографов К. Пруткова. Зачем Жемчужниковых прибегли к такому сложному, а потому и до сих пор слабо комментированному способу изложения биографии своего героя, всё-таки не вполне ясно. Могу лишь предложить свою версию на этот счёт.

### Современники о Пруткове

Имя Кузьмы сами авторы лукаво объяснили *подарком* их камердинера Кузьмы Фролова. Может быть, так оно и было. Но насчёт фамилии — заговор молчания. Безусловно, в задачу авторов и не входило сделать так, чтобы современники угадали всех реальных составляющих образа Пруткова. Это грозило бы большими неприятностями авторам-создателям литературной маски. А так — кому какое дело до того, что некий графоман первой половины XIX в. подарил их общему детищу свой литературный псевдоним?

Дормедон Прутков в 1860-х — 80-х гг. был уже забыт довольно прочно. Вернее, в 1852 г. его литературное морализаторство помнили только специалисты да родственники. Например, М. Бакунин, он же, как мы помним, Илиодор Проклеветантов. Да и помнил исключительно как забавную и никчемную выходку не вполне близкого и не очень приятного родственника, к тому же дурно воспитавшего своего младшего (и, скорее всего, любимого) сына. Из Петрапавловской крепости Бакунин, однако же, интересовался судьбой своего двоюродного брата, младшего сына Полторацкого:

...А propos, что делает сынок его, наш Cousin Pierre? (Петр Александрович Полторацкий) Он перестал к Вам ездить; слышал я, что супруга его Marie сбежала; экая какая! Неужели нашла еще хуже Петра! Впрочем, для него потеря не большая; она ему недорого стоила: только пять фунтов Жукова табаку да несколько глупо-трогательных фраз насчет будущности и благосостояния только что тогда купленных им крестьян, которых они потом оба лупили. Я помню, как Любаша браница меня за эту торговую сделку. Что ж делает он теперь? Пьет или играет в карты? Должно быть, пьет: ему нет другого выхода. Я непременно должен знать об этом. Варинька, он твой сосед, ты мне за него отвечаешь; к тому же ведь он отчасти также и твой воспитанник, ты во время оно сильно заботилась об обращении его на путь истины. Мне очень хочется заставить тебя, мою набожную и святую, немножко позлословить; а так как о Петре нельзя верно сказать нескольких слов, не сказав дурного слова, то я налагаю на тебя обязанность писать мне об нем самые подробные рапорты [10].

Из письма становится ясно, что к своему кузену и сверстнику, отставному штабс-ротмистру Петру Александровичу, равно как и к его отцу (неужели тоже лупил своих крестьян?) Михаил Александрович ничуть не расположен. И характеризует обоих без малейшего намека на родственный питет. Кстати, нрав свой Петр Александрович, похоже, заимствовал от бабушки Агафоклеи. Будучи совершенно неграмотной (какова аристократка!), но распорядительной иластной женщиной, Агафоклея Александровна славилась крутым нравом, граничившим с жестокостью.

Существует, например, легенда о том, что в старости она могла засыпать лишь под вопли наказываемых розгами крестьян. Агафоклея Александровна пользовалась даже большей известностью, чем ее сановный муж, директор придворной Певческой капеллы. В основном, правда, за свой вздорный характер и страсть к сплетням. Одно время по Петербургу прошел слух: *Полторачиху-де за наветы присудили к розгам* — и полгорода сбежалось на экзекцию, якобы назначенную на Сенной площади, под окнами большого дома Полторацких.

## Родственники Пруткова

Дворянский род Полторацких древним не назовешь. В сущности, его основал Марко Федорович, сын соборного протоиерея из маленького украинского города Сосницы. За прекрасный голос провинциальный синодальный певчий Марко Полторацкий (1729—1795) был доставлен ко двору императрицы Елизаветы Алексеевны. В столице он быстро сделал карьеру: стал директором придворной Певческой капеллы, в 1763 г. получил чин действительного статского советника и дворянство. А. С. Пушкин хорошо знал эту историю и в 1820 г. занес в свою записную книжку анекдот о тщеславном малороссе: *NN был недоволен обхождением князя Потемкина. Хиба вин не тямит того, — говорил он на своем наречии, — ибо я такой единорал, як вин сам.* Это передали Потемкину, который сказал ему при встрече: *Что ты врешь? Какой ты генерал? Ты генерал-бас!* Не правда ли, этот анекдот вполне мог бы войти в Прутковиану как сочинение Пруткова-деда.

Вообще разнообразные слухи о Полторацких широко циркулировали в обществе. Можно привести мнение о своем клане одной из наиболее знаменитых женщин XIX в., известностью своей обязанной исключительно А. С. Пушкину. Анна Петровна Керн, урожденная Полторацкая, пытаясь хоть как-то оправдать неподобающее мнение о семействе, писала впоследствии о своей родне: *Они были невысокого мнения друг о друге и верили всяким нелепостям про своих.* Речь, скорее всего, идет о вздорности и жестокости бабушки Агафоклеи и, главное, о недоброй славе одного из ее двоюродных кузенов. Алексей Павлович Полторацкий был автором сплетни о якобы тайном сотрудничестве Пушкина с Третьим отделением. Алексей (кстати, сочинявший *солёные* армейские эпиграммы, одна из которых понравилась Пушкину) вместе с кузеном Михаилом, сыном А. М. Полторацкого, подружился с Александром Сергеевичем во время южной ссылки, в Кишиневе.

Подробности о неудачливом *писателе* Пруткове-Полторацком могли дойти из первых рук до всех авторов К. Пруткова через Бакунина и Белинского. С Бакуниным один из братьев Жемчужниковых, Алексей Михайлович, был знаком через братьев Аксаковых, один из которых, Иван Сергеевич, был его однокашником по Училищу правоведения. Хотя и сам факт разгрома Белинским творчества Пруткова-Полторацкого в то время еще был на слуху, не забылся.

## Сочинение «Биографии»

Авторы-клевреты не спешили составлять жизнеописание К. Пруткова до 1876 г. После смерти А. К. Толстого в литературных журналах появились многочисленные псевдопрутковы. Жемчужниковым пришлось серьезно поработать, чтобы опубликовать подробные сведения о рождении, воспитании, службе и творчестве Козьмы. Но в каком виде!

Во-первых, авторам удалось столь ловко запутать читателей обилием разнородных биографических сведений, что в результате реальная биография Пруткова, изначально взятая за основу, видна лишь пунктирно.

Второе. Ограничив своего героя фальшивыми годами жизни и смерти, они сделали его моложе почти на полсотни лет. Никто из читателей подвоха даже не заподозрил, хотя окольными путями им всё-таки было сообщено, что искать Пруткова следует среди современников Павла I. Это позволило авторам без всяких цензурных ограничений вдоволь вышутить целую эпоху державных лиц империи буквально со времен Елизаветы Петровны. Цензору только в страшном сне могла привидеться сия дама-императрица под именем Капитолины Грай-Жеребец! А не менее обидный псевдоним *бывшей немецкой девицы Штокфии* (сущеная треска), обращенный к весьма дородной императрице Екатерине II? Сатирическими красками выписан и портрет самого Павла Петровича, в котором ни цензоры, ни читатели-совре-

менники, ни наши современники не разглядели низкорослого курносого императора, любителя вахтпарадов и фрунта.

Словом, двоякая цель «Биографии» была вполне достигнута, и следы злосчастного Пруткова почти полностью растворились в прихотливой вязи жизнеописания Козьмы Петровича. Хотя уверен, что многим литераторам *Прутковского круга* дешифровать указанных персонажей «Биографии» было бы вполне по силам.

### Родословная трех поколений Прутковых

Теперь можно представить свой вариант виртуального *родословного древа* Прутковых. Опубликованные в 1854 г. «Выдержки из записок моего деда» вполне справедливо указывают, что дед Пруткова родился в 1720 г. и скончался примерно в 1790 г. Сам он писал «Гисторические материалы Федота Кузьмича (деда)» в 1780 г. исключительно *ради душевных пользы сыну своему Петрушке и малому мальчишке Кузьке*. Спрашивается, как же мог родиться этот самий Кузька Петрович в 1801-м или 1803-м году? Выражаясь языком той поры, решительно никак и никоим образом!

Значит, Козьма Петрович мог родиться примерно в одно время с цесаревичем Павлом, т. е. в 1750—60-х гг. Год рождения Пруткова-Полторацкого этому соответствует — 1766 г. Следовательно, время рождения сына Козьмы, славного Фаддея Козьмича, плавно сдвигается на 1790—1800 гг. и таким образом разрешается загадка *его появления на свет до рождения самого К. П. Пруткова и якобы задолго до свадьбы с А. Проклеветановой*. Не задолго и не до, это теперь очевидно. Годы службы Фаддея Козьмича в таком случае приходятся на 1820-е гг. Что и подтверждает «“Церемониал погребения тела в бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Козьмича П.....”. Составлен аудитором вместе с полковым адъютантом 22-го февраля 1821 года, в Житомирской губернии, близ города Радзивиллова». Авторы почему-то не пожалели молодой жизни 30-летнего поручика Фаддея и совсем не озабочились, чтобы дата его рождения и смерти хоть как-то соответствовала датам «Биографии» его отца. Но зато время жизни и погребения Фаддея Козьмича прекрасно соответствует возрасту Козьмы Петровича — современника Павла I.

То же самое можно сказать и относительно заметок «С того света», где сам Козьма Прутков гневается на Бонапарта за сына Парфёна, убитого под Севастополем. И действительно, старший сын А. М. Полторацкого, отставной капитан Александр Александрович (о нем речь впереди) скончался именно в 1855 г. Дата смерти, несомненно, коррелируется со временем тяжелых баталий Крымской войны. Можно было бы заявить, что судьба мало кому известного Парфёна идеально соответствует конкретной судьбе старшего сына писателя Пруткова... Однако добросовестный исследователь, поколебавшись, решил не ставить в этом месте точку. Погиб сын Пруткова отнюдь не на бастионах Севастополя, а в отцовском поместье, в возрасте 63 лет.

Биографы Пруткова играют на сходстве имен главных действующих лиц Франции, разделенных 40-летним интервалом. Ясно, что по большому счету Луи-Наполеон-Бонапарт (Наполеон III, император Франции в период Крымской войны) мог нести ответственность за убитых под Севастополем русских солдат и офицеров. Но в действительности Александр Полторацкий, петербургский приятель А. С. Пушкина, был инвалидом Отечественной войны 1812 г. и как раз от последствий раны, полученной в 1813 г. под Люценом, где французской армией командовал сам Наполеон. Ранен Полторацкий был в грудь сквозь левую лопатку во время отступления, так как союзные войска не выдержали атак наполеоновской гвардии и были опрокинуты. От полного разгрома их спасло отсутствие у Бонапарта конницы, следовательно, у французов не было возможности преследования отходивших колонн.



Таким образом, Полторацкий-старший, он же литератор Прутков, мог быть в претензии к Наполеону, имея в виду Наполеона I, за тяжелое ранение своего старшего сына, едва не ставившее жизни 20-летнему прапорщику. Вот за что покойный Козьма Петрович гневался на Бонапарта. Младший сын Александра Марковича Пётр, рожденный в 1809 г., конечно, по возрасту мог бы участвовать в Крымской войне, но... отставной штабс-ротмистр П. А. Полторацкий, насколько нам известно из письма М. Бакунина, к тому времени наслаждался вином и картами и умер через несколько лет после войны, в 1861 г.

Следует заключить, что почти все особенности жизнеописания Александра Марковича и других членов семейства Полторацких вполне соответствует моему варианту расшифровки «Биографии». А сознательно искаженные авторами даты жизни и смерти К. П. Пруткова выполняют камуфляжную, маскировочную функцию, дабы не дать читателю и (самое главное!) цензуре прямых ссылок на периоды царствования Елизаветы, Екатерины и Павла...

### Портрет Козьмы Петровича

«Глаза есть — посмотри не могу...»



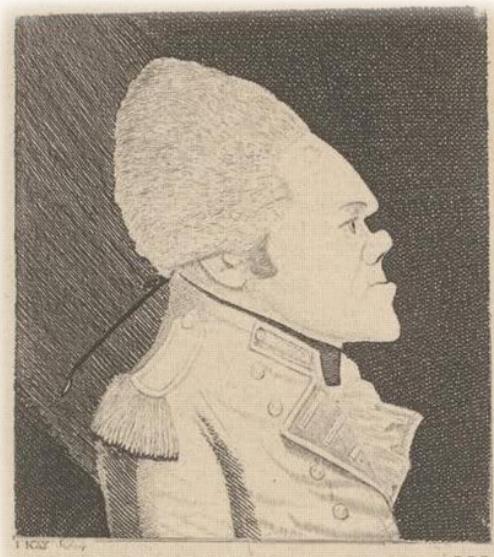
Рисунок А. С. Пушкина

Нельзя пройти мимо соблазна затронуть и особо щекотливую тему, связанную с иконографией Козьмы Петровича. Она самая трудная из-за недостатка материала, шаткости аргументации, наконец по причине разной способности читателей воспринимать изображение.

Пример. В одном из предыдущих исследований [28] мною опубликован пушкинский рисунок морской скалы Золотые ворота (на рукописи «Евгения Онегина»). В абрисе и некоторых деталях рисунка угадывается профиль императора Павла. Аналогичный профиль Павла, но уже вполне четкий, имеется и на черновике оды «Вольность». Точнее, на этом черновике Пушкин воспроизвел по памяти известную английскую карикатуру на Павла Первого.

Так вот, большая часть моих рецензентов и читателей узнавала профиль на рисунке скалы, но некоторая часть утверждала, что ничего подобного разглядеть не может.

Увы, так уж устроено у людей зрение, вернее, таковы свойства не самого зрения, а способности мозга анализировать и корректировать полученную зрительную информацию. Способности, выражаясь научно, к многоуровневой автономной корректировке неизбежных искажений восприятия зрительных образов у всех людей разные. Как говорил Гольд (в XIX в. так называли нанайцев) Дерсу Узала о неспособности Арсеньева и вообще городских людей правильно читать такие очевидные для охотника-следопыта лесные следы: *Глаза есть — посмотри не могу, понимай нету!*



Гравюра карикатуриста Джеймса Гиллрея



А может быть, в некоторых случаях это можно объяснить укорененной в нас безусловной верой в печатное слово, от которой предостерегал Прутков: *Если на клетке слона прочтёши надпись «буйвол», не верь глазам своим.* Только одни не верят надписи, другие — глазам своим. Если, например, написали специалисты, что Пушкин изобразил скалу Золотые ворота, значит, так оно и есть. Остальное — от лукавого.

Конечно, анализ портретного изображения Пруткова не является важной задачей исследования, но всё-таки этот аспект тоже часть тайнописи биографии знаменитого пародиста. Поэтому попробую. Начнем с работ предшествующих исследователей.

### Лицо из множества лиц

Установить, на кого намекает этот «портрет», очень трудно. Некоторое сходство имеет он с головой Петра I на «Медном всаднике» работы Марии Калло, ученицы Фальконета, изготавлившего совместно с ней этот памятник (П. Н. Берков, [цит. по: 21: 34]).



Того же мнения придерживаются литературовед академик А. С. Орлов и писатель Ю. Н. Тынянов. Слов нет, очень заманчивая версия! И ракурс, под которым всегда видна голова Петра, действительно совпадает с гордой посадкой головы сочинителя на рисунке. Однако можно и возразить поклонникам *петровской теории*: император не был значимым источником вдохновения для авторов персонажа по имени К. Прутков. Есть не лишенный резона вариант, что *портрет составлен из отдельных деталей лиц, участвовавших в создании Пруткова* (Б. Я. Бухштаб [цит. по: 21: 34]). В портретах всех троих предполагаемых авторов-клевретов можно обнаружить и буйные поэтические шевелюры, и похожие шейные галстуки. Только художнику пришлось бы слишком окарикатурить одухотворенные лица братьев Жемчужниковых, а особенно — А. К. Толстого. В его открытом истинно русском лице, выразительных светлых глазах, даже в аккуратной прическе, над завивкой и укладкой которой едва ли не каждый день работал парикмахер, нет абсолютно ничего *прутковского*. Могу развить мысль Б. Бухштаба в несколько ином направлении

и предложить третью версию происхождения графического портрета знаменитого стихотворца. Он может иметь характерные черты основных персонажей его пародий — стихотворных и прозаических. Остановимся на самых *любимых* объектах нападок Козьмы Петровича, оставив в стороне единичные (или чуть более того) упоминания А. Фета, А. Григорьева, Я. Полонского и некоторых других.

Конечно, как автору версии об использовании в собирательном образе личности Дормедона Пруткова, очень хотелось бы представить и внешность его создателя. Ведь есть же где-нибудь в провинциальном музее или в частном собрании его изображение! Только оно, скорее всего, значится как *Портрет неизвестного. Художник неизвестен...* Долгие поиски хотя бы какой-нибудь почеркушки ограничились единственной крохотной удачей. В одном из своих

альбомов 1806 г. А. Н. Оленин сделал набросок комического *торжественного въезда чахотного Геркулеса и прачки Минервы с их поезжанами, т. е. Федором, Александром и Константином Полторацкими*. Тогда столичная знать часто устраивала подобные костюмированные увеселения. Лиц на эскизе, к сожалению, не видно. Вот брат Константин Маркович как герой Отечественной войны 1812 г. удостоился кисти Доу и менее именитых живописцев и миниатюристов. Меньше повезло брату Алексею. Тот в конце жизни был предводителем дворянства Тверской губернии, умер в 1843 г., но тверское чиновничество успело заказать известному художнику В. В. Пукиреву портрет Полторацкого во весь рост. Судя по пропорциям, рост у него был *фамильный*, явно выше среднего, хотя и пребывал Алексей Маркович в весьма преклонном возрасте. Пукирев, как считают некоторые искусствоведы, использовал этот типаж (пожилой жених) для хорошо известной картины «Неравный брак» (1862 г.).

### Зачем Пруткову бородавка

Допустим, статность Пруткова для нас мало интересна — портрет погрудный. Мало чего даёт и описание телосложения самого *любимого* Прутковым автора — В. Бенедиктова. Современник поэта В. Бурнашев (в «Русском вестнике» за 1871 год, том ХСV) описывает внешность Владимира Григорьевича едва ли не карикатурно, совсем не под стать его *огнемётным* стихам. Мы видим «...человека плохо сложенного, с длинным туловищем, с короткими ногами, роста ниже среднего. Прибавьте к этому... лицо рябоватое, бледно-геморроидального цвета, с красноватыми пятнами и беловато-светло-серые глаза, окруженные плойкой морщинок...».

Однако попробуем сосредоточиться именно на лице персонажа и предположить, что одним из натуралистов для портрета Пруткова мог быть и В. Бенедиктов. А почему нет? Никто не станет отрицать, что он главный персонаж пародирования! На фотографии мы видим лицо с эдаким *павловским* курносым носом картофелиной, отрешенным недоверчивым взглядом истинного поэта, высоко завязанный атласный галстук... Представьте только ракурс с нижней точки. Из списка предполагаемых натуралистов я сначала с сожалением исключил много-кратно поминаемого здесь баснописца дедушку Крылова. Хотя уж к его-то портрету надо было присматриваться особенно пристально — басни-пародии в прутковском творческом наследии занимают почетное место.

Кандидатуру Крылова сначала не брал в расчет из-за его частенько отмечаемого современниками привычно неряшливого вида, не подобающего генералу-стихотворцу. Разве что традиционная поэтическая черта: *власы подъяты в беспорядке*. В «Материалах» упоминается также *целый ряд, правда, почерневших и поредевших от табаку и времени, но все-таки больших и крепких зубов*. Доподлинно известно, что из всех кандидатов именно Иван Андреевич был заядлым курильщиком. Пеплом от сигар он постоянно украшал и без того засаленный домашний сюртук или халат. Однако в процессе работы обнаружилась еще одна небольшая, но очень важная примета, общая для обоих героев. *Крыловским наследством* можно считать хорошо заметную бородавку на левой щеке Пруткова. Художники Жемчужников, Бейдеман и Лагорио не зря ведь её акцентировали! Присмотритесь: на известном портрете работы И. Е. Эггинка также хорошо видна бородавка на левой щеке знамени-



Эггинк Иван Егорович.  
Портрет И. А. Крылова. 1834  
(фрагмент)



Фрагмент портрета А. С. Пушкина работы В. А. Тропинина. 1827.  
Обратите внимание на два перстня

причине, скорее всего, Толстой и не отдал именно эти стихотворные шутки Козьме Петровичу. Плод сотрудничества двух великих поэтов интонационно никак не вписывался в Прутковиану. Посмотрите, как конгениально, следовательно, ничуть не обидно, так сказать, для основного автора *подправлены* следующие знаменитые четверостишия Александра Сергеевича:

### ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.  
Дева печально сидит, праздный держа черепок.  
Чудо! не съкнет вода, изливаясь из урны разбитой;  
Дева, над вечной струей,ечно печальна сидит.  
Чуда не вижу я тут. Генерал-лейтенант Захаржевский,  
В урне той дно просверлив, воду провел через нее.

### ЗОЛОТО И БУЛАТ

Все мое, — сказало злато;  
Все мое, — сказал булат;  
Все куплю,— сказало злато;  
Все возьму, — сказал булат.  
Ну, так что ж? — сказало злато;  
Ничего! — сказал булат.  
Так ступай! — сказало злато;  
И пойду! — сказал булат.

Я совершенно согласен с Д. Жуковым [29], отметившем, что авторы-создатели «пригоршнями черпали идеи и темы из пушкинского творчества. Прутков не отставал от них. Одной из пушкинских тем, которая проходила через все творчество Козьмы Петровича, была тема взаимоотношений поэта и толпы». Вспомним известные строки Пушкина:

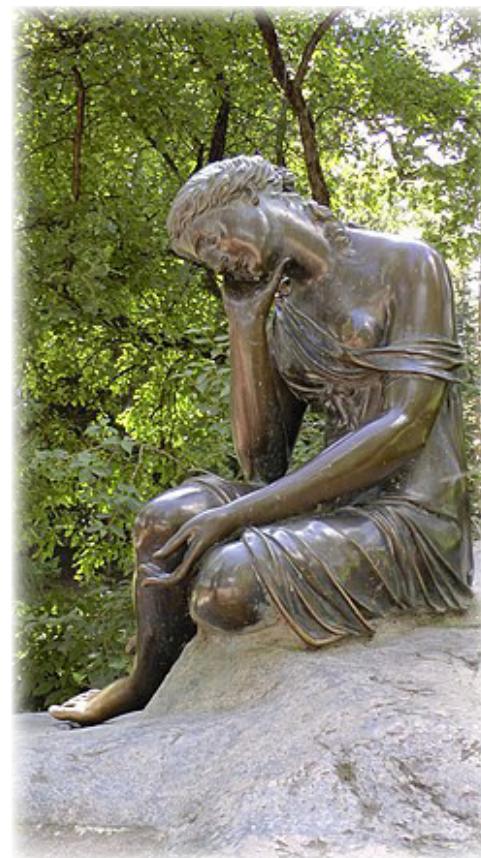
того баснописца. Разве только расположена она ближе к носу. Таковых не имеется ни у кого из пародируемых авторов.

Приведенные в предыдущих главах аргументы не исключают кандидатуры самого знаменитого поэта XIX века, которого также не раз беспокоили стрелы Козьмы Петровича. Стихи А. С. Пушкина перекладывал на *свой манер* и сам Козьма, конечно, с помощью таланта одного из своих создателей.

### Как же мы без Пушкина!

Алексей Константинович Толстой безусловно преклонялся перед талантом Пушкина, однако был не прочь поизорничать, *подправить* его стихи, особенно ранние, своим шутливым добавлением.

В результате из прекрасного рождалось новое прекрасное произведение, только с иной окраской. По этой



Павел Соколов. Девушка с кувшином.  
Екатерининский парк



*Поэт! не дорожи любовию народной.  
 Восторженных похвал пройдет минутный шум;  
 Услышиши суд глупца и смех толпы холодной,  
 Но ты останься тверд, спокоен и угрюм...*

А вот начало высокопарной, можно сказать, программной «обработки» этой же темы у К. Пруткова:

*Когда в толпе ты встретишь человека,  
 Который наг;  
 Чей лоб мрачней туманного Казбека, э  
 Неровен шаг...*

Кроме того, припомним и *жало мудрыя змеи* в *змеиной улыбке* пародиста. Значит, мы просто обязаны присмотреться к изображению Пушкина в связи с темой портрета. Прутковские униженные перстнями пальцы и плащ-альмавива намекают, конечно же, на массивные украшения перстов Александра Сергеевича на портрете Тропинина, а также на стиль его одеяния на портрете Кипренского. В 1827—1829 гг. поэт носил именно этот вид испанского верхнего платья, *закинув одну полу на плечо*. А мог ли графический Прутков образца конца 1850-х носить такой плащ? Нет, не мог, мода на альмавиву давно прошла. Значит, здесь намеренный анахронизм. Во второй половине XIX в. поэты, даже самого *ложновеличавого направления*, одевались примерно так, как на портрете Николая Щербины. Но если предположить, что имеется в виду другой литератор, творивший в конце 1820-х — начале 30-х (Бенедиктов и другие стихотворцы и прозаики), то альмавива будет вполне уместна. Кроме того, почему бы создателю классического портрета Пруткова не использовать главную деталь графического образа поэта — великолепные, как их называли современники, пушкинские кудри? Если при соединить хотя бы одну эту *примету истинного поэта* к облику Бенедиктова или же, например, министра финансов Гурьева (уж очень хороши его гордый взгляд!), то получившийся образ будет очень близок к *прутковскому*.

### К литераторам присоединяется император

Да взять буквально любого поэта, которого пародировал Козьма Петрович — в каждом из них, особенно в молодые годы, когда взор максимально отрешен от всего земного и кудри выются в романтическом беспорядке, можно обнаружить черты Пруткова. И Николай Щербина даже в зрелые лета вполне подошел бы на роль натурщика для художников Льва Михайловича Жемчужникова, Александра Егоровича Бейдемана и Льва Феликсовича Лагорио.

Наконец приведу описание внешности еще одного персонажа, хорошо известного братьям Жемчужниковым и Толстому: *Дверь отворилась без скрипу, и вошел в комнату мужчина средних лет и росту повыше среднего. Волосы его были кудрявые, глаза голубые, губы довольно толстые и нос вздернутый немного кверху*.

Это словесный автопортрет писателя Антония Погорельского (псевдоним Алексея Перовского, дяди А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых). Тоже что-то очень знакомое, не правда ли? Но только Алексей Толстой вряд ли позволил бы себе насмешку над любимым дядей, который написал для маленького Алеши Толстого знаменитую сказку «Черная курица»...

Словом, вариантов в процессе поиска истоков графического изображения К. Пруткова можно набрать великое множество.

Однако попробуем выбрать наиболее вероятное сочетание самых характерных признаков предполагаемых *натурициков*. Более всего мне импонирует точка зрения Б. Бухштаба, но

с оговоренными выше поправками. Поэтому логично допустить, что в облике мэтра должны присутствовать черты главных пародируемых персонажей и упоминаемых в «Биографии» исторических личностей. Не зря цензура еще в 1883 г. заподозрила нечто подобное.

Письмо В. Жемчужникова к А. Пыпину: *Но цензор не дозволил выпуска этого портрета на литографии, подозревая, что это также насмешка над каким-либо действительным лицом.* Конечно, насмешка. Только над кем? Ясно, что вариант с головой Петра, который отставали П. Берков, А. Орлов и Ю. Тынянов, люди безусловно уважаемые и авторитетные, все-таки нельзя признать состоятельным. Не входил император Петр Алексеевич в круг персонажей К. Пруткова. Зато другой император, условный потомок Петра Великого, очень часто мелькает на страницах сочиненной Жемчужниковыми биографии и, по сути, главный ее герой наравне с Козьмой Петровичем. Оба *Петровича*, как мы помним, родились в один день и воспитывались одинаково. Это малтийский кавалер и *русский Гамлет* Павел I. О нем по причине зашифрованности указанного персонажа в «Биографии» и «Материалах» никто из исследователей, анализировавших портрет Пруткова, даже и не вспоминал.

### Павел, Пушкин, Крылов и Бенедиктов

А ведь действительно, на рисунке английского карикатуриста Джеймса Гиллрея характерный ракурс горделивой коротконосой физиономии императора почти полностью совпадает с прутковским. Правда, нос Козьмы Петровича волею создателей-художников все-таки не столь мал, как у Павла Петровича, скорее смахивает на бенедиктовскую картофелинку.

Плащ-альмавива, перстни на пальцах и кудри — лукавая отсылка, безусловно, не к самому главному объекту пародий, зато к общепризнанно главному поэту XIX в. — А. С. Пушкину. Эти атрибуты в данном случае маркируют, так сказать, облик поэта вообще. Ну, а неоднократное упоминание авторами-клевретами статности Козьмы Петровича, которого *за одну фигуру можно сделать губернатором?* Авторы, наверное, не зря одарили Пруткова гвардейским ростом. Таковым не мог похвастаться ни самодержец Павел Петрович, ни именитые поэты Владимир Григорьевич, Иван Андреевич и Александр Сергеевич. Рост, пожалуй, — самая броская примета нашего героя. Её мы великоложно адресуем литератору, известному лишь в самых узких кругах. Автору «Провинциальных бредней Дормедона Пруткова». Должен ведь и он *внести свои три копейки* в изображение мэтра! Хотя завидная стать Козьмы Петровича лишь оговорена его литературными создателями. Наконец, последним штрихом в этом сборном портрете может служить бородавка, *подаренная* русским баснописцем №1 своему не менее искусному и знаменитому последователю. Такое толкование изобразительных элементов в классическом портрете нашего героя представляется наиболее вероятным.

Завершить тему мне захотелось сонетом Игоря Северянина, посвященным Пруткову [30]. Автор сонета, как мне кажется, отразил главную особенность творчества Козьмы Петровича — вневременную сущность, обеспечившую ему (вернее, всем четырем его авторам) литературное бессмертие.

*Как плесень на поверхности прудков,  
Возник — он мог возникнуть лишь в России —  
Триликий бард, в своей нелепой силе  
Не знающий соперников, Прутков.  
Быть может, порождение глотков  
Струй виноградных, — предков не спросили, —  
Гимнастика ль умов, но — кто спесивей  
Витиеватого из простаков?*



18. [Смыр М., сост.] Короткий век Павла I : 1796—1801. URL: <https://www.livelib.ru/book/167492/readpart-korotkij-vek-pavla-i-17961801-gg-m-smyr/~3>.
19. Санкт-Петербургские Ведомости. 1821 г. № 4.
20. Белинский В. Г. Письмо В. П. Боткину. СПб. 1840, августа 12 дня. URL: <https://poesias.ru/letters/belinskii-vissarion-g-perepiska/pismo-10204.shtml>.
21. Смирнов А. Е. Козьма Протков. Москва : Молодая гвардия, 2011. URL: <https://litlife.club/books/197275/read?page=33>.
22. Искюль С. Н. 1812 год: «...К отправлению из Петербурга в случае опасности» // История Петербурга. 2011. № 5 (63).
23. Алексеев М. П. Пушкин. Ленинград : Наука, 1972.
24. Гердер, Иоганн Готфрид. URL: [https://web.archive.org/web/20111028153212/http://ru.wikipedia.org/wiki/Гердер,\\_Иоганн\\_Готфрид](https://web.archive.org/web/20111028153212/http://ru.wikipedia.org/wiki/Гердер,_Иоганн_Готфрид).
25. Турбин В. Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов». Москва, 1978, с. 69—79.
26. Роман Григорьев 2. Шефнер Вадим. Собрание сочинений. Том 1. URL: <https://proza.ru/2025/05/14/1547>.
27. Кульчицкий М. Самое страшное в мире. URL: <https://ryfma.com/p/X7PiAHZKA6jGrR6oG/samoe-strashnoe-v-mire>.
28. Кутыков Н. П. Онегин с берегов Онего-озера: литературно-краеведческое исследование. / науч. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2014. ISBN 978-5-8021-2096-5.
29. Жуков Д. Мир Козьмы Проткова. Козьма Протков и его друзья. Москва : Терра ; Книжный клуб. 2003.
30. Северянин И. Медальоны: Протков. URL: <https://rustih.ru/igor-severyanin-medalony-prutkov/>.

## THE SECRET WRITING OF “BIOGRAPHIES” BY KOZMA PRUTKOV (A Story of Two Writers from Petrozavodsk)

**Nikolai P. Kut'kov**

Independent Researcher,  
Local Historian  
Petrozavodsk

**Abstract:** Among the many poets and prose writers, primarily from the 19th century, only a few have caught the attention of the literary satirists writing under the pseudonym Kozma Prutkov. It's not difficult to list the poets who became targets of the parodies by the Zhemchuzhnikov brothers and Alexei Tolstoy. However, it is much harder to name even a few prose writers who provided material for Kozma Prutkov's work. Nonetheless, there exists an “autobiography” of Prutkov, which allows us to make a well-founded assumption about one of them. This individual is a retired bureaucrat who is of interest to us because he spent the first 15 years of his civil service in the city of Petrozavodsk. Additionally, one of the main subjects of Kozma Petrovich's poetic parodies was Vladimir Benediktov, who spent his childhood and youth in our city.

**Key words:** Kozma Prutkov; biography; parodic addressees; Vladimir Grigoryevich Benediktov; Alexander Markovich Poltoratsky.